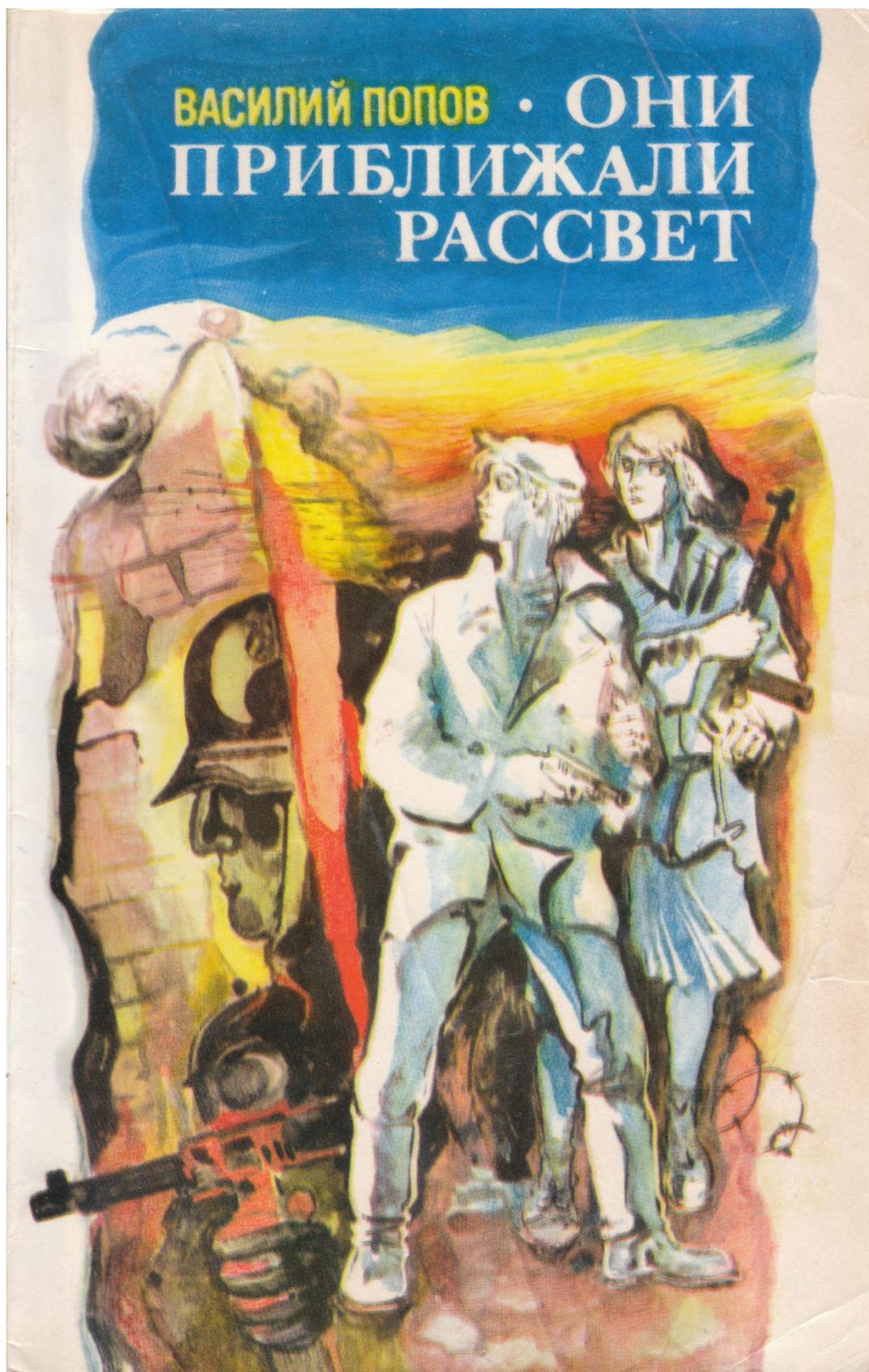

ВАСИЛИЙ ПОПОВ • ОНИ
ПРИБЛИЖАЛИ
РАССВЕТ

**ВАСИЛИЙ ПОПОВ • ОНИ
ПРИБЛИЖАЛИ
РАССВЕТ**

**ВАСИЛИЙ ПОПОВ • ОНИ
ПРИБЛИЖАЛИ
РАССВЕТ**

ПОВЕСТЬ

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чёрные крылья	5	Подготовка	78
«Приказываю оставаться в городе!»	11	Мсть за погибших	80
Горькие вести	14	Тревожный день	87
Беда не приходит одна	18	Верить — не верить	93
Катя Соловьянова идёт в Анапу	21	Посланец партии	96
Первые шаги	25	Изгнание	102
Встречи	30	Дядя Коля	104
Лицо предателя	35	Мамед Абдуллаев	109
Первая операция	39	Песня над городом	112
Совещание	42	Лисья морда	115
Яринов	47	Сказка о пленённом солнце	119
Патруль	51	Расплата	123
Владик Каширин	55	Цена «доверия»	127
Листовки	59	Клавдия Торсина	131
На базаре	63	Арест	134
Разговор	67	«А солнышко будет светить!»	137
«Ловля на живца»	70	Группа «Рассвет» действует	140
Задания партизан	76	Послесловие	143

Художник **П. Е. Анидалов**
Рецензент **Г. И. Свиридов**

Попов В. А.

П 58 Они приближали рассвет: Повесть. — 2-е изд. — Краснодар: Кн. изд-во, 1983. — 144 с., ил.
Ц. 30 коп.

Повесть о комсомольском подполье в годы Великой Отечественной войны в городе Анапа.

За книгу «Они приближали рассвет» кубанский писатель В. А. Попов удостоен в 1974 году звания лауреата премии краснодарского крайкома ВЛКСМ в области литературы и искусства имени Н. Островского.

П $\frac{4803010102 - 22}{M146(03) - 83}$ 67 — 83

Р2

Василий Алексеевич Попов **ОНИ ПРИБЛИЖАЛИ РАССВЕТ**

Повесть

Для детей среднего и старшего школьного возраста

Издание 2-е

ИБ № 1119

Редактор **Ю. Г. Макаренко**. Художественный редактор **М. К. Омелянчук**. Технический редактор **Е. П. Леонидова**. Корректоры **З. И. Нестерова**, **Т. И. Козедуб**. Сдано в набор 19.01.83. Подписано в печать 21.03.83. Формат бумаги 84 × 108/32. Бумага типографская № 3. Гарнитура шрифта литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 8,08. Учётно-изд. л. 7,94. Тираж 30 000. Заказ 415. Цена 30 коп. Краснодарское книжное издательство. Краснодар, улица имени Кирова, 3. Типография издательства «Советская Кубань». Краснодар, улица имени Шаумяна, 106.

© Краснодарское книжное издательство. 1983

ЧЁРНЫЕ КРЫЛЬЯ

На востоке, за горами, утро уже разжигало солнечный костёр. Там рождался новый день. Но море ещё спало. Огромное, тёмно-свинцовое, оно сонно тёрлось о сваи причала и вздыхало. С берега ветерок доносил запахи не успевшей остыть от дневного зноя земли, привядших трав, терпкие и пряные запахи анапского лета.

«Будто и нет никакой войны, — подумала Катя Соловьянова, поправляя на плече широкий ремень кавалерийского карабина. — Будто просто загулялась я с девчатами. Вот приду сейчас домой, мама заворчит на меня, а потом напоит холодным молоком. И я лягу спать...»

Это было бы так хорошо, что Катя даже замедлила шаги и прищурила глаза, чтобы ещё хоть на минуту сберечь в себе ощущение покоя и мира.

— Стой! Кто идёт? — окликнул её из-за груды прикрытых брезентом ящиков звонкий, чуть гортанный голос Зиновия Солтановского, которого в школе все звали девчачьим именем Зинка.

— Свои, седьмая школа! — негромко откликнулась девушка.

— Светлый день! — отозвался Солтановский.

Его нескладная, длинная фигура показалась из-за ящиков.

— Не спишь?

— Не сплю... — Зиновий шмыгнул носом, передёрнул плечами. — Ночь какая... Будто и нет войны.

Катя поразилась тому, как совпали их мысли.

— А ведь война есть и фашизм есть, Катюша, — продолжал Солтановский. — И мы уже не ребята из седьмой школы, а бойцы комсомольского взвода истребительного батальона.

Катя вздохнула:

— Ладно, иди спать, философ! Пост принят!

Устало передвигая ноги, обутые в огромные солдатские ботинки, Зинка Солтановский ушёл в темноту.

А Катя, расхаживая вдоль штабелей ящиков, ожидавших погрузки, наблюдала за рождением летнего утра. Можно тысячу раз любоваться рассветами и находить в них новые прелести и краски. Небо за тёмной стеной гор всё больше голубело, словно кто-то разбавлял его густую синеву волшебной водой. Вот в голубоватом сиянии появились золотистые отсветы, зыбко замерцало море...

«Море, город тишина... Как хорошо!» — взгрустнула Катя. Она думала о том, как странно бывает в жизни — живут люди, ходят в школу, вечерами шагают в киношку или на танцы — и не понимают, какое это счастье — жить на мирной земле.

Катя вспомнила Петьку Хмару, своего одноклассника и друга. Рослый, круглолицый, бе-

ловолосый... Ей даже послышался его голос: «Как мне не хочется уходить от тебя, Катюша!..»

Они мечтали всю жизнь быть вместе. Оба хотели быть учителями. Катя решила стать преподавательницей литературы, а Петька, прозванный в классе Пьером Безуховым, собирался на физмат.

На третий день войны Петьке удалось каким-то образом уговорить военкома... Правда, он имел несколько прыжков с парашютом, был отличным стрелком, водил автомашину...

«Жди меня, жди!» — горячо шептал он, обнимая Катю.

И ушёл. И с тех пор ни весточки.

Из маленького домика, в котором совсем недавно размещался весовщик пристани, вышел широкоплечий усатый старшина с туго набитым вещевым мешком. За ним несколько солдат с лопатами и вещмешками. Последним был белобрысый мальчишка лет двенадцати.

— Ну, дядя Митя! Ну возьмите меня! — упрашивал мальчишка. — Вы же сами говорили, что руки у меня ловкие, и все эти самые взрыватели я изучил... Возьмите!

— Как разговариваете, боец Каширин! — нарочито строгим басом рявкнул старшина. — Никакой я вам не дядя Митя, а старшина отдельного сапёрного взвода! И раз дан вам приказ варить для бойцов суп-концентрат и кашу, значит, никаких разговоров! Как надо отвечать, боец Каширин?

— Есть, товарищ старшина, варить суп-концентрат и кашу!

— Ну вот, совсем другое дело, Владька! — добродушно сказал старшина. — Действуй! А завтра пойдёшь с нами минировать дороги... Потопали, ребята!

Владька, насупившись, смотрел вслед уходящим сапёрам. Потом обернулся, пренебрежительным взглядом окинул стоящую возле ящиков тоненькую, высокую девушку с карабином и сплюнул сквозь зубы:

— Подумаешь, пост, ящики с таранкой охранять!

— Подумаешь, кашу варить! — засмеялась Катя. — Поперёк супа в ложке плавать.

Мальчишка шагнул в дверь и захлопнул её за собой.

Катя пошла вдоль штабеля.

В конце причала перекликались ребячьи голоса.

— Варька, где моя кружка? Я тебе вчера её давала, — кричала девчонка.

— Первый отряд! Умыться!

Катя смотрела на весёлую возню около баржи. Мальчишки и девчонки, не старше восьми-девяти лет, суетились вокруг своих воспитательниц, как цыплята возле наседок. Катя знала, что ребяташки эвакуированы из Ростова. Утром должен был прийти из Новороссийска буксир «Молодец» и увести баржу дальше.

Кудрявая девчужка в голубых трусиках, высунув кончик языка, старательно умывала куклу...

Из дома снова вышел мальчишка. Теперь он смотрел на Катю чуть смущённо.

— Эй, часовая! — откашлявшись, окликнул он.

— Чего тебе, кок? — обернулась к нему Катя.

— В эту самую кашу... Ну, которая пшённый концентрат, соль сыпать надо?

— Не надо! Раз концентрат, значит, в него всё, кроме воды, заложено...

Становилось жарко. Катя расстегнула ворот гимнастёрки и взглянула на солнце, стараясь определить, скоро ли её сменят. На полузатоленном во время бомбёжки теплоходике зафыркал мотор помпы, и белёсая толстая струя воды хлынула за борт.

Катя с удовольствием подумала о том, как после смены она выкупается в море, поест в столовой батальона и пойдёт навестить мать. Обязательно нужно будет сходить к матери, уже три дня Катя не была дома...

И вдруг что-то сразу изменилось. Ребятишки испуганной стайкой метнулись к своей барже. На берегу засуетились зенитчики, и тонкие жерла орудий стали подниматься.

Из-за золотистого облачка вывалились два чернокрылых самолёта. Они неслись вниз, к пристани, и гнусавый гул их моторов перекрыл гудение движка. Отрывисто застучали зенитки. И сейчас же послышался зловещий свист бомб.

Одна из них врезалась в штабель ящиков в нескольких метрах от Кати. Девушка упала на горячий асфальт причала, с ужасом ожидая взрыва. Но взрывы грохнули в конце пристани. Катя увидела клуб пыли и дыма на причале, огненную вспышку, разметавшую корму баржи, столб воды, поднявшийся из моря. По пристани прокатилась воздушная волна, пахнуло душной гарью.

Катя побежала к концу причала.

Баржа медленно погружалась кормой. На палубе метались малыши. Пожилая женщина в белом халате грозила кулаком вслед улетающим самолётам. Воспитательница, с перекошенным от страха лицом, бежала к сходням, прижимая к груди окровавленную бело волосую девчужку.

Катя швырнула карабин на красный металлический ящик с песком, прыгнула на кренящуюся палубу.

— Фашисты уже улетели! — крикнула она. — Их прогнали! Не плачьте!..

По пристани бежали ребята из осоавиахимовского комсомольского взвода — Зинка Солтановский, Роза Дегтярёва и другие.

Катя подхватывала плачущих малышей и передавала их на пристань. Подросли бойцы-зенитчики, женщины с рыбозавода. Непрерывно сигнала, подкатила машина скорой помощи. С баржи, до того как она, задрав нос, погрузилась в воду, успели снять не только ребят, но и их вещи — маленькие чемоданчики, мешочки с вышитыми на них именами и фамилиями, чайники.

Нахмутив брови, Катя смотрела, как погружается судно в море. Баржа казалась живым существом, борющимся со смертью. Из трюмов доносились звуки, напоминающие стоны, вздохи. Вот корма ушла под воду, нос взметнулся над причалом...

Возле чугунного кнехта валялась кукла в белом разорванном платице. Фарфоровыми глазами смотрела она в небо.

«Это же та, которую умывала кудрявая девчужка!» — вспомнила Катя.

В стороне, сидя на грязном дощатом настиле причала, плакала женщина в белом халате. Она тоже смотрела на куклу.

— Нет уже... Нет нашей Надюшки, — чуть слышно проговорила она.

Катя ощутила, как к горлу подступает комок. Оглянулась. Небо снова было синим, золотистое облачко уплыло к горизонту. Но девушке виделись горбатые контуры самолётов, зловещие кресты на крыльях...

«Проклятые! Звери!» — шептала Катя, не чувствуя слёз, катящихся по лицу.

Издалека, от штабеля ящиков, донёсся сердитый мальчишеский голос:

— Проходи! Проходи, стрелять буду!

Катя вспомнила, что она на посту, что ей доверена охрана ящиков. Она подбежала к тому месту, где оставила карабин. Оружия не было.

«Наверное, Зинка взял, — подумала она. — Всегда у него дурацкие шутки!» И тут же мелькнула тревожная мысль: «А если не он?!»

Подбежала к штабелям. Среди развалившихся ящиков и разбросанных золотистых рыбин с карабином наизготовку стоял мальчишка. Он обернулся.

— Тоже мне, часовой называется! Бросила пост и отчалила! Стой тут за неё...

Он сунул в руки Кати карабин. Катя вспомнила о первой невзорвавшейся бомбе. Она таилась где-то здесь.

— Ой, Владька! — испуганно вскрикнула девушка.

Мальчишка вскинул голову.

— Никакой я тебе не Владька, поняла? Я боец отдельного сапёрного батальона, Владислав Каширин...

— Подожди, Владька! — отмахнулась Катя. — Скажи скорее, где ваш старшина? Где другие сапёры?

— А это вас не касается! — мальчишка воинственно оттопырил нижнюю губу. — Бойцы на задании.

— Не время чудить, Владька! — рассердилась Катя. — Здесь бомба, понимаешь? Невзорвавшаяся бомба!

— Где? — В глазах мальчишки вспыхнули тревожные огоньки.

— Здесь, в ящиках... А вдруг она — замедленного действия?

— Надо обезвредить! — Мальчишка решительно шагнул к нагромождению досок и рыбы.

— Ой, Владька, не надо! Ты же не сумеешь! Подорвёшься!

— Ну вот — подорвёшься. Не бойся! Не впервой нам фашистские бомбы разряжать. А ты, если боишься, шагом марш отсюда!

Катя откинула за спину косы, принялась отбрасывать рыбу и доски.

Бомба лежала на боку, грузная, маслянисто-чёрная, похожая на дельфина.

Владька припал к её корпусу, вслушался. Поднял голову, спокойный, сосредоточенный.

— Нормальная, без часового механизма! — ломким баском сказал он. — Взрыватель сбоку, вывинчивается... А ты всё же лучше отойди, мало ли что!..

Кате было очень страшно, но она решительно сказала:

— Никуда я не уйду! Я же на посту.

Владька нагнулся над бомбой. Тонкие руки его двигались осторожно и ловко.

А Катя со стыдом ощутила желание свернуться в комочек, бежать, спрятаться. Она с трудом подавила в себе вспышку страха.

«Эх, почему мы в Осоавиахиме не проходили сапёрное дело! — думала она, тревожно наблюдая за плавными, уверенными движениями мальчишеских рук. — Стрелять учились, противогазы надевать, а в сапёрном деле — ничего!»

Владька выпрямился и грязной рукой отёр лоб. В другой руке он осторожно держал чёрный цилиндр.

— Ну, вот и всё! — проговорил он.

Только лёгкая дрожь голоса выдавала: вовсе он не был так спокоен и уверен в себе, как казалось.

— А ты молодец, сапёр Владислав Каширин! — с уважением сказала Катя. И облегчённо вздохнула.

«ПРИКАЗЫВАЮ ОСТАВАТЬСЯ В ГОРОДЕ!»

В этот день Катя шла по знакомым улицам и не узнавала их. Анапа, родная Анапа, южный шумливый юрод как-то сразу стал другим. Обычно город с утра звенел голосами: перекликались соседки, открывая разноцветные ставни маленьких, сложенных из пористого известняка домиков, орали мальчишки, игравшие в «наших» и «фрицев», старики сообщали друг другу новости, услышанные по радио. Город всегда жил шумной жизнью, к которой привыкли южные города. И у жителей его, с детства большую часть времени проводящих на улице, это стремление к коллективной жизни не только не ослабло, а, наоборот, окрепло во время войны. Оставшиеся с ребятами женщины и старики совместно ре-

монтировали хаты, помогали друг другу ухаживать за виноградниками, делились кукурузной мукой и выловленной в море рыбой. И если приходила с фронта похоронная, женщины всего квартала оплакивали убитого, изливая в слезах и свою боль, и тревогу.

И вдруг Анапа переменилась. Казалось, домики затаились в зелени виноградников, закрыли глаза веками ставней. И люди, молчаливые, замкнутые, осторожно оглядывали пустые улицы из-за густой зелени виноградников и каменных заборчиков.

Только в скверике Катя встретила первого прохожего — девушку с карабином и увесистым вещевым мешком за плечами. Катя ещё издали узнала секретаря райкома комсомола Машу Петрову и обрадовалась.

— Здравствуй, Маша! — крикнула Катя. — А я к тебе.

— Здорово, Соловьянова! — Маша стиснула ладонь Кати крепкой маленькой рукой. — Некогда мне, понимаешь, здорово некогда... Если очень нужно — давай, проводи меня немного. Что у тебя?

— А ты ещё спрашиваешь?! — с обидой выкрикнула Катя. — Сами уходите в горы, а нас бросаете здесь!

Маша нахмурилась и вздохнула:

— Ты сама понимаешь, что партизанский отряд не может быть крупным, иначе фашисты найдут его. Да и оружия, и продуктов у нас маловато.

— Но ведь я была в истребительном батальоне!

Маша бросила взгляд на помрачневшее лицо Кати и торопливо заговорила:

— Но ты не обижайся, мы рассчитываем на тебя. Нам и в Анапе потребуются верные люди. Уверена, что не подведёшь. Ну, до новой, более радостной встречи!

Маша снова сжала ей руку. И вдруг строгий секретарь райкома комсомола хлюпнула носом, уткнулась губами в щеку Кати. И, словно испугавшись, оттолкнула Катю от себя, быстро зашагала в боковую улочку.

Катя проводила её взглядом. Маша обернулась, осмотрелась и нырнула в виноградник. «К Титаренко пошла», — догадалась Катя.

Она не знала, что ей делать. На душе было горько и пусто. Она не представляла себе, как она, комсомолка, сможет жить при фашистах!

Школа... Октябрятская звёздочка... Пионерский галстук... Её учили быть отважной и гордой. С детства она и её друзья с трепетным восторгом относились к образу Ильича, считали себя ленинцами. Понятие «фашизм» для Кати и её сверстников означало всё самое тёмное, подлое, жестокое. Фашисты уничтожали всё светлое и благородное в Италии и Германии. Они подавили свободолюбивый испанский народ.

И теперь эта зловещая сила станет хозяином её, Катиной, судьбы? Всё, что с детства было священным и любимым, станет запретным? И сама она, комсомолка Катя Соловьянова, станет рабыней у фашистских захватчиков? И любой из них сможет безнаказанно оскорбить и унижить её?

Нет! Не может быть, чтобы её не взяли в партизанский отряд, чтобы её оставили во власти врага. Маша Петрова не взяла — возьмут другие. Надо идти в райком партии!

Двери райкома были распахнуты. В пустых комнатах стояли на столах молчаливые телефоны, шуршали под ногами бумажки.

Донёсся мужской голос:

— Кончай быстрее свою возню! Этак мы с тобой прямо фрицам в лапы угодим!

Другой голос ответил:

— Сейчас, товарищ командир! Последний блок проверяю!

Катя побежала на звук голосов.

В большой квадратной комнате было два человека. Один, склонившись над столом, привинчивал какую-то деталь внутри зелёного ящичка полевой радиостанции. Катя узнала

радиста. Этот парень работал на радиоузле, и городские мальчишки прозвали его Серебряным Горлом. После операции ему в горло вставили металлическую трубочку. Он был злой, и мальчишки его боялись.

Второй человек, немолодой, стоял рядом с ним. Он сердито взглянул на Катю и пошёл в соседнюю комнату. Девушка последовала за ним.

— Тебе чего? — строго спросил он Катю.

Волнуясь, Катя сбивчиво рассказала ему о себе.

В этом году закончила школу, комсомолка. Сдала нормы ворошиловского стрелка. Была в истребительном батальоне...

— Возьмите меня в отряд! — попросила Катя. — Не могу я, не могу оставаться у немцев...

Лицо человека — озабоченное и твёрдое — смягчилось.

— Не можем мы этого сделать! — вздохнул он. И по-отцовски положил на плечо Кати тяжёлую руку. — У нас всё рассчитано: и количество людей, и оружие, и продукты... Но ты оставайся такой, какой была, оставайся комсомолкой. Недолго будет власть фашистов здесь, на нашей земле! — Он снова взглянул в расстроенное лицо Кати, спросил: — Так твоя фамилия Соловьянова? Петрова знает, где тебя найти?

— Знает... Я с ней говорила.

— Вот и хорошо. А сейчас взять тебя с собой не могу!

— Конечно, товарищ командир, — входя, вмешался в разговор радист. — Что у нас, детский сад, что ли...

— Помолчите, Яринов! — оборвал его командир.

— Я всё равно не могу! — крикнула Катя. — Не могу оставаться при немцах. Я уйду куда-нибудь.

— Уходить уже поздно, — жёстко сказал командир отряда. — Приказываю вам оставаться в городе. И ждать. Это приказ партии. Ясно?

— Ясно, — прошептала Катя.

— Пошли, Яринов!

Командир подхватил вещевой мешок и автомат. Радист поправил ремни рации. Шаги прозвучали в коридоре и смолкли.

Стало так тихо, словно кончилась жизнь.

Когда Катя подходила к школе, возле которой она жила вместе с матерью, какой-то звук нарушил тишину. Девушка прислушалась. Издалека доносилось гудение моторов. Катя подумала, что идут катера. Донеслась короткая автоматная очередь.

Гудение моторов нарастало. Из-за угла выскочил мотоцикл с коляской. За рулём сидел человек в серо-зелёной форме, с низко надвинутой на глаза каской. И оттого, что каска скрывала глаза мотоциклиста, он казался не человеком, а заводным механизмом. В коляске сидел такой же человек-механизм, припавший к пулемёту.

Мотоцикл пронёсся мимо школы. За ним, соблюдая дистанцию, мчались другие машины. И все они со своими седоками были одинаковые, стандартные, словно отлитые в одной форме и окрашенные одной и той же серой краской...

Катя припала к горячему, шершавому камню забора, заплакала...

ГОРЬКИЕ ВЕСТИ

Над горами, которые поросли низенькими деревьями, искорёженными зимними норд-остами, над долинами и морем клубилась тьма. Налетал ветер, свистел в ветвях, вырывал из долин клочья тумана, швырял на горы. Бесплотными призраками проплывали над лесом эти клочья, редели, таяли в темноте...

Старый голодный шакал бродил по ночному лесу. Его полуслепые глаза заметили плывущее прямо на него белое туманное пятно. Шакал шарахнулся в сторону и съехал вниз, в лощину. Здесь было тихо, тепло, пахло съедобным. Припадая к земле, шакал полз туда, где у ручейка, выбивающегося из-под скалы, спали люди.

Шакалу было страшно, но голод гнал вперёд. Ощетинившийся, жалкий, зверь полз осторожно. Вот его нос ткнулся в жёсткую ткань мешка. В мешке было что-то, что можно было съесть. Зверь чуял это. Он вцепился в мешок зубами, потянул к себе.

Катя почувствовала, что вещевого мешок выползает из-под головы, проснулась, встревоженная, сжавшаяся. В предрассветных сумерках она увидела зверя. Торчала клочковатая шерсть...

— Ты что?! — вскрикнула она, хватая уползающий мешок за ляжку. — Пошёл вон!

Шакал отскочил, припал к земле, заскулил — тоскливо, протяжно...

— Кто это? — испуганно вскрикнула Роза Дегтярёва, вскакивая с земли.

— Шакал! Чуть мешок не утащил!

Зверь шарахнулся в кусты.

Роза оглянулась. Ветер шелестел ветками, сбрасывал вниз звенящие песчинки. Казалось, кто-то невидимый крадёт к ложбине.

Роза прильнула к Кате, уткнулась в её волосы.

— Страшно, Катюша! — прошептала она. — Страшно и одиноко...

— Ничего, Роза! Скоро Лобанова Щель...

Роза неожиданно рассмеялась:

— А Зинка дрыхнет себе, точно дома на кровати!

Зиновий Солтановский всхрапывал, разметавшись на песке. Чёрная кудрявая голова его упала с вещмешка.

Роза вздрогнула всем телом.

— Что, замёрзла? — спросила подругу Катя.

— Нет, думаю о Титаренко. Страшно, Катюша.

Девушки замолчали, вспоминая события минувшего дня.

В полдень к Кате прибежал взволнованный Зиновий.

— Что с тобой, Зинка? — испугалась Катя.

— Конец, Катюша! — Зиновий махнул рукой. — Фашисты вывесили приказ: евреям завтра утром явиться в комендатуру. С вещами для эвакуации. Но всем известно, куда они нас эвакуируют. На тот свет.

— А ты не ходи, Зинка! Не ходи!

— Всё равно поймут... Куда от них спрячешься?

Во двор вбежала заплаканная, перепуганная Роза Дегтярёва.

— Это же не люди, а звери! — ещё от калитки закричала она. — А Витька, Витька Соколов какой мерзавец!

И она рассказала о том, что видела.

Утром к их соседям Титаренко ворвались немцы. Привёл их туда Витька Соколов — бывший одноклассник, Витька-подхалим, тот самый, который сидел за одной партой с Аней Владимировой. Одноклассники Соколова не любили и дали меткую кличку «Двойной».

Катя вспомнила, что встретила Соколова несколько дней назад возле райкома.

— Если бы я была парнем, пошла бы на фронт, — сказала Катя.

Соколов, как всегда, начал скоморошничать:

— Я бы, конечно, пошёл! — Он передёрнул плечами. — Да не дают мне почему-то полковничьего звания. А рядовых и без меня хватает. — Он увидел, как гневно блеснули Катины глаза, и перешёл на серьёзный тон. — Намечено мне другое задание, Катюша! — с таинственным видом сообщил он. — А время теперь такое, что спорить не будешь...

А теперь Роза сообщила: одет он был в немецкую форму, на поясе у него болталась кобура с пистолетом. Рукояткой этого пистолета он толкнул старика Титаренко, когда тот обернулся, чтобы посмотреть на свой домик, в котором прожил не один десяток лет. Старуха Титаренко, оттолкнув немцев, бросилась к упавшему мужу, а Витька выстрелил ей в затылок.

Титаренко и его жену бросили небрежно, как рухлядь, в кузов грузовика. Витька подошёл к затыкнутому в чёрную форму офицеру и доложил:

— Это шестой, герр гауптман! Ещё трое — и партизаны останутся без связи!

Офицер похлопал Соколова по плечу:

— Ты есть молодец, Соколофф! Патриот. Вы будете иметь бронзовый крест!

— ...И знаете, что, по-моему, самое страшное, ребята? — с трудом шевеля дрожащими губами, спросила Роза. — Витька! Витька, предающий наших людей. Фашисты — звери. Но Витька! Тот самый, которому я совсем недавно шпаргалки по геометрии подбрасывала...

Ребята ещё и ещё раз вспоминали хвастливую фразу: «Это шестой, герр гауптман. Ещё трое — и партизаны останутся без связи!» Теперь до них дошёл жуткий её смысл. А Катя поняла, какое задание имел в виду Соколов: наверное, подпольщики доверили ему связь с партизанским отрядом.

— Придушить гада! Придушить! — шептал Зинка Солтановский, сжимая кулаки.

Но что могли сделать две девчонки и длинный несуразный Зинка Солтановский с вооружённым предателем? Тем более что самому Зинке грозила опасность: все знали, как расправляются фашисты с евреями.

— Надо идти в партизанский отряд! — решительно сказала Соловьянова. — Немедленно. Ночью!

— Как же я уйду? А мать? А больной отец? — выкрикнул Зинка. — Ведь они погибнут!

— Ты их спасти не сумеешь! — сказала Катя. — Иди домой, посоветуйся. Как стемнеет, мы будем ждать тебя за маяком. Мы ходили туда на маёвку со школой, помнишь?

И когда перепуганный Зинка убежал, Катя сказала:

— Так жить нельзя, Роза! Не могу я смотреть в самодовольные фашистские морды. Не могу!

И Роза Дегтярёва ответила:

— Я с тобой, Катя!

В полдень фашисты повесили старика Титаренко на телеграфном столбе около базара.

Катя, Роза и Зиновий встретились в сумерках за городом. До полночи они сумели уйти далеко в горы, за маленький посёлок Сукко. Дальше идти было ночью опасно — могли в темноте обстрелять партизанские посты. Расположились на отдых в ложбине у ключа — там, куда ходили когда-то в весёлые походы...

Ночное небо начинало синеть. В его тяжёлой черноте появились густо-фиолетовые тона. Стало холодно. Роза, зябко передёрнув плечами, теснее прижалась к подруге:

— Мы с тобой как та несчастная бродячая зверюга...

— Брось ты скулить! — сердито сказала Катя. — Глупости говоришь! Это Витька Соколов жалкий шакал, подбирающий крошки с фашистского стола. А мы не станем пресмыкаться. — Катя сурово сдвинула брови. — Если бы мне сказали — иди и ценою своей жизни уничтожь Гитлера, я бы ни минуты не задумалась...

— Сильная ты, — с уважением проговорила Роза.

— Никак не могу забыть девчужку с баржи... Беленькая, кудрявенькая. И вся в крови, уже неживая... Их бить надо, фашистов. Уничтожать безжалостно!

Солтановский вдруг сел, тряхнул головой, оглянулся:

— Светает... скоро солнце взойдёт, — сказал он.

— Пора, — согласилась Катя.

— Почему ты думаешь, что партизаны в Лобановой Щели? — спросила Роза, вытаскивая из мешка хлеб и солёные огурцы.

— Самое удобное место для базы...

Катя не сказала всего, что знала. Как-то она зашла в райком комсомола к Маше Петровой, та разговаривала по телефону.

— Что ты такая усталая? — спросила Катя.

— Всю ночь проработала в Лобановой Щели! — ответила Маша и, спохватившись, стала многословно рассказывать о какой-то рыбачьей шаланде, которая села там на мель. Но Катя хорошо знала Лобанову Щель — узкое глухое ущелье, выходящее к морю. В тех местах не было мелей.

— Пошли! — скомандовала она, привычно вскидывая за плечи рюкзак.

Они шли ещё несколько часов. Горные тропки становились всё круче, серыми змейками извивались между зарослями низкорослых корявых деревьев, то взбегали, то спускались в ложбины. Иногда с гребня хребта открывалось море — густо-синее, штормовое.

Было уже около полудня, когда из-за гигантских каменных глыб, громоздившихся на склоне, послышался окрик:

— Стой!

Через минуту знакомый парень из комсомольской организации порта, держа наготове старую трёхлинейку, вёл Катю и её товарищей вниз, в глухое ущелье.

БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА

Парень откинул угол плащ-палатки и пропустил их вперёд. Небольшая пещера была вырублена в почти отвесном мергелевом склоне ущелья. Она была очень невелика, эта пещера, в которой размещался штаб отряда. И сразу после яркого солнечного света вошедшие словно ослепли. Прохладный полумрак был освещён чадящим фонарём «летучая мышь». Катя остановилась около дверей. Роза и Зинка ткнулись в её спину.

С двух сторон от выхода — дощатые нары. Между ними — маленький столик, чуть больше тех, какие бывают в железнодорожных купе. По обеим сторонам его — два человека в полувоенной форме. Один из них был тот самый, со строгим взглядом, с которым Катя разговаривала в райкоме.

— Ну, доложи, комсомолка Катя Соловьянова, почему не выполнила приказ сидеть на месте и ждать? — спросил он, оглядев вошедших.

Смущаясь, стараясь говорить по-военному кратко, Катя рассказала о Зиновии Солтановском, о приказе, касающемся всех евреев, о предателе Соколове, о выданных им партизанских связных...

Она подняла глаза и поразились: вместо строгого командира перед нею сидел усталый немолодой человек. Глубокие морщины прорезались на его лице, в серых глазах застыла боль. Он молчал несколько минут, понурив седую, коротко остриженную голову.

— Эх, Титаренко, Титаренко, старый мой дружок! Вот как кончил ты свою жизнь! — тихо произнёс командир. — В гражданскую не раз смерти в глаза заглядывал — выжил... Кулачьё в тебя стреляло — не убили. А сейчас сгубил тебя твой старый друг...

— Зачем так казнить, командир? — нерешительно заговорил второй человек, сидевший у стола. — Чем ты виноват?

— Брось, комиссар, успокаивать! Не рассмотрели мы с тобой за гладкими речами этого слизняка Соколова его подлой душонки.

— Кто же мог подумать... Отец его — трудяга, шофёр. И сам вместе с этими вот ребятами в школе учился.

Командир обратился к всё ещё стоявшим у дверей девушкам и юноше.

— Садитесь, ребятки, вот сюда, на нары! — Он обнял за плечи Зинку Солтановского и спросил:

— Вот скажите мне, ребята! Прямо, открыто скажите: если бы я неделю назад спросил вас — можно ли доверять Соколову, что бы вы ответили?

— Ответили бы, что можно, — хмуро сказал Солтановский.

— Никогда не подумала бы, что он станет предателем, — вздохнула Катя.

Командир убрал руку с плеча Солтановского.

— Мы из-за этого мерзавца потеряли преданных делу людей. Остались без связи с городом. А без неё мы — ничто... Без неё мы не можем намечать и наносить меткие удары, бить врага в самые чувствительные места...

Плащ-палатка на дверях слетела от резкого движения. Солнечный луч ворвался в пещеру. В дверях стоял запыхавшийся парнишка лет семнадцати. Русский чуб его слипся от пота, грудь дышала часто.

— Что случилось, Алёхин? — комиссар подошёл к пареньку.

— Яринов... с рацией... к немцам перебежал!..

— Как?! — выкрикнул комиссар.

— Люди говорят: беда не приходит одна! Расскажи подробнее, — приказал командир.

Алёхин, ещё не отдышавшись от бега, стал рассказывать, как утром он с радистом Яриновым и двумя партизанами вышел в горы. Предстояло связаться по рации со штабом партизанского движения. Чтобы немцы не запеленговали партизанскую базу, передачу решено было вести с пустынной горы, в десятке километров от Лобановой Щели. У подъёма на вершину Яринов оставил партизан в засаде. На гору он поднялся с Толей Алёхиным, своим помощником.

На вершине Яринов долго разглядывал лесной кордон, расположенный в седловине.

— Потом Яринов приказал мне распутать тросик антенны, — продолжал рассказ Алёхин. — Я стал распутывать. Вдруг что-то тяжёлое ударило меня по затылку, и я как в чёрную яму провалился. Когда пришёл в себя, увидел, что двери кордона открыты, возле них стоит немецкий офицер, а рядом Яринов. А с десяток фашистов ко мне по склону поднимаются... Хоть и гудело в голове, я не стал их дожидаться... Когда добежал до наших, немцы уже на вершине были. Залегли и стали строчить из автоматов. Еле ушли мы...

— А рация? — спросил командир.

— Когда я очнулся, рации на вершине не было. Яринов её с собой унёс.

— Да как же ты ничего не заподозрил, когда Яринов оставил наших внизу? — сказал комиссар.

— Погоди! — тихо, но твёрдо остановил его командир. — Не о том теперь наша забота. Уходить надо отсюда. Решаем так: на новую базу уйдут только опытные бойцы-партизаны. Молодёжь, особенно девчат, с Машей Петровой отправим через горы к нашим, в тыл, пока есть ещё непокрытые тропки. Маша сообщит штабу, что мы остались без рации, а значит, и без связи. Пусть быстрее шлют радиста.

Энергичное лицо командира снова помрачнело.

— А вот с городским подпольем мы с тобой наломали дров, комиссар. Кому-то из нас нужно идти в город, искать верных людей...

— Надо идти! Только рискованно. Подлец Яринов всех, кто в отряде, наперечёт знает. А мы с тобой и Соколову известны...

— В Анапу пойду я! — вдруг решительно сказала Катя.

— Ещё чего?! — удивился комиссар и, посмотрев на ребят, скомандовал: — Шагом марш отсюда! Подождите там, снаружи.

— Товарищ командир, в город надо идти мне! — повторила Катя.

— Подожди, Соловьянова, — сказал командир. — Ты представляешь, какой груз возьмёшь на свои плечи? Один неверный шаг — и конец.

— Я понимаю, товарищ командир! — голос Кати звучал твёрдо. — Всё равно пойду я! Соколов видел меня в Анапе после прихода немцев, значит, он не будет подозревать, что я связана с партизанами. И Яринов знает, что меня в отряд не взяли... Товарищ командир, в городе осталось много верных друзей.

— Не на всех, видно, можно полагаться, Соловьянова, — сказал комиссар.

— Сейчас уже ясно, кто с нами, а кто...

— С кем ты думаешь прежде всего связаться? — спросил командир.

— Верных ребят в Анапе немало! — убеждённо повторила Катя. — Есть одноклассники: Аня Владимирова, Славик Бондаренко, Тимофей Запашный. Есть ещё совсем молоденькие, только что вступившие в комсомол. Но хлопцы — надёжные. Самсон Карапетьян и другие... И на месте можно поговорить с людьми и решить, кто будет бороться...

Командир ответил не сразу. Он долго всматривался в глаза девушки, словно старался заглянуть ей в душу.

КАТЯ СОЛОВЬЯНОВА ИДЁТ В АНАПУ

Осторожно раздвинув виноградные листья, Катя выглянула в просвет. Совсем недалеко проходила дорога, по которой то и дело мчались военные грузовики. Чуть дальше виднелись беленькие домики станицы Анапской. Да, она вышла в точно намеченное место — к дороге, соединяющей станицу с Анапой. По этому оживлённому пути было легче всего войти в город. За ночь и утро ей пришлось пройти от Лобановой Щели мимо Супсеа. Значит, она отшагала почти три десятка километров.

Ноги ныли от усталости.

Сбросив вещевой мешок, Катя опустилась на тёплую землю, сняла пропылённые парусиновые туфли.

Вкрадчиво шелестели виноградные листья. Часть лоз была сброшена с деревянных опор и бессильно распласталась на земле, другие держались на кольях. И везде виднелись крупные, словно припудренные, грозди переспевшего, налитого сладким соком винограда.

«Как это немцы ещё не обчистили виноградник?» — удивилась девушка.

Сорвав янтарную гроздь, она стала есть ягоды. Хотелось спать, но Катя отгоняла сон. Она припоминала сейчас всё, что говорили ей на партизанской базе.

«Прежде всего надо достать радиоприёмник, наладить приём сводок Совинформбюро и выпуск листовок... Затем — создать боевую группу, которая совершала бы нападения на важные объекты, — думала Катя, вспоминая беседу с командованием партизанского отряда. — Сколько трудных задач!»

Правда, командир отряда главной задачей поставил установление связи с двумя верными людьми, оставшимися в городе. И ещё — каждое воскресенье ей нужно было приходить на городской базар для встречи с Розой Дегтярёвой. Но сама Катя считала, что этого мало. Она жаждала борьбы с ненавистным врагом, отважных действий, таких, о которых она читала в газетах, слыхала в сводках Совинформбюро.

«Надо узнать, где хранятся сданные приёмники, — решила Катя. — Если осторожно расспросить связистов, они скажут... Листовки придётся писать от руки. Хорошо бы достать пишущую машинку».

Катя не заметила, как уснула.

...Она увидела себя в актовом зале родной школы. Её принимают в пионеры. Она повторяет слова пионерской клятвы. Запели звонкие горны, всколыхнулось знамя. И старший вожатый Гриша повязывает ей на шею красный галстук.

«Тебя же, Гриша, уже нет, — удивляется Катя. — Ты же погиб под Ярцевом, пал смертью храбрых, как было написано на похоронной, которую показывала в школе твоя мать».

«Нет, я жив, — говорит Гриша. — Я жив, жив!»

Вдруг открываются двери, и в зал вбегают немцы с автоматами. Впереди офицер в чёрном и Витька Соколов.

«Вот они! — кричит Витька. — Все они здесь!» — И смеётся.

Катя просыпается от этого смеха.

В винограднике, совсем рядом, кто-то смеялся. Смех был девичий, звонкий.

— Этот самый румын попил из ведра, а потом вдруг обнял меня, — рассказывал кто-то. — Что мне оставалось делать? Я подняла цебарку и опрокинула её на голову румыну. А сама стою ни жива ни мертва, застрелит он меня, думаю... А он, мокрый, крутит головой и хохочет.

— Эти, конечно, не немцы, — сказала другая девушка. — Но только тянут они всё, что на глаза попадётся. У нас один увидел банку с кукурузной мукой. Половину, правда, на стол отсыпал, а половину с собой унёс...

Катя приподнялась и осторожно заглянула в просвет между листьями. Две девушки с плетёными корзинами собирали виноград.

«Надо вместе с ними выйти на дорогу, — подумала Катя. — Так будет безопасней».

Она тоже принялась рвать тяжёлые янтарные грозди. Наполнив до половины мешок, Катя приблизилась к девушкам.

Девчата смолкли.

Катя продолжала собирать виноград, чувствуя на себе их взгляды.

Она перелезла через рядок и увидела рослую кукурузу с большими, никнувшими к земле початками. Здесь пролежала межа, разделяющая два участка виноградника.

Катя выложила виноград из мешка и стала с хрустом ломать тяжёлые, горячие от солнца початки. Она сдирала с них уже высохшие обёртки, укладывала на дно мешка.

— Ой, Азка, да здесь кукуруза! Теперь живём!

Из-за виноградных кустов на межу выскочила маленькая толстая девчонка в выгоревшем коротком платье и принялась ломать кукурузу. За нею неторопливо вышла черноглазая красавица — гречанка или армянка.

Она ломала кукурузу и настороженно поглядывала на Катю.

— А я тебя знаю! — вдруг сказала она и улыбнулась. — Ты в седьмой училась. Мы к вам в волейбол играть приходили.

— Точно! — кивнула головой Катя и тоже улыбнулась.

— Ой, Азочка! — радостно закричала толстушка. — Месяц можно сытыми быть.

— Ладно, не жадничай! — сказала Аза. — Клади кочаны на дно корзины, а сверху прикрывай виноградом, как умные люди делают, а то оккупанты увидят и заберут кукурузу...

Катя тоже стала поверх кукурузы укладывать тёплые грозди.

Вместе с девушками, не таясь, Катя вышла к дороге. Они пошли по обочине, потому что по дороге то и дело проносились грузовики. Одни, перевозящие какие-то грузы, были накрыты брезентом. В других горланили солдаты. В сторону Анапы промчался открытый легковой автомобиль с офицерами, надменно закинувшими головы в фуражках с высокими

тульями.

— Гранату бы на вас, проклятые! — сказала Аза, и тёмные глаза её блеснули.

— Что ты говоришь, Азочка, — испуганно залепетала толстушка и покосилась на Катю.

— То и говорю! — бросила Аза. — Бить их надо. Вешают, стреляют. Запугать нас думают. Чёрта с два! Эх, партизанов бы сюда!

— Что ты болтаешь, Азка? — Девушка кивнула в сторону Кати.

В маленьком домике на окраине города был контрольный пост. В окно выглядывал офицер, у дверей толпились солдаты.

— Вон, Аза, тот самый! — Девушка толкнула подругу в бок.

Высокий солдат с чёрными торчащими усиками шагнул вперёд и козырнул девушкам. Глаза его восхищённо смотрели на Азу. Она приподняла корзину, будто собиралась опрокинуть на голову солдата. Тот испуганно попятился.

Никто не поинтересовался содержимым корзин и Катиного мешка.

«А с этой Азой надо познакомиться поближе!» — подумала Катя, разглядывая, словно отлитое из бронзы, лицо девушки. Плотные сжатые губы, твёрдая складочка между прямыми широкими бровями, горячие тёмные глаза — всё говорило о характере решительном.

— Вот и мои хоромы, — сказала Аза и показала в сторону маленькой хатки на пустыре. — Надумаешь — приходи. Только угощать нечем.

Она протянула Кате руку.

— Зайду, Аза, спасибо! — приветливо ответила Катя. Будет у меня к тебе разговор.

— Заходи. Поговорим. — Губы Азы скривились. — Наше дело теперь такое — разговоры разговаривать.

— А может, и ещё что-нибудь сможем, — сказала Катя.

Аза внимательно, чуть прищурившись, взглянула на неё и кивнула.

— Азка, идём! — крикнула ушедшая вперёд толстушка.

Понуднее перехватив корзину, Аза лёгкой походкой пошла к пустырю.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Как трудно было идти по знакомым улицам теперь, когда на них хозяйновали фашисты!

Вот и ворота школы. Катя заглянула во двор. Когда она уходила в отряд, школа была безмолвной. А сейчас окна распахнуты настежь, кругом груды переломанных парт. Гитлеровцы, освобождая помещение, вышвыривали школьное оборудование из окон. На крыльце стоял часовой, детина в расстёгнутом до пояса мундире. Часовой одной рукой придерживал висящий на шее автомат, а другой бросал в рот семечки. Перед ним стояла пожилая женщина в белом платочке. Она о чём-то просила солдата.

В окне бывшего четвёртого класса трещали пишущие машинки. Одна из машинисток сидела у окна, и Катя хорошо рассмотрела её вздёрнутый нос, накрашенные губы и поднятые высокой копной рыжие волосы.

«Да ведь это Клавка Торсина... Из райздрави!» — узнала Катя машинистку.

Дочка фельдшера Клава Торсина тоже училась в седьмой школе, но была старше Кати. Когда Катя училась в седьмом классе, в школе произошёл скандал: ученица десятого класса Клавдия Торсина родила ребёнка... Она ушла из школы, устроилась работать в райздравотдел. А по городу разошлась о ней недобрая слава.

Во двор школы входили и выходили люди. Катя обогнула здание и толкнула знакомую с детства щелястую дверь.

Мать, маленькая, сухонькая, выбежала из кухни и бросилась обнимать Катю. Сухие, шершавые губы её шептали:

— Зачем ты вернулась, Катюша, ласточка моя! Пропадёшь тут, бедолаженька моя!

— Не пропаду, мама, не бойтесь! — нарочито весело сказала Катя. — Дайте помыться, мама. И разгрузите мой «сидор». Сверху в нём виноград, на дне — кукуруза.

Умывшись холодной водой, Катя легла на свою узкую железную кровать. Заснула глубоким сном очень уставшего человека.

Проснулась, когда в раскрытые окна вливалась утренняя прохлада. Весёлые воробьи трещали в маленьком садике, выращенном трудолюбивыми руками матери. В комнате пахло варёной кукурузой. Мать осторожно звенела тарелками у стола.

Катя шевельнулась, и кровать скрипнула под ней.

— Вставай, ластонька! — сказала мать. — Поспала ты хорошо: от полудня до утра. Со всем измучилась, бедная. Вставай! Покушаем — и на работу мне надо...

— Вы работаете, мама? — спросила Катя.

— Работаю. Школу, как и раньше, убираю. Теперь здесь контора немецкая. Та, что хлеб, виноград, скотину — всё как есть у людей отбирает и в Германию шлёт...

— Зачем же вы пошли?

— Если б не работала, с квартиры бы согнали. Да и с голодухи бы померли.

Катя торопливо позавтракала варёной кукурузой. Она даже не замечала, что ест. Мысли были заняты одним — тем огромным и важным делом, которое было ей поручено. Сейчас в городе, занятом врагами, она особенно ясно почувствовала всю смертельную опасность этого дела. Но колебаний и опасений не ощутила, на память пришли гордые слова Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» Когда-то Катя восхищалась силой этих слов. А сейчас она осознала их правду.

Повязав тёмную косынку, Катя скользнула за ворота.

Прежде всего нужно было сходить по двум адресам, полученным в партизанском штабе. Это в разных концах города: на Серебряную и на Гребенскую улицы. Серебряная совсем близко от школы. Катя сразу нашла домик, который ей был нужен. Три окна с голубыми ставнями, старая акация у ворот...

«Сапожник Степан Александрович», — сама себе напомнила Катя.

Домик стоял с закрытыми окнами, тихий, мирный. Но Катю насторожили эти плотно закрытые окна, зашторенные изнутри занавесками.

Она чуть замедлила шаги. Но войти во двор не решилась. Тревожное чувство удержало её.

Катя огляделась. Напротив, возле маленькой покосившейся хатёнки, пожилая женщина в белом платочке срезала грозди «изабеллы». Кате показалось, что женщина исподтишка наблюдает за нею.

Катя перешла улицу и хотела спросить её о Степане Александровиче. Но женщина вдруг выбежала из калитки, улыбаясь, обняла девушку и увлекла её к себе во двор.

— Ну-ка, отведай моего винограда! Как мёд сладкий! — Женщина сунула в руки изумлённой девушки гроздь и прошептала: — К сапожнику не ходи! Забрали его вчера в гестапо. А в хате у него полицаи устроили засаду... Ты что, обувь ему в починку сдала?

Катя кивнула головой.

— Бог с ней, с обувкой, девонька! Не ходи! А то схватят и замордуют. Ироды!.. Я уж третью вот так предупреждаю.

— За что же забрали сапожника?

— А кто знает! Наверное, донёс какой-нибудь гад, что партийный наш Степан Александрович.

Распростившись с женщиной, Катя направилась на Гребенскую.

Приметы, указанные командиром отряда партизан, оказались точными: четвёртый дом от угла, зелёный штакетник, у ворот большой камень.

Катя заглянула через забор. В тени абрикосовых деревьев стирала бельё седая, но ещё крепкая женщина.

Она ожесточённо тёрла бельё, брызги разлетались во все стороны.

— Здравствуйте! — окликнула Катя женщину.

Женщина исподлобья взглянула на девушку.

— Чего тебе? — ворчливо спросила она.

— Мне бы Петра Петровича...

Женщина швырнула бельё в корыто.

— И когда это кончится! — выкрикнула она. — Ни днём ни ночью покоя. Ночью обыски, днём всяких типов подсылают. Нету Петра Петровича, нету и не будет!

— Да что вы, тётя! — опешила Катя.

На ходу вытирая руки о фартук, насупив брови, женщина направилась к штакетнику.

— Ну, скажи мне, чего эти самые гестапы ищут моего Петра Петровича? Ну воевал у Будённого, ну орден в гражданскую получил! Сейчас он уже и старый, и больной.

— Да я разве похожа на гестаповку, тётя! — проговорила Катя. — Как вы могли?

Женщина молча всматривалась в Катину лицо. Взгляд её смягчился.

— Так скажи, от кого ты, племянница? Кто тебя к нам послал?

Катя понимала, что говорить всё незнакомой женщине не следует. И всё же, обиженная подозрением, не выдержала:

— Я от Ивана Кузьмича.

Женщина усмехнулась.

— От Ивана Кузьмича? Это кто же такой, Иван-то Кузьмич? Не помню.

— Тогда извините... — растерянно проговорила Катя.

— Да ты подожди, племянница! — Тёмные глаза женщины внимательно глядели на девушку. — А ну, заходи.

Катя несмело вошла во дворик, утопающий в зелени винограда, абрикосов, вишняка. Хозяйка увела её в глубь двора, за рослые кусты сирени. Взяв девушку за плечи, она повернула её к себе и требовательно спросила:

— Когда ты видела Ивана? Где?

— Видела вчера. А где — вы сами знаете.

— Так! — Женщина отпустила Катю. — Значит, ещё не дошёл...

— Кто?

— Ну, Пётр Петрович мой... — Женщина снова внимательно посмотрела на Катю. — Не такой мой Петро, чтобы перед фашистами голову склонять! Больной он, печень у него никудышная, а увидел, как мордуют немцы народ, так схватился и ушёл. «Пойду, — говорит, — старину вспоминать! Глаз у меня ещё верный. Не может будённовец под немцем жить!» И ушёл. Три дня тому назад ушёл.

— Так где же он может быть?

— Не дошёл ещё до партизан. Должно, в Варваровку, к дружкам своим, будённовцам, завернул... — Женщина нахмурилась. — Я ведь тоже у Будённого была, с беляками дралась. Так если что нужно будет для наших сделать, ты говори, девонька, сделаю... Что Иван тебе наказывал?

— Чтоб ждали связного.

— Пусть приходит, приму. И всё, что попросит, исполню.

— Спасибо, тётя!

— А не за что, племянница!

Катя решила зайти к Славке Бондаренко — весёлому фантазёру Славке, который умел

придумывать увлекательные и смешные истории и так рассказывать, что товарищи слушали с раскрытыми ртами и незаметно начинали верить сказанному. Он увлекался радиоделом и мог быть полезным в подпольной группе.

Славка сидел в беседке, увитой виноградом, и хмуро смотрел на зеленоватую бумагу, лежавшую перед ним на столе.

— Здравствуй, Катюша. Садись, — тихо сказал он, увидев Катю.

— Что нос повесил, Славик? — спросила Катя.

— А тебе — весело?!

— Не кричи, — строго сказала Катя. — От крика ничего не изменится. Что у тебя случилось?

— Вот! — Славик пододвинул Кате зелёный листок, повестку биржи труда. — Видишь? Был русский хлопец Славка Бондаренко, а сейчас кто? Есть арбайтсменер номер такой-то. На фашистской каторге! Мне сказали: иди работать в порт, восстанавливать причалы, или — в Германию. Выбора нет. Эх, дурак я, дурак! И Тимошка Запашный, мой лучший друг, такой же тупой осёл. Звал нас этот шкет Самсон, а мы отказались...

— Куда звал?

Славка бросил на неё острый взгляд.

— Тебе, Катюша, скажу. Самсон приходил, звал в партизанский отряд. Сказал, что в дзотах, возле Лысой Горы, прячутся наши, лейтенант и с ним солдат, радист. Парашютисты. У них есть рация, оружие. Они собирают верных ребят, чтобы уничтожить эту зелёную фашистскую плесень.

«Парашютисты? Какие парашютисты? — подумала Катя. — Вот если бы они по гитлеровцам стукнули!»

— И где же Самсон?

— Вчера ночью ушёл. А с ним ещё много ребят. Утром, как принесли мне повестку, я побежал к Самсону. Мама его, тётя Шушаник, сказала, что он дома не ночевал... И вот теперь герр Славка и герр Тимофей отправятся в Германию...

— А может, не стоит ехать? — спросила Катя.

— По-твоему, лучше пойти работать в порт? Чтобы весь родной город смотрел на тебя как на предателя?

— Работать, Славик, можно по-разному, — сказала Катя. — Можно вроде бы и на немцев, а на деле...

— На кого? — удивился Славка.

— Какой ты недогадливый.

— Подожди! — Славка уставился на Катю. — Ты это от себя? Или...

— А если не от себя?

Славка сорвался с места, поднял Катю со скамьи, закружил её.

— Славка, пусти! Пусти! Слышишь, сумасшедший! — отбивалась Катя, стараясь разжать крепкие руки парня

Наконец он отпустил Катю.

— Это здорово, Катюша! Идём к Тимохе Запашному, — сказал Славка. — А то он выход для себя нашёл...

— Какой? — встревожилась Катя.

— В развалинах санатория откопал подвальчик и решил прятаться там. Говорит, такая камора, что фрицы никогда туда не доберутся.

— Так это же замечательно! — обрадовалась Катя. — Что же там за камора?..

ВСТРЕЧИ

Тимофей пришёл в восторг от Катиного предложения.

— Значит, дадим фашистам прикурить!

У него на чердаке оказался припрятанный старый радиоприёмник «СИ-235», который отлично брал Москву. Необходимо было только добыть к нему питание.

— Маловато нас! — сказал Славка. — Ты да я, да мы с тобой.

— Ничего, будет больше, — ответила Катя.

Договорились о встрече в воскресенье на берегу Малой бухты.

— Ну, мальчики, будьте теперь умненькими, — сказала Катя. — Берите свои зелёные повестки и топайте на биржу. Скажете, что горите желанием трудиться на благо великой Германии.

— Да провались она!.. — сказал Славка.

— А помнишь, как в драмкружке белого полковника в «Любови Яровой» играл? Весь зал хлопал. Вот теперь сыграй покорного немцам русского парня.

— Да, играть надо на совесть, иначе не только не похлопают, а прихлопнут! — невесело сострил Тимоша.

— Игра у нас опасная, — согласилась Катя. — Но на фронте наши каждый час рискуют жизнью. У нас тоже фронт. И мы — солдаты.

Простившись с ребятами, Катя пошла к Азе.

— Как раз к обеду! — заулыбалась Аза. — Сейчас я тебя рыбкой угощу!

Она хлопотала около летней печки, устроенной в саду под навесом.

— Откуда у тебя рыба? — удивилась Катя.

— Дмитрий наловил. Брат мой. Хоть все лодки фашисты и отобрали, а Дмитрий всегда с рыбой. Садись к столу! У меня к тебе разговор будет.

Обедали вчетвером — Катя, Аза, её мать, худенькая женщина с огромными чёрными глазами, и брат Азы Дмитрий, молчаливый, суровый мужчина с деревяшкой вместо правой ноги.

— Как вы умудряетесь рыбу ловить! Ведь немцы запрещают выходить в море? — спросила Катя.

Дмитрий молча посмотрел на неё, затем кивнул головой, словно убедившись в чём-то, ответил:

— Море большое. А на нашем Высоком берегу немало расселин. Я — старый рыбак...

— Не трудно вам по этим расселинам лазать? — спросила Катя и покраснела. «Какая я неловкая! Зачем напоминать человеку о его увечье?» — подумала она.

Но Дмитрий не обиделся. Наоборот, взгляд его потеплел.

— Конечно, трудно порой бывает, — признался он. — Да кому сейчас не трудно, кому не больно? Правда, не привык я ещё к этой вот бандуре... — он с досадой хлопнул по деревяшке.

Из-за кустов винограда неожиданно выскочил румынский солдат в потрёпанном обмундировании. Подбежал к столу, бесцеремонно запустил руку в сковородку, взял рыбу.

Катя услышала сзади хриплый вскрик. Обернулась — Дмитрий с перекошенным лицом медленно поднялся со скамьи.

— Бить надо гадов! Всех бить! — сдавленным голосом закричал он.

Аза и мать схватили его за плечи. Дмитрий одним движением отбросил их и шагнул к столу. Солдат перепугался, губы у него задрожали. Пытаясь защититься, он вытянул вперёд руку, в которой была рыба.

Глаза у Дмитрия закатились, он покачнулся и рухнул на спину, оборвав виноградную лозу. Лицо его посинело.

Аза схватила Катю за плечо.

— Пойдём, я больше не могу! Мать поможет Дмитрию.

Она повела Катю между виноградных рядков.

— Бедный Дмитрий! — с трудом проговорила Аза. — Такой весёлый, такой сильный был. Ранило его и землёй завалило в Крыму. За два дня до прихода немцев вернулся в Анапу из госпиталя. Теперь, как только расстроится, так припадок... Проклятые фашисты!

За виноградником раскинулся выжженный солнцем пустырь. На его краю торчали из ям тонкие стволы вражеских зениток. Аза увлекла Катю в тень старой шелковицы и там порывистым движением повернула к себе лицом.

— Ну, что? — прошептала она. — Так и будем ждать и терпеть? — Слёзы ярости вскипали в её тёмных глазах, катились по щекам. — Они влезли в нашу жизнь, как тот румын в сковородку. А мы будем ждать, пока вернутся наши и спасут нас?

— Что же делать? — осторожно спросила Катя.

— И это спрашиваешь ты, здоровый, сильный человек! — крикнула Аза. — Бороться надо, драться! Зубами их рвать! Катя, я вижу, ты хорошая! Давай вместе!..

— Кто же это мы?

— Я, ты, Дмитрий! У него спрятана лодка. Он свяжется с партизанским отрядом, получит задание...

— Так это же лучше, чем я надеялась, Азка! — не сдержалась Катя.

— На что надеялась?

И Катя, усадив её на колючую, сожжённую солнцем траву, рассказала всё.

Расстались они вечером. Аза проводила Катю до Гребенской и, условившись о встрече у Малой бухты, вернулась домой.

Катя одна пошла по пустынной улице. Здесь не было ни немцев, ни их союзников. Они в последнее время не ладили — немцы держались высокомерно, румыны платили им ненавистью. После нескольких групповых драк немецкое командование разместило своих солдат в южной части города, на Высоком берегу, а зенитчиков и пехотинцев союзников — на северной окраине и в станице Анапской. Между этими частями города находилась своеобразная нейтральная зона, в которой не было ни немцев, ни румын. И только изредка проходили здесь комендантские патрули.

«Где же достать батареи для приёмника? — раздумывала Катя. — И ещё необходимо раздобыть пишущую машинку... А что, если...»

Катя вспомнила раскрытые окна четвёртого класса, треск машинок.

«Машинки эти, наверное, с русским шрифтом, ведь Клавдия Торсина не знает немецкого языка! Ночью их охраняет всего один часовой. Если оконная рама изнутри не будет заперта, то...»

Катя оглянулась и увидела знакомый домик, два ореховых дерева, заборчик, сложенный из каменных глыб... Дом Карапетьянов. Катя не раз бывала здесь, когда работала пионервожатой в четвёртом «В». Это было несколько лет назад. Тогда в домике кипела буйная, весёлая жизнь, хозяин — дядя Карапет, его старший сын Арташес, хозяйка тётушка Шушаник, младший сынишка Самсон по любому поводу умели поднимать весёлый шум. Сейчас домик выглядел сонным, пустым. Дядя Карапет и Арташес с первых дней войны ушли в армию.

«Может быть, Самсон вернулся? — подумала Катя. — Узнать бы у него, что за парашютисты объявились на Лысой горе».

Катя толкнула скрипучую калитку и вошла в маленький дворик, принакрытый виноградными лозами.

— Можно? — громко спросила она.

Ей никто не ответил.

— Тётя Шушаник, Самсон! — крикнула она.

Дверь застеклённой веранды распахнулась. В тёмном проёме появилась седая женщина в чёрном платье. Она мало походила на весёлую, говорливую тётю Шушаник.

— Здравствуйте! — сказала Катя. — А где тётя Шушаник? Где Самсон?

— Сам-сон?! — судорожно простонала женщина. — Нет Самсона, девочка! Нет и не будет! — Она рухнула на каменные ступени веранды, схватилась за косяк двери и забилась в рыданиях.

— Самсон, сыночек! — причитала она. — Да будет проклят тот час, когда эти змеи вползли в мой дом!

Только теперь в седой осунувшейся женщине Катя узнала тётю Шушаник. Она подняла её, осторожно ввела в дом. Нашла ведро с водой, напоила.

Из сбивчивого рассказа тётушки Шушаник Катя узнала вот что.

Ночью в дом постучались два человека. Один был в форме советского солдата, другой — в штатском. Они вызвали во двор Самсона и долго о чём-то шептались с ним.

Самсон вернулся в дом весёлым. Он сказал матери, что приходили советский парашютист, который раньше учился в их школе, и радист из анапского партизанского отряда. Они просили Самсона немедленно предупредить всех комсомольцев о том, что их собирается арестовать гестапо.

— Они сказали, мама, что будут ждать нас в старых дзотах, возле Лысой горы. Там у них оружие припасено. И всех нас возьмут в партизанский отряд...

Самсон вернулся домой перед рассветом усталый. Он собрал вещмешок, торопливо попрощался с матерью и ушёл.

А в полдень прибежала одна из соседок и сообщила тётушке Шушаник, что сорок ребят и девчат, в том числе и Самсон, расстреляны фашистами во рву за маяком.

Тётушка Шушаник поспела к маяку в то время, когда немцы швыряли расстрелянных в воронку, оставленную авиабомбой. На глазах у матери бросили и Самсона.

— Да будут вечно несчастны матери, породившие таких зверей! — снова забилась в рыданиях тётушка Шушаник.

Потрясённая, Катя прижала к себе плачущую женщину.

— Вы узнаете тех, кто приходил к вам ночью? — спросила Катя.

— Я буду помнить их проклятые лица и имена до конца дней своих! Один из них в военной форме, румяный такой, зовут его Николай. Фамилии не знаю... Другой худой, со свистящим горлом. Яринов его проклятое имя! Умирая, я буду звать на них все страдания!

ЛИЦО ПРЕДАТЕЛЯ

Охваченная гневом и горем, сдерживая слёзы, Катя вышла из домика Карапетьянов. Она двигалась словно во сне, не замечая окружающего.

«Самсон, милый кареглазый Самсон, выдумщик и футболист, неужели тебя уже нет?»

Вспомнилось, как гордо вышагивал Самсон с отрядным знаменем, как ловко водил мяч на футбольной площадке. У Самсона не ладилось с русским языком. Вожатой Кате пришлось заниматься с ним. И парень быстро нагнал товарищей, хотя первые три года учился в армянской школе...

— Фрейлейн немного скучно! — раздался рядом голос.

Сильная рука взяла Катю за локоть. Девушка испуганно отшатнулась. Возле неё стоял немецкий солдат.

— Мы будем немного гулять!

— Нет! — вскрикнула Катя. Она с ужасом смотрела на улыбающегося солдата. Ей пред-

ставилось, как этот немец строчит из автомата в толпу безоружных мальчишек. — Нет! Гулять мне некогда... У меня больная мама...

— Ай-яй-яй! Больной мутер — это есть очень плохо! Тогда я буду немного провожать фрейлейн. А если она будет приветлив к дойчен зольдат, я буду доставать лекарств... — Крепкая ладонь снова схватила девушку за локоть.

Катя в замешательстве оглянулась. Улица была пустынной. Вдруг она заметила решётчатую калитку и дом со множеством пристроек. В этом доме жила школьная подружка Аня Владимировна.

— Спасибо, я уже пришла, — проговорила Катя.

— О, это есть отшень жалко! — усмехнулся солдат. — Тогда будем прощаться! Один хороший поцелуй немецкому зольдату...

— Нет! — выкрикнула Катя.

Но солдат сдавил её, словно железными обручами.

— Пустите! — простонала Катя, чувствуя, что ей трудно дышать.

И вдруг рядом раздался властный окрик. Рука солдата разжалась. Катя обессиленно прислонилась к деревянному заборчику.

Солдат вытянулся. Возле него, небрежно похлопывая тросточкой по начищенным сапогам, стоял невысокий стройный офицер в хорошо сшитой форме с погонами капитана. Голубые его глаза отливали ледяным блеском.

Офицер резко отчитывал солдата. Катя разобрала отдельные слова: «рыцарский долг», «честь немецкой армии». Рядом с офицером, поглядывая на Катю немигающими, налитыми кровью глазами, стоял чёрный дог.

«Да это же гауптман Герст!» — догадалась Катя. По его приказу вешали, расстреливали, пытали. Девушка почувствовала, как мурашки пробежали по спине...

Картинно поднеся к фуражке руку, гауптман Герст неторопливо зашагал по улице. Пёс шёл рядом с ним.

Катя толкнула калитку и вбежала во двор.

Аня Владимировна сидела в своей комнатке и шила.

— Катюша! Как я рада тебе! — воскликнула она. — Я совсем одичала: сижу в четырёх стенах одна-одинёшенька... Рассказывай, как живёшь!

В ней Катя не сомневалась. Она хорошо знала прямой характер подруги. Аня не боялась говорить в глаза правду.

И Катя рассказала о подпольной группе. Аня слушала её молча. Катя спросила прямо:

— На тебя можно рассчитывать?

Аня опустила глаза и тихо ответила:

— Нет, Катюша, на меня не рассчитывай. Я не могу...

— Струсилась?

Аня молчала, опустив голову.

Тогда Катя рассказала о расстреле у маяка, о Самсоне, о горе тётушки Шушаник.

— Неужели тебе не стыдно будет держаться в стороне? Неужели ты, Анька, трусишь? — с волнением говорила Катя.

Аня молча подала Кате своё шитьё. Недоумевающая девушка взяла лёгкий, маленький кусок материи. Это была крошечная детская распашонка.

— Анька! Неужели?

Аня кивнула головой.

— Да, у меня скоро будет ребёнок... И когда мой Толя уезжал, я обещала ему сберечь нашего сыночка.

Аня зажгла маленькую керосиновую лампочку, покопалась под подушкой и подала подруге небольшую фотографию молоденького лейтенанта-артиллериста. У лейтенанта были

пухлые губы и суровая складка бровей.

— Он служил здесь, в береговой артиллерии, — сказала Аня. — Он очень хороший, мой Толя...

Дверь распахнулась. Тревожно мигнул огонёк лампочки. Катя вскрикнула: на пороге стоял Витька Соколов.

Он не походил на всегда прилизанного и наглаженного Витьку Двойного. Он был пьян, взлохмачен, в глазах горел недобрый огонь.

— А! Сидите, птички-синички, затаились и чирикаете! — закричал он. — И ты здесь? Вот не ожидал встретить тебя в городе, Соловьянова. Я думал: ты партизанишь.

— Закрой двери и садись... Вон туда, на табуретку, — тихо сказала Аня. — Не балагань! Нам совсем не весело...

— А рядом с тобой нельзя? — Витька прикрыл дверь и уселся возле стола. — В кровище боишься измазаться?

— Несёт от тебя самогоном, Виктор, а меня тошнит от этого запаха, — так же тихо пояснила Аня. — А поговорить нам надо...

— Давай поговорим... Как раньше, Аннушка!

В голосе Соколова прозвучала тоска.

— Ответь: ты партизанских связных выдал? Ты старуху Титаренко убил? Ты наших мальчишек заманил к Лысой горе, а потом расстрелял? Ты это сделал, Виктор Соколов, с которым я сидела на одной парте, с которым вместе задачи решала и завтраки делила? Отвечай!

Голос Ани начинал вибрировать, как туго натянутая струна.

— Не надо! — сказала Катя.

— Надо! Отвечай, Виктор: ты этот изверг, этот убийца?

Виктор мрачно смотрел в пол.

— Я, — выдохнул он. — Да, я! Ну что вы на меня смотрите, дорогие мои одноклассницы, точно на гремучую змею?

— Ты — хуже! Хуже самой ядовитой змеи! — выкрикнула Аня.

— Можешь говорить всё, что хочешь, на тебя я не обижаюсь, потому что ты — цветок-человек, много в тебе ласки к людям... — Соколов вытянул шею, капли пота усыпали лоб. Он заговорил шёпотом, словно поверяя тайну:

— А люди кругом — звери! Кто кого за горло вернее ухватит, тот и прав будет. Не ухватишь, так тебе глотку перегрызут...

— Кто это тебя просветил? — сказала Катя. — Фашисты, что ли?

— Жизнь убедила, жизнь! Вот кто ты есть, Соловьянова? Кровная пролетарка, попросту — голодранка. А я, по-твоему, кто? Думаешь, сын шофёра Соколова? Дудки! Я — внук двоюродного дяди, казацкого полковника Соколова. Три тысячи десятин земли, табуны лошадей, сады, виноградники. И мне с пелёнок, с детского садика нашёптывали: «Тебя ограбили! Тебя обездолили!» И ненависти во мне на ваш строй было столько, что душила она меня...

— Поэтому ты и пошёл сапоги вылизывать гауптману Герсту? — вскипела Катя.

— Катя! — вскрикнула Аня.

— Не бойся, Аннушка, у нас разговор открытый, по душам... — Соколов зажмурил глаза и, словно от боли, закусил губу. — А тебе, пролетарская Катюша, я скажу: нелёгкая моя дорога! Потому много добра я видел от людей и трудно мне сейчас идти против них, с немцами! А если хочешь подняться выше всех, переступи и любовь, и жалость... И я переступил! — Соколов посмотрел на Аню. — Только тебе, Аннушка, я ничего плохого не делал и не сделаю! Мне была первым другом: когда меня обижали, ты утешала, когда я психовал, ты меня сдерживала. А Герст, — Соколов, словно от озноба, передёрнул плечами, — Герст — страшный человек. У него нет жалости... Как он обрадовался, когда Яринов предложил

организовать проверку всех этих дурных пацанов, которые состояли в комсомоле. И сам же расстреливал мальчишек... По одному подзывал к себе и стрелял. Выстрелит, посмотрит, куда пуля вышла, и зовёт следующего. Кончатся патроны — вставит новую обойму... А мальчишки подходят к нему так, словно им не страшна его пуля. И падают один за другим...

Катя стиснула зубы.

— Не надо! Слышишь, не надо! Не рассказывай! — попросила Аня.

— Не буду, Аннушка, ладно. — Соколов снова закрыл глаза и покачался на стуле. — Яринов пронюхал про Рахиль Абрамовну, что музыку у нас преподавала. Она у математички Софьи Ивановны в сарае прячется. Их сегодня возьмут...

Голова Соколова всё ниже клонилась к столу, он громко всхрипнул.

Катя и Аня с ужасом смотрели на него.

Через минуту Соколов проснулся, вскинул голову, встал. Сейчас он выглядел совсем трезвым.

— Ну, напугал я вас, девчонки, ночь не будете спать? — с кривой усмешкой спросил он. — Вы от моего рассказа не уснёте, а я — от дел. Сегодня герр гауптман Герст поручил нам важную операцию — ночью поедem отбирать бурёнушек в Натухаевскую. Приказано изъять для нужд немецкой армии...

Катя провела ладонью по лбу и спросила ровным и мирным голосом:

— И куда же немецкая армия денет этих бурёнушек?

— Не знаю. Думаю, что вывезут их нах фатерланд. Пока приказано согнать коров в Равскую. А оттуда погоним в Новороссийск. — Виктор вздохнул и опустошённым взглядом окинул девушек. — Вы не обижайтесь на меня. Трудно мне. Но если хочешь оказаться наверху в этой кровавой мешанине — надо через всё пройти. А с вами я душу отвожу. И вам никогда плохого не сделаю. Я к тебе, Аннушка, ещё заходить буду. Не выгонишь?

Когда за Виктором хлопнула калитка, Аня вскочила:

— Надо бежать к Софье Ивановне, предупредить!

— Подожди, вдруг он нарочно рассказал, чтобы поймать нас?

— Нет, Катюша! Это правда! — убеждённо сказала Аня.

ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Несколько дней Катя Соловьянова жила в постоянной тревоге. Она бродила по городу, ходила с Азой на виноградник, садилась к окну с книжкой — и всё время ждала: откроется дверь и ворвутся гестаповцы! Но Аня Владимирова оказалась права: Соколов их не выдал.

В ту ночь Ане и Кате удалось незаметно, огородами и виноградниками, добраться до домика, в котором жила учительница математики. Они предупредили Софью Ивановну о предстоящем визите гестаповцев, помогли собрать самые необходимые вещи, проводили за город. Обе женщины спрятались в далёком и тихом Витязеве, где у Софьи Ивановны были добрые друзья.

«Почему Соколов предупредил нас, почему не выдал?» — раздумывала Катя.

Доверчивая и добрая Аня Владимирова объяснила это тем, что у Витьки в душе оставались крохи хороших чувств: уважения к строгой Софье Ивановне, привязанности к школьным друзьям.

— Возможно, он не был бы таким, если б не родители, — говорила Аня, глядя в лицо подруги.

Катя не верила в доброту предателя Соколова, в его привязанность к друзьям. Она пришла к выводу, что в поступке Соколова был хитрый расчёт. О прячущейся в сарайчике учительнице-еврейке разнюхал Яринов. Он же сообщил о ней немцам. А Яринов был соперни-

ком Соколова, добивающегося благосклонности начальства. Значит, Соколову было выгодно скомпрометировать его в глазах хозяев. Соколов искусно разыграл пьяного, который в пылу откровенности выболтал тайну. Катя была убеждена в этом. А чем хитрее враг, тем он опаснее.

А в пятницу произошёл ещё один разговор, который Катю и тревожил, и радовал.

Вечером, когда мать Кати пошла убирать в школе, к Соловьяновым постучалась Клава Торсина.

Она вошла, робко села на табуретку. Молчала. Вдруг уронила голову на стол и разрыдалась. Катя не знала, как успокоить её.

Клава вскинула голову:

— Катюша, помоги мне! Я помню, ты и в школе помогала всем...

— Что случилось, Клава?

Клава вытерла глаза. Она рассказала, что Яринов пригрозил ей: если она не придёт к нему в воскресенье, он выдаст её гестапо.

— О чём же он может донести? — удивилась Катя.

— Да разве нужна ему вина? Наврёт, что я разведчица, и всё! Сегодня сказал: не придёшь ко мне ночью в воскресенье, встретимся в детском садике в понедельник... Это тот дом, где мучают и убивают людей, там до войны был детский садик... — Торсина снова разрыдалась. — А у меня дочурка, Ленка... Не могу я оставить её сиротой. А быть с этим хрипатым палачом...

— Куда же он тебя приглашает? — спросила Катя. Она подумала: нельзя ли будет использовать случай для расправы над предателем?

— Домой. Он возле крепостных ворот при немецкой радиостанции живёт. С улицы часовые радиостанцию охраняют, а от набережной к дому есть калитка.

«Радиостанция? Батареи для приёмника, рации, которые так необходимы партизанам! А может быть, это ловушка?»

Катя всмотрелась в лицо Торсиной. По краям подкрашенных губ скорбные складки, у глаз лучики морщин.

«Не врёт!» — решила Катя. Но спросила осторожно:

— Что я могу сделать?

— Не лукавь, Катюша! — воскликнула Торсина. — Ведь ты в истребительном была... Не случайно в городе осталась.

— Придумала! — засмеялась Катя. — Да кому я сейчас нужна? Я маму не могу бросить...

«Клаву зовут “немецкой овчаркой”, — всё ещё раздумывала девушка. Кто же она? Несчастный человек или подлая предательница? — Катя снова внимательно посмотрела на гостью. Нет, это отчаяние — не игра!» — решила она.

— Катюша! Ты умная и сильная, не то что я! Помоги мне... Я тоже, что хочешь, для вас сделаю! Надоело мне дрожать и унижаться.

В комнату вошла Катина мать. Увидев Клавдию, она сердито швырнула в угол ведро и веник.

Торсина вскочила и, достав зеркальце, припудрила нос.

Опустив голову, она прошмыгнула мимо хозяйки. Её каблучки дробно защёлкали по каменным плитам тротуара.

— Какие дела у тебя, дочка, с этой девкой? — спросила мать. — У неё же ни чести, ни совести! Теперь её этот хрипатый злодей обхаживает. Каждый день на работу к ней заявляется... Ты смотри, как бы чего не случилось.

— За меня, мама, не беспокойтесь.

— Эх, доченька! По самому острию ходишь, один шаг — и пропала...

— По какому ещё острию, мама? — удивилась Катя.

— Доченька! — мать подошла ближе. Тёплые руки бережно прижали чернокошую голову дочери к груди. — Я же всё понимаю! Не таись! Не сама ты вернулась в город...

— Как это — не сама? — спросила Катя, прижимаясь к матери.

— Трудное дело дадено тебе, доченька! И кто же в нём может быть лучшим помощником, чем не родная мать!

Катя почувствовала, что не может больше притворяться перед матерью.

— Mamочка! Я о чём вас просить хочу... — Она прижалась лицом к огрубевшей от работы материнской руке. — Ушли бы вы пока из Анапы. Идите в Баканку, к тётке Тане. Мне спокойнее будет одной.

— Нет, доченька, и не проси. Никуда я от тебя не уйду. А что суждено, того не миновать. — Мать пригладила волосы дочери, присела на табуретку, маленькая, прямая, строгая. — Коль и мне по силам что-нибудь сделать, доченька, говори! Время лихое, враг у нас злобный, жестокий, его всем миром бить надо. Так что говори.

— Mamочка! — Катя прямо, открыто взглянула ей в лицо. — Есть одна просьба. Завтра после работы, когда будешь убирать школу, открой шпингалет у окна в четвёртом «В»... И не спрашивай меня, пожалуйста, зачем!

— А я и не спрашиваю, — ответила мать.

На следующий вечер мать сказала:

— Всё сделала, Катюша, как ты наказывала...

В эту ночь Катя не могла уснуть. Чуть ли не каждые полчаса она вставала с постели и, осторожно ступая по средней нескрипучей половице, кралась к окну.

Ночь выдалась лунной. Яркими бликами отсвечивали окна школы, кусты сирени во дворе казались вырезанными из чёрной бумаги. Через каждые пять-шесть минут мимо окон проходил часовой. Он чувствовал себя в безопасности: положив локти на висящий на шее автомат, курил сигарету, лениво насвистывал.

Катя вновь ложилась в душную постель. Часовые менялись в полночь. Ребята попытаются проникнуть в школу после двух, когда часовой уже устанет, и внимание его притупится.

Три часа... А часовой всё так же размеренно топал по камням тротуара...

«Ничего не получилось...» — подумала Катя.

Заснула она только на рассвете.

СОВЕЩАНИЕ

Катя шла к условленному месту встречи, удручённая срывом первой операции подпольной группы.

По приказу немецкого начальства воскресенье было объявлено праздничным днём. По городу разгуливали немецкие солдаты. В порту работы были приостановлены.

На Катю никто не обращал внимания — тоненькая, бледная девушка в стареньком тёмном платье никого не интересовала. Зато Азу, неторопливо прогуливающуюся вдоль берегового откоса, солдаты провожали жадными взглядами. Темноволосая, яркоглазая, она была очень хороша. Увидев Катю, Аза радостно бросилась ей навстречу.

— Я уже ждалась тебя!

По тропке, изгибающейся между камнями, девушки стали спускаться к морю. Катя сразу увидела Славку и Тимофея. Они сидели с удочками-закидухами немного в стороне от других рыболовов, пытающихся что-нибудь выудить на обед.

Катя с трудом сдержала улыбку, заметив, каким растерянным выглядел Славка, пожимая руку Азы.

Они уселись рядком на каменной плите, омываемой сонными волнами. Издали любой наблюдатель сказал бы, что на камне сидят парни и девушки, несмотря на войну, радующиеся своей юности.

— Говори, Славка, почему сорвалось дело? — спросила Катя.

— Откуда ты взяла, что сорвалось! У Тимофея в каморе сейчас две машинки, новенькие, немецкие, марки «Грома», с русским шрифтом. Три машинки, оставшиеся в классе, я так покалечил, что фрицам придётся их сдать в металлолом.

— Вышло?! Ой, молодцы! — Катя приобняла Славку.

— Ладно! Чего уж там! — смущённо пробасил он, косясь на улыбающуюся Азу.

— Как же вы сумели? Расскажи, — попросила Катя.

— Дело легче лёгкого. Часовой свернул за угол, я подскочил к окну, потянул раму. Она открылась. Я залез в класс, закрыл за собой окно. Потом сложил две машинки в мешок, а остальные покалечил. Ну, а затем дождался, когда солдат прошёл мимо окна, передал мешок Тимохе, подоспевшему из кустов. Закрыли мы окно и дали дёру. Возле базара чуть на патруль не нарвались. Дело простое, яблоки у деда Тугарина труднее было воровать...

— А бумага?

— Всё там в мешке у Тимохи. Пять пачек бумаги и коробка копировки. Все фрицевские запасы очистили.

Славка вытянул удочку, осмотрел наживку и вновь закинул в море.

— Теперь поговорим о том, что нужно сделать в первую очередь, — сказала Катя. — Задача номер один — приём сводок Совинформбюро и выпуск листовок. Батарей к приёмнику у нас всё ещё нет. Есть, правда, одна возможность достать батареи, а может, и рацию. И предателя уничтожить.

— Витьку Соколова? — хмуро спросил Тимофей Запашный.

— Яринова. Он знает путь к партизанской базе. Он организовал ловушку для наших хлопцев, которых расстреляли около маяка...

— Какая же возможность? — спросила Аза.

Катя рассказала о разговоре с Клавой Торсиной.

— С нею опасно связываться, — возразил Славка.

— А я думаю — не продаст! — возразила Катя. — Ей и самой несладко.

— Подождите! — вмешалась в спор Аза. — Надо сделать её участницей операции, тогда она наверняка никого не выдаст. Пусть Катюша вечером зайдёт за нею домой. Вместе они пойдут к той самой калитке, за которой живёт Яринов. Мы будем ждать их там. Торсина вызовет Яринова. Вот и всё, — сказала Аза.

— Подходяще, — кивнул Тимофей.

— А если у Яринова дома дружки окажутся? — спросил Славка.

— Не будет дружков, — сказал Тимофей. — Если он приглашает Торсину, зачем ему дружки?

— План приемлемый, — согласилась Катя. — Но нам нужно не только радиооборудование. Мы должны уничтожить предателя.

— У-нич-то-жить... — тихо повторил Славка. Лицо его побледнело. — У нас и пистолета нет...

— Стрелять всё равно нельзя, рядом радиостанция, охрана, — напомнила Катя.

— Но как же тогда? Ножом? Так я даже курицу не мог... Матери приходилось соседа звать...

— То дело другое, — сказала Аза. — А предателя, как гадюку, жалеть нельзя! Яринова нужно повесить...

— Повесить! — твёрдо сказал Тимофей Запашный и выдернул из воды удочку. — Тяни, Славка! Если кто наблюдает за нами, сразу догадается, что рыбалка наша — сплошная

липа...

— Вон, возле пристани, выложены штабеля ящиков. В ящиках — авиабомбы, мины, снаряды. А охраняют склад всего двое...

— Дело заманчивое... — вздохнул Тимофей. — Никто из нас подрывного дела не знает. Славка кивнул:

— А тут взрыватели, бикфордов шнур...

— Надо попросить партизан, чтобы прислали специалиста, — сказала Аза.

— А знаете, ребята... — заговорила Катя. — Кажется, есть у нас в городе такой специалист. Его зовут Владик Каширин.

— Каширин? — переспросила Аза. — Белобрысый такой? Он неподалёку от нас живёт. Аза вдруг толкнула Славку:

— Что спишь?! Подсекай!

Славка растерянно уставился на дёргающийся прут, вставленный в расщелину между камнями. Аза схватила прут. Леска в её руках то напрягалась, то ослабевала. Лицо девушки покраснело от азарта.

— Помогите, черти! — крикнула она. — Не иначе как катран.

Славка пришёл в себя и бросился помогать. И тут задёргалась леска у Тимофея. Катя схватила плетёный подсак и, сбросив туфли, прыгнула в воду.

Пенные бурунчики метались вдоль берега, но лески всё ближе подтягивали их. В воздух взметнулось серебряное веретёнце крупной лобани. Катя ловко подвела подсак под рыбу. Через несколько минут в сетке билось уже четыре крупных рыбины.

— Катюша! Давай подсак! Уйдут! Видно, стоя подошла к берегу, — крикнул Славка.

— О, молодые люди! Поздравляю вас с отличным уловом! — послышался сзади чей-то голос, тщательно выговаривавший русские слова.

На камне, выставив ногу в тяжёлом ботинке, стоял невысокий стройный человек в клетчатом костюме и маленькой шляпе с пером. Тонкие губы его улыбались, но глаза оставались холодными. Позади, на тропинке, толпились солдаты с автоматами, Витька Соколов, Яринов.

«Гауптман Герст!» — узнала Катя и сказала:

— Спасибо, герр гауптман! Если желаете, мы можем поделиться уловом.

— Давай, давай! — прохрипел Яринов. — Я вам, герр гауптман, из этих лобанчиков такую жарёху сделаю, пальчики оближете!

Он шагнул вперёд и протянул руку к сетке.

— Не трогать! Назад! — негромко скомандовал Герст. Голос его звучал ровно, но Яринов отдернул руку, словно его стегнули кнутом.

— Каждый должен есть свою рыбу, Яринов. — Герст сухо рассмеялся. — Я сам неплохой рыбак. — Он посмотрел на Катю. — Но я ценю ваше отношение к немецкому офицеру... — Его глаза словно ощупывали Катино лицо. — О, да мы ведь с вами знакомы! — Он улыбнулся: — Я имел честь оказать фрейлейн маленькую услугу... Я слышал сейчас, вас зовут Катюша? Прекрасное имя! Я очень люблю русскую песню о Катюше, которая бережёт свою любовь. — Улыбка исчезла с лица гауптмана, он в упор разглядывал Азу.

— Фрейлейн еврейка?

Солдаты, как выдрессированные псы, настороженно вытянули шеи.

— Нет, герр гауптман ошибается, — спокойно ответила Аза. — Я гречанка.

— Гречанка? — В голосе гауптмана послышалось удивление.

И вдруг он произнёс фразу на незнакомом языке. Аза кивнула и ответила на том же языке. Гауптман Герст церемонно приподнял шляпу с пером и прищёлкнул каблуками.

— Вы настоящая гречанка. Я имел удовольствие быть на вашей прекрасной родине. Салоники, Пирей, Афины...

— Моя родина здесь, герр гауптман! — резко ответила Аза.

— О, родина не всегда там, где человек рождается, родина — то место, где могилы предков, земля, которая дала жизнь родному народу... — Гауптман нахмурился. — Вы, фрейлейн Катя, и вы, — он кивнул в сторону Азы, — где-нибудь работаете?

— Нет, — ответила Катя.

Герст покачал головой.

— Тогда примите дружеский совет — идите работать, убирать виноград, кукурузу, перебирать зерно... Иначе — я открою вам военную тайну — через несколько дней вам придётся распрощаться с Анапой и уехать в Германию... — Холодные глаза кольнули Славку и Тимофея. — Молодые люди, конечно, тоже не работают?

— Мы работаем, герр гауптман, — сдержанно-спокойно сказал Славка.

— Разрешите спросить, где?

— В порту. На восстановлении причала. Вот мой рабочий номер...

Славка достал из кармана маленькую алюминиевую бляшку, которая служила пропуском в порт.

— О, прошу извинения! — Гауптман приподнял руку к шляпе. — Ну, желаю вам, молодые люди, приятного времяпрепровождения в такой чудесной компании.

Он повернулся и лёгкой, быстрой походкой стал подниматься по тропинке. За ним двинулась свита.

— Чтоб ты издох, фашист проклятый! — зло бросил вслед Славка.

ЯРИНОВ

Домик Торсиных стоял в конце улицы, на прибрежном откосе. Катя пробиралась к нему через кустарник и пересохший бурьян, чтобы не попадаться на глаза патрулям, обходящим город. При неверном свете луны кусты принимали причудливые очертания — то они становились похожими на притаившихся людей, то казались сказочными чудовищами...

Кате вдруг вспомнилась военная игра, организованная местным Осоавиахимом прошлой весной. Тогда её послали в разведку и ей так же пришлось пробираться среди тёмных кустов. И так же впереди неё смутно вырисовывались силуэты, напоминающие то притаившихся людей, то животных. И рядом, под береговым откосом, так же ритмично и мощно ударяли в прибрежные скалы волны.

Как хорошо тогда было! Славка Бондаренко захватил Катю в «плен». Он неожиданно вынырнул из кустов и крепко сжал её за плечи. Сердце Кати испуганно оборвалось.

И вдруг его горячие губы скользнули по Катиному лицу. Прикосновение было таким мимолётным... Но сердце её затрепетало от сладкого и тревожного чувства.

В доме Торсиных окно было открыто. Катя осторожно заглянула в него. Лунный свет падал на спокойное личико ребёнка, золотил волосы склонившейся над кроватью женщины.

— Клава! — негромко окликнула Катя.

— Что?! Кто здесь?! — Женщина метнулась к окну и облегчённо выдохнула: — Ты, Катюша?

— Собирайся, Клава, пойдём!

Лицо Торсиной вдруг перекошилось от страха. Она прижала руки к груди.

— Куда? Зачем? — залепетала она.

— Ты просила помочь избавиться от Яринова. Тебе нужно только назвать себя, чтобы Яринов открыл дверь.

— А может, не надо? Может, он забудет про меня? — словно в лихорадке, шептала

Торсина.

— Сегодня воскресенье, — сказала Катя. — Вспомни его угрозы.

Торсина всплеснула руками.

— Да-да, завтра будет поздно, — всхлипнула она. — Надо идти! Что мне делать?! Что делать!

— Не суетись. Я подожду, — сказала Катя.

Торсина шла неверной походкой. Катя взяла её под руку.

— Успокойся, Клава! Тебе нужно будет только окликнуть Яринова, только окликнуть...

— Да-да, я окликну его, и он откроет... — Клавдия передёрнула плечами. — Как холодно!

Катя крепко держала её под руку и вела, выбирая пустыри и самые тёмные улицы.

— Вы его... убьёте? — прошептала Торсина.

— А чего иного он заслуживает? — сурово спросила Катя. — На его совести десятки жизней...

— Да-да! — словно в беспамятстве прошептала Торсина. Она всё ещё дрожала.

Катя решительно тряхнула её.

— Перестань. Чего ты трясёшься? Будь человеком, а не трусливой курицей!

Калитка, о которой говорил Торсиной Яринов, выходила в пустынный переулок. Это была глухая, плотно сбита дверца, прикрывающая проём в высокой каменной стене.

Как только Катя и Клавдия подошли, из густой тени вынырнули две рослые фигуры.

Торсина вскрикнула и рванулась в сторону.

— Не бойся! Это наши, — удержала её Катя. — Стучи!

Словно во сне, Торсина чуть слышно постучала в калитку. Ей никто не ответил.

— Тут есть звонок, — шёпотом подсказал Славка, указывая на чёрную пуговку на тёмном косяке двери.

Катя решительно нажала кнопку и припала к стене.

Прошла минута, другая. В двери что-то скрипнуло, и послышался хриплый голос Яринова:

— А, долгожданная гостья! Пришла всё-таки. — Он хихикнул и завозился с запорами.

— И правильно сделала! С Яриновым лучше не ссориться...

Тяжёлая калитка открылась бесшумно. Яринов шагнул к Клаве.

— Ты чего такая перепуганная? Не бойся, не съем...

Две пары сильных рук схватили его и затолкнули обратно в калитку. Яринов захрипел, забился...

— Беги домой, Клава, — тихо сказала Катя. — Что будет дальше, то тебя не касается...

— Она тоже вошла в калитку и плотно закрыла её за собой.

Садик, с трёх сторон сдавленный каменной оградой, смутно вырисовывался в темноте. В глубине виднелась небольшая пристройка, примыкающая к стене основного здания, где теперь размещалась немецкая радиостанция. От двора радиостанции садик был ограждён заборчиком.

Тимофей и Славка втащили Яринова в открытую дверь пристройки. Катя вошла за ними.

За маленьким тамбуром находилась просторная, но запущенная комната, освещённая яркой электрической лампой. На непокрытом столе валялись радиодетали, пустые консервные банки, бутылки. Лампы, катушки, приборы были разбросаны по комнате. В углу, за шкафом, стояла широкая никелированная кровать с грязной простыней и смятым одеялом.

Тимофей связал руки Яринова куском толстого провода и толкнул его в плюшевое кресло, стоящее около стола. Яринов смотрел злыми, налитыми кровью глазами.

— Партизанская рация! — обрадовалась Катя, заметив на табуретке знакомый зелёный ящик с ремнями. — Исправная?

Славка подошёл к рации, щёлкнул ручкой. На панели загорелся зелёный глазок. В старом шкафу Тимофей обнаружил ещё одну рацию, снятую с немецкого самолёта, и два комплекта питания к ней. Всё это и ещё кое-какие радиодетали он положил на стол, сбросив на пол консервные банки.

— Вот то, что нам нужно. Сейчас мы всё увяжем, — сказал Тимофей и потянул с кровати одеяло.

Глухо стукнув, на пол упал тяжёлый «парабеллум».

— Тоже пригодится. — Тимофей засунул пистолет за пояс.

— Рация в порядке! — сказал Славка, снимая с головы наушники.

Катя присмотрелась к кособокому шкафу и заметила, что он прикрывает какую-то дверь.

— Что там? — спросила она Яринова.

Тот захрипел и зашевелил губами.

— Серебряное горло! — догадался Славка. Яринов всегда зажимал пальцем трубочку в горле, когда нужно было говорить.

С брезгливой гримасой Славка поднёс руку к горлу предателя.

— За дверь! аппаратная военной радиостанции, — прохрипел Яринов. — Не убивайте меня! Я многое знаю!

Славка убрал руку, и Яринов беззвучно зашевелил губами.

— Отвечайте на наши вопросы! — сказала Катя.

Яринов кивнул.

— Кто сейчас дежурит на радиостанции?

Славка снова положил на шею Яринова руку, и тот заговорил:

— Никого нет. Дежурный радист придёт к двенадцати. Сейчас там только часовой, он во дворе... — Яринов лизнул пересохшие губы. — Меня же заставили...

Бондаренко убрал руку.

— Шкаф в сторону! — решила Катя.

Запашный подошёл к Яринову и положил руку на пистолет.

— Смотри, если только на станции кто-нибудь окажется...

Славка нажал плечом на двустворчатую дверь, и она открылась. За нею было темно и тихо. Славка шагнул в темноту. Немного погодя оттуда донёсся звон стекла, едкий запах жжёной резины. Славка вошёл обратно в комнату и доложил:

— Побил самые нужные лампы, закоротил аккумуляторы.

— Хорошо! — сказала Катя и взглянула на часы Яринова, лежащие на столе. — Без четверти одиннадцать... Пора уходить. — Она с трудом сдерживала нервную дрожь. — А нам ещё надо кончать с этим негодяем.

Яринов дёрнулся в кресле и захрипел.

Славка положил руку ему на шею.

— Не убивайте! — свистящим шёпотом стал умолять Яринов. — Я же не сам! Меня заставили! Под Ростовом раненый попал к немцам в плен. Меня вылечили, научили радиотехнике. И заставили идти к вам... к нам в тыл... Я не виноват! Я хочу жить!

— А те мальчишки, которых вы с каким-то Николаем подвели под расстрел, они жить не хотели? — вся дрожа, выкрикнула Катя. — А две старые учительницы, которых ты выдал, они... — Горло у Кати перехватило судорогой. Она только махнула рукой.

Тимофей Запашный, побледневший, но решительный, перекинул провод через крюк для лампы, укрепленный в потолке.

— Иди в садик, Катюша, подожди нас... — Славка обнял Катю за плечи и вывел за дверь.

Обессилев, она села на землю. Через минуту Славка притащил из комнаты рацию и узел.

— Подожди, мы сейчас... — чужим голосом сказал он и снова вошёл в комнату.

Катя сидела, вздрагивая от озноба, и смотрела на полуоткрытую дверь, из которой вырывался яркий электрический свет.

Тихий ветерок шевелил листья деревьев. Сонно стрекотали цикады...

Свет в дверях потух.

ПАТРУЛЬ

По пустынным ночным улицам пробирались молча. Шаги звучали в тишине. С моря напозлали тучи, луна нырнула за них, и город затопил густой, непроглядный мрак.

— Пошли по дороге. Там мягче, не так будет слышно, — сказала Катя.

Славка и Тимофей тащили трофеи. Катя старалась думать о том, что в ближайшие дни надо будет послать в партизанский отряд брата Азы с отобранной у немцев рацией. Как обрадуются в отряде! Но перед глазами стояло искажённое злобой, жалкое лицо Яринова.

— Катюша! — заговорил Славка, перекладывая узел с одного плеча на другое. — Надо будет поскорее переправить партизанам рацию...

— Завтра же отправим в отряд Дмитрия.

— Теперь дело пойдёт! — слишком бодрым голосом продолжал Славка.

Катя понимала: и он старается заглушить мысли о том, что произошло.

— Теперь мы богатые! Будет у нас гитлеровская рация русскую Москву принимать. И машинка фашистская станет по нашей команде сводки Совинформбюро печатать...

— Ладно, Славка, замри! — посоветовал Тимофей. — Сейчас не балагурить, а смотреть в оба надо, того и гляди на патруль нарвёмся.

— Теперь уж не нарвёмся, теперь близко, — ответил Славка. — Сейчас Крепостная будет, потом — церковь, а там — и наша камора.

Они свернули за угол.

Двое солдат прикуривали от зажигалки.

— Кто есть тут? — выкрикнул один.

Неуловимо быстрым движением Тимофей опустил ящик рации на землю и рванул из-за пояса пистолет. Один за другим грохнули два выстрела. Автомат выпал из рук солдата, только что прикурившего от зажигалки. Он схватился руками за живот и стал медленно оседать на землю. Второй патрульный выронил зажигалку, всплеснул руками и упал назад, гулко стукнувшись затылком о камень.

— Бежим! — крикнул Славка.

— Автоматы!.. — Катя подхватила упавший на землю автомат и побежала за Славкой.

Только в зарослях сухого бурьяна, со всех сторон окружавшего развалины санатория, Катя обернулась.

От зажигалки вспыхнула пересохшая трава. Колеблющиеся дымные огоньки ползли по земле. В их красноватых отсветах Катя разглядела Тимофея Запашного. Сдёрнув с немца автомат, он закинул его за плечо, подхватил рацию и быстро перешагнул через огненные змейки, скользящие по земле. На мгновение Катя увидела его лицо, твёрдое, спокойное, и крепкую руку, охватывающую ложе автомата.

«Так вот он какой, наш Тимоша!» — подумала Катя.

— Пошли! Скорее! — торопил Славка.

Катя двинулась за ним только тогда, когда рядом под ногами Тимофея затрещали сухие ветки.

Вся площадка, бывшая когда-то двором санатория, заросла бурьяном. В этих джунглях среди двухметровых кустов бузины, лебеды, болиголова и сирени кто-то проложил переплетающуюся сеть тропинок. Сторонний человек неминуемо заблудился бы в этом душном лабиринте, но Славка уверенно вышел к тому месту, где раньше находилась кухня санатория.

— Осторожно! — предупредил он, ныряя под огромную плиту, остаток обвалившейся стены.

Катя ощупала ногой ступени и спустилась вслед за Славкой. Сзади размеренно топал Тимоша.

Славка остановился, и Катя налетела на него.

— Сейчас, Катюша, сейчас!

Прыгающий, неровный луч фонарика осветил узкий коридор, бетонный пол которого был усыпан битым кирпичом.

Коридор вывел в глухой, мрачный подвал, бывший когда-то котельной санатория. Один котёл стоял на месте. Другой был искорёжен и сброшен сильным взрывом с бетонного фундамента.

— За мной! — скомандовал Славка, засовывая свой узел в круглое жерло топки искаленного котла.

Мелькнули его ноги и скрылись в котле. Катя полезла за ним.

Славка снова заработал рычагом фонарика.

Бок котла был разорван. За неровной пробоиной виднелась деревянная дверца.

— Теперь сюда! — Славка толкнул дверцу и пропустил Катю вперёд.

— Сейчас зажжём свет, — сказал Тимоша.

Щёлкнула зажигалка. Её слабое колеблющееся пламя вырвало из темноты кусок стены, висящую на ней керосиновую лампу и руки Тимофея. Спокойные, уверенные руки.

И снова Катя припомнила, что в школе Тимошу звали тугодумом за то, что он всё делал обстоятельно и неторопливо. Когда его вызывали, Тимоша медленно поднимался, молчал, пожёвывая губами, и начинал отвечать — коротко и точно.

Тимофей прикрыл лампочку подклеенным стеклом и прибавил свет. Катя оглянулась и удивлённо всплеснула руками.

Маленькая, глухая каморка имела обжитой, даже уютный вид. У стены стоял овальный столик, возле него — кресло, обитое красным плюшем, и два стула. Сбоку была сооружена деревянная кровать-топчан, на которой лежали матрац, прикрытый серым одеялом, и подушка. С бетонной стены на ребят смотрел с портрета Ильич...

Катя взглянула на товарищей.

— Да это же, мальчишки, просто здорово! — воскликнула она. — И мебель, и кровать... Откуда?

— Да всё Тимоша, — ответил Славка. — Это он сделал, когда в отшельники хотел уходить.

— Ничего особенного, — объяснил Тимофей. — Когда фашистские бомбы, сразу три, шарахнули в санаторий, в нём же всё было: и мебель, и ковры разные. Ну, кое-что там, на верхотуре, куда залезать опасно было, уцелело... Вот я и приспособил. — Он пододвинул кресло: — Садись, Катюша! Сейчас ужинать будем.

— Ужинать? Не хочется, Тимоша.

— Надо! Чтобы силы сохранить. Нам лучше будет здесь до утра высидеть. Сейчас, наверное, все фрицы на ноги поставлены.

— Да, так будет лучше, — согласилась Катя.

Тимофей нагнулся над рацией и извлёк из её недр кирпичик немецкого хлеба и две жестянки консервов с яркими этикетками.

Катя наблюдала за ним. Его движения были неторопливыми и точными. Несколько взмахов ножа — и вскрыты жестянки с тушёным мясом, потом из-под стола Тимоша достал бутылку и алюминиевую кружку.

— Рислинг, — пояснил он. — Отец в прошлом году, перед уходом на фронт, сделал... Славка, иди вечерять.

— Минутку, Тимоша.

Славка приник к рации, чуть тронул ручку регулировки и снял наушники.

В тесную подвальную каморку вдруг ворвался шум, напоминающий шорох морских волн.

— Что это? — спросила Катя.

— Москва... Красная площадь! — взволнованно ответил Славка.

И сейчас же раздался мелодичный бой курантов. Они пробили двенадцать. Негромкий женский голос объявил:

— Московское время — ноль часов три минуты. Начинаем литературную передачу «Стихи поэта-демократа Якубовича-Мельшина».

Славка слушал, забыв о том, что он сидит на корточках, в неудобной позе. Катя нагнулась вперёд, и на лице её застыла улыбка. И даже Тимоша, который вообще недолюбливал стихи, и тот, позабыв про приготовленный ужин, слушал. Грубоватое лицо его было строгим и торжественным.

Мужской голос с глубоким чувством читал:

Рассвет уже близок, она — у порога,
Свобода родимой земли!

И хотя в стихотворении речь шла о Цусимском бое, о русских моряках, эти слова показали Кате сказанными специально для них.

— Ребята! — сказала она. — Пусть эти слова станут нашим паролем и отзывом. Пароль: «Рассвет уже близок...» Отзыв: «Она — у порога, свобода родимой земли...»

ВЛАДИК КАШИРИН

— Вон их хата! — Аза указала на беленький домик, сбившийся в густую тень вишняка и акаций.

— С кем живёт Владик? — спросила Катя, перебрасывая тяжёлый рюкзак с одного плеча на другое.

— Жизнь у хлопца нелёгкая! — вздохнула Аза. — Мать его, Мария Сергеевна, больна... Есть сестрёнка маленькая, Ларочка, и тётка Меланья Сергеевна, тоже больная женщина.

— Как же они сейчас живут?

— Как все. Огородишко маленький. Меланья Сергеевна на базар ходит, последнее барахло у спекулянтов на кукурузу меняет.

— И откуда только повылезала эта нечисть — Яриновы, спекулянты базарные? — нахмурившись, сказала Катя.

Аза пожала плечами.

— Моя мама говорит: когда штормит, всякая гадость всплывает наверх.

Катя поправила лямки вещевого мешка, впившегося в плечи.

— Проклятый «сидор», — сказала она. — Словно свинцом налит.

— Ещё бы, — усмехнулась Аза. — Чуть ли не всю нашу кукурузную плантацию ободрала.

— Так ведь голодные кругом, Азочка! — ответила Катя. Её худощавое лицо было усталым и печальным. — У соседей двое девчонок прозрачные стали от голода.

— Всех накормить не сумеешь. Наше дело сейчас — фашистов бить. Не станет фашистов, не будет и голода.

Через разгороженный, заросший бурьяном сад девушки вышли к домику Кашириных. Аза раздвинула пыльные ветки низкорослой вишни и резко остановилась. Катя выглянула из-за плеча подруги.

Прямо перед ними, за огородом, белела стена хаты. А чуть правее, возле тропинки, протоптанной в зарослях бурьяна, темнел свежий могильный холмик. Рядом, уткнувшись лицом в землю, лежал мальчишка. Из ворота выгоревшей синей рубашки высовывалась тоненькая загорелая шея, худые, торчащие лопатки вздрагивали от рыданий.

Аза обернулась к Кате и тихо сказала:

— Владька... Видать, у них несчастье. Не вовремя мы пришли.

— Подожди, — Катя положила руку на плечо подруги и кивнула в сторону зарослей бурьяна.

Оттуда донеслись фальшивые звуки губной гармошки, наигрывающей старую немецкую песенку «Ах, майн либер Августин...».

— Незачем лишний раз им на глаза соваться, — сказала Катя, увлекая подругу в глубь вишняка.

Гармошка смолкла. Катя выглянула в просвет между ветками. Около мальчишка стояли двое немецких солдат — молодой рыжеволосый в сдвинутой на ухо пилотке и пожилой, мешковатый и сутулый. У обоих на шее чёрные автоматы. Молодой держал в руке губную гармошку.

— Вас ист дас? — спросил он не то у мальчишка, не то у своего спутника и ткнул Владика дулом автомата.

Мальчик вскочил, словно подброшенный невидимой пружиной, и глаза его с ненавистью уставились на солдата.

— Но, но! — пробормотал молодой солдат и схватился за автомат.

Пожилый что-то сказал ему. Повернулся к мальчику. Лицо у пожилого было усталое, морщинистое.

— Что это есть, мальчик? — медленно проговорил он, указывая на холмик. — Ди гроб? Могила? Кто тут... захоронен?

В его глуховатом голосе звучало сочувствие.

— Мама, — тихо ответил Владик.

— Мутер? — удивлённо воскликнул солдат. — По какой причине ви её захоронил здесь? Надо было нах кирхгоф...

— Кто же отвезёт на кладбище, когда мы так оголодали. Еле-еле здесь могилу выкопали... — Владик снова напрягся и выкрикнул: — А вам какое дело? Фрицы проклятые!

Пожилый опустил голову.

— Да, да, мальчик, конечно... Мы уходим, — пробормотал он. — Но это есть непорядок — хоронить возле дома. Большой непорядок.

Солдат пошарил в кармане и протянул Владиду несколько галет.

— Это есть очень вкусный немецкий печений.

Резким движением Владик выбил из рук солдата галеты. Они полетели в бурьян.

Молодой солдат, сдвинув белёсые брови, вскинул автомат. Но пожилой загородил мальчишка и, что-то сердито приговаривая, оттеснил товарища от могилы.

Через минуту оба скрылись за деревьями.

А Владик упал на могилу и забился в рыданиях. Аза рванулась к нему, но Катя опять удержала её:

— Подожди...

— Проклятые! — выкрикнул вслед солдатам Владик.

Он метнулся к куче сухого бурьяна, сложенного у хаты, пошарил под ним. В руке у него оказалась немецкий ручная граната с длинной ручкой.

— Владька, не смей! — крикнула Аза, бросаясь к нему. Она схватила вырывающегося мальчишку.

Катя швырнула свой мешок на землю, подбежала к Владиду и вырвала из его рук гранату.

— Что ты делаешь?! Ты и себя, и всех своих погубишь.

— Пускай! Пускай! — кричал Владик, вырываясь из рук Азы. — Всё равно!

— Нет, не всё равно! — негромко, но твёрдо проговорила Катя.

Тело мальчика обмякло.

— Пусти! — попросил он Азу и опустился на траву. Катя села рядом.

— Ты можешь спокойно выслушать меня? — спросили она.

Владик настороженно посмотрел в лицо девушки.

— Могу... Катя! — тихо проговорил он.

— Ты меня знаешь?

— Вы к нам в школу приходили в волейбол играть. Ты — Соловьянова, из седьмой школы.

— Так вот, — кивнула головой Катя. — У нас к тебе, Владик, дело есть. Ты работал с минёрами, изучил подрывное дело. Так?

— Точно. Сама видела, как я тогда на пристани с бомбой управился.

— Помню! Молодец ты, Владик. Но сейчас нужно не разряжать бомбы, а взорвать их!

— Какие бомбы? — Владик даже привстал.

— Фашистские. И бомбы, и снаряды. Те, что сложены возле пристани. Взорвать, чтобы они не попали в наших бойцов. Сможешь помочь нам?

Владик сдвинул брови.

— Запальный шнур у вас имеется?

— Шнура нет.

— Плохо дело! — Владик огорчённо сплюнул на землю.

— А если гранату швырнуть? — предложила Аза.

На худом, землистом лице Владика мелькнула улыбка.

— Гранатой, конечно, можно. Только тот, кто швырнёт гранату, взлетит на воздух вместе с бомбами... — Он озабоченно нахмурился. — Тут что-то другое придумать надо! Может, пороховой дорожкой? Порох я утащу.

— Тебе виднее. Но надо всё делать осторожно, чтобы не засыпаться, — предупредила Катя.

— Не маленький, понимаю.

— Подумай. А через пару дней Аза зайдёт к тебе.

Катя развязала мешок и достала оттуда кукурузные лепёшки.

— Теперь давайте пообедаем. — Она разломала сухую лепёшку на три части, большую протянула мальчику.

Владик сглотнул слюну:

— Тебе самой мало...

— Ешь, — сказала Аза.

Владик впился в лепёшку. У Кати сжалось сердце. Владик откусил всего три кусочка и робко попросил:

— Я отнесу остаток Ларочке и тёте Меланье? Они два дня ничего не ели. Была у нас курица, так её фрицы сожрали.

Катя подняла мешок:

— Здесь кукуруза. Высыпи её куда-нибудь, а мешок отдашь.

Худая рука потянулась к мешку и сейчас же дёрнулась назад.

— А как же ты?

— Бери! — Катя улыбнулась. — Считай, что это твой военный паёк, минёр Каширин.

— И мой мешок возьми, — сказала Аза. — Мы с Катей себе кукурузы ещё наломаем.

Известно нам местечко.

Улыбка осветила мальчишеское лицо.

— Спасибо, — сказал он. — Теперь мы живём! — Владик поволок мешки за лямки к хате.

ЛИСТОВКИ

В каморке, таящейся в развалинах санатория, было душно. Раскалённые солнцем камни отдавали своё тепло вглубь, и цементированные стены дышали парной сыростью. От керосиновой лампы тянуло гарью.

Тимоша Запашный, сидя под лампой, стучал пальцем по клавишам пишущей машинки и ругался:

— Чёрт его подери, никогда не думал, что печатать так трудно! Куда девалось это самое «т»?

— А я не найду твёрдый знак, — сказала Катя, сидевшая за второй машинкой. — Этак мы за ночь и десяток листовок не напечатаем.

— Ничего, напечатаем. — Тимоша смахнул с кончика носа щекочущую капельку пота. — Должны напечатать!

Славка Бондаренко, сидя возле рации, насмешливо фыркнул:

— Не выйдет, Тимоха, напрасно пыжишься. Хочешь не хочешь, а без Торсиной нам не обойтись.

— Нужна она нам! — буркнул Тимоша, с силой ударяя по клавише.

— Чудеса, братцы! — сказала Катя. — А твёрдого знака, оказывается, здесь вовсе нет. Не предусмотрели немцы твёрдый знак. Придётся вместо него кавычки ставить.

Несколько минут в комнате слышались удары по клавишам машинки и сердитое сопение Тимофея.

— Смотреть на вас тошно, — вздохнул Славка. — Вздремну-ка я лучше. — Он поднялся с ящика, потянулся и с размаху бухнулся в продавленное кресло.

— Ну и жарница! Искупаться бы сейчас, нырнуть под волну и проплыть пяток метров.

— Помолчи-ка, бездельник, не мешай другим работать, — пробасил Тимофей.

— А я не бездельник, — невозмутимо возразил Славка. — Я своё дело сделал, как полагается. Сводка Совинформбюро принята и записана. Теперь дело за вами.

— Да замолчи ты, не мешай! — крикнул Тимофей.

Славка зевнул и закрыл глаза. И снова в душной каморке стали слышны редкие удары — громкие у Тимофея и приглушённые у Кати.

— Готово! Пять экземпляров! Листовки как новые копейки! — торжествующе забасил Тимофей.

— А ну, Тимоша! — сказала Катя, вскакивая.

Запашный вытащил из машинки отпечатанные листовки. Славка протянул руку и взял первый экземпляр листовки.

— Вот! А ты, друг Славка, говорил, не выйдет! — радовался Тимоша. — Всё выйдет, если постараться.

— А ты уверен, что вышло? — Славка фыркнул. — Ты думаешь, что это можно будет вывешивать?

— А что? Нельзя, что ли?

— Да ты посмотри, что напечатано! Ошибок куча!

— И у меня не лучше, — призналась Катя. — Ничего не выходит у нас, Тимоша, только бумагу даром переводим.

— Я говорю, надо позвать Торсину, — сказал Славка. — Она ведь просила дать ей какое-нибудь дело. Так, Катя?

— Так! — Катя прошла по тесной камерке. — Сегодня опять меня на улице ждала. И с обидой сказала: «Почему вы не верите мне?» Жалко её...

— Ну да! — Тимофей краем майки вытер потное лицо. — А может, фашисты подсылают её разноухать наши дела?

— Что разноухать, что? — запальчиво спросил Славка. — Думаешь, она не узнала нас, когда мы с Яриновым рассчитывались? Катя шла вместе с нею. Твою мощную фигуру с другой не спутаешь. И меня она, конечно, узнала. А ведь молчит!

— Ладно, — согласился Тимофей. — Иди, Славка, зови её. А мы с Катей пока подышим свежим воздухом. Ещё немного, и из меня жареное-пареное получится.

Они осторожно, прислушиваясь к каждому звуку, выбрались из подвала.

Смеркалось. С моря налетал прохладный ветерок, и тогда сухой бурьян, окружавший развалины, начинал шелестеть. Пахло водорослями и иссушённой солнцем травой.

— Хорошо!.. — Тимофей облегчённо вздохнул, опускаясь на землю, покрытую засохшим колючим спорышом.

— Иди, Славик. Только будь осторожен! — предупредила Катя. — Пойдёшь обратно с Клавой, возьми её под руку, идите не спеша, вроде гуляете.

— Ясно, Катенька! — Слава Бондаренко исчез в зарослях бурьяна.

Шёл он, стараясь держаться в кустах или бурьяне. Когда приходилось перебежать улицу, Слава останавливался и настороженно вслушивался, боясь нарваться в темноте на патруль.

«Точно в казаки-разбойники играю», — с грустной иронией подумал он, ныряя в заросли сирени. И вздохнул, вспомнив весёлые школьные годы, игры, рыбалки...

Какой мирной, приветливой, радостной была тогда родная Анапа! В такие вот вечера после знойного дня жители выходили на улицу, выносили табуретки и скамейки, рассаживались у ворот, грызли семечки, вели неторопливые разговоры. Хлопцы и девушки собирались отдельно, пели песни, прогуливались парочками, выбирая укромные аллеи. Мальчишки в такую пору обычно играли в казаки-разбойники. Группами по несколько человек, царапая колени и животы о колючки и камни, они подкрадывались к влюблённым парочкам, с воплями выскакивали из темноты.

Когда это было?..

А теперь Анапа другая, тёмная, мрачная, чужая. Люди стараются реже появляться на улицах. Просторный дом, в котором раньше был детский садик, анапчане обходят за несколько кварталов. Там гнездо палачей и насильников — абверкоманда гауптмана Герста. Оттуда по ночам выезжают чёрные машины с трупами убитых и замученных.

Слава взгляделся из-за кустов в одинокий тёмный домик Торсиных.

У дверей, на фоне белой стены, смутно вырисовывалась неподвижная человеческая фигура.

«Кто это?» — с тревогой подумал Слава и нащупал под рубашкой тёплую ручку «параллелума».

Женский голос чуть слышно проговорил:

— Ой, мама моя, мамочка!

«Клаудия», — узнал голос Слава.

— Клава! — негромко окликнул он.
Чёрная фигура испуганно метнулась к двери.
— Не убегай, я от Кати.
Торсина несколько мгновений всматривалась в темноту.
— Иди же сюда! — позвал Слава.
Женщина несмело подошла к кустам.
— Кто здесь? — В темноте смутно белело её лицо.
— Я, Славка... Катя послала меня за тобой. Есть дело.
— Как? Сейчас? — Голос Торсиной задрожал.
— Сейчас... — Слава помолчал и добавил: — Если боишься, не ходи.
— погоди! — Холодные пальцы сжали его руку. — Что надо сделать?
— Напечатать кое-что.
— Напечатать? — Торсина облегчённо выдохнула. — А машинка?
— Есть.
— Тогда пойдём.
— Ребёнка с кем оставишь?
— С Леночкой мой отец... Идём!
— Подожди, Клавдия... — Слава помолчал. — Ты должна знать. Дело это опасное. Если не уверена в себе — скажи.
— Что мне — себя жалеть? — Торсина махнула рукой. — Жалеть себя нечего. Злоба у меня на фашистов.
— Тогда идём! Я возьму тебя под руку... — смущённо выговорил Слава.
— Я понимаю.
Слава ощутил дрожь её тела.
— Не бойся, — сказал он.
— Я не боюсь... С тобой не боюсь.
Они пошли к центру города.
Когда им пришлось переходить улицу, в густом мраке, за деревьями, вдруг звякнул металл. Славка схватился за пистолет.
Клавдия вдруг закинула руки ему на плечи и прижалась губами к щеке.
Ослепительный луч фонарика ударил в глаза. Слава зажмурился. А когда снова открыл глаза, рядом увидел широкое ухмыляющееся лицо Витьки Соколова.
— Ты смотри! — удивлённо воскликнул Соколов. — Да это Славка? Молодец, даром времени не теряешь! — Он захохотал, вкладывая пистолет в кобуру. — А кто это с тобой? А, правильно, Клавочка. Славка — не «серебряное горлышко», Славка — парень что надо!
Он нахмурился:
— Только вот что, одноклассники! Выбирайте для прогулок подальше закоулков. А то нарвётесь на патруль и попадёте в одно весёлое местечко. А пока — шагайте!
— Пошли, Славик, — сказала Торсина.
Фонарик погас. Гулко затопали по мостовой сапоги Соколова.
— Пошли! — чуть слышно проговорила Клавдия.
— А ты молодец, Клава!
В каморку она вошла, всё ещё не сумев справиться с нервной дрожью.
— Здравствуй, Катюша, здорово, Тимофей! Хорошо вы здесь устроились! — нарочито весёлым голосом сказала она. Уселась на ящик и зашелестела бумагой.
— Сколько экземпляров надо?
— А сколько можно? — спросил Тимофей.
Клавдия посмотрела на машинку.
— «Грома»? — она усмехнулась. — Знакомая техника. Немцы и сейчас её ищут. Больше

пяти не возьмёт.

— Закладывай пять, — сказала Катя.

Ловкие пальцы вставили в каретку бумагу с копиркой.

— Давайте текст. Или, может, ты продиктуешь, Катя? Так будет быстрее.

— Хорошо, — Катя взяла рукописный листок. — «Смерть немецким оккупантам! От Советского информбюро...» — торжественно продиктовала она.

Быстрые пальцы уверенно забегали по клавишам.

Тимофей подмигнул Славе:

— Высший класс! Как пулемёт строчит!

НА БАЗАРЕ

В дни, установленные немецкой комендатурой, в Анапе действовал так называемый «рынок свободной торговли». Здесь голодные люди старались обменять свои вещи на баночку кукурузной муки, на кружок подсолнечного жмыха или на плохо провяленную, резко пахнущую таранку.

Аня Владимировна и Катя Соловьянова пришли на базар, когда он уже беспокойно бурлил. Катя держала в руках праздничное шёлковое платье. За ней шла Аня со старенькой кофтой.

Около деревянного ларька, носившего громкое название «Комиссионный магазин», возле дощатой стенки, заклеенной приказами и распоряжениями германских властей, толпились люди.

— Пойдём, Аня, посмотрим, что там? — предложила Катя.

Толпа у стенки с приказами быстро менялась: одни уходили, другие занимали их место.

— Здорово, видать, дают наши прикурить фашистам — сказал старик в рыбацкой робе. Он обернулся и окинул взглядом людей. — Лупят, значит, гитлеровскую грабь-армию!

— И возле нас, на Серебряной, такой же листок вывесили, — сказала женщина с измождённым лицом. — Значит, и в Анапе есть такие, которые борются с фашистом.

— А ты как думала? — укорил её старый рыбак.

— Господи, благослови и сохрани их! Посмотрела на листок — и словно солнышко сердце обогрело... — прошептала сгорбленная старушка с кошёлкой. И краешком тёмного платка вытерла глаза.

— Ну, бабка! А ты пословицу помнишь: «На бога надейся, а сам не плошай!» — И старик подмигнул ей.

— Ты бы, дед, другую пословицу вспомнил: «Ешь пирог с грибами, да держи язык за зубами!» — сказал одорукий мужчина в рубахе, заправленной в старые солдатские штаны.

— Рад бы, мил человек, поесть пирога не то что с грибами, а даже с таким! — рассмеялся рыбак. — Да не готовят для нас пирогов фашисты.

— Молчи, дед, а то позовут тебя угощаться в детский садик, — сказал инвалид. — Там угощают до смерти.

Катя видела, как светлеют лица людей, прочитавших листовку.

— Смерть немецким оккупантам! — дрогнувшим голосом прочла Аня.

— Чего столпились? Р-разойдись! — донёсся злой голос.

Кто-то толкнул Катю, протискиваясь к стене с приказами. Подруги узнали Витьку Соколова. Он был в немецком обмундировании, в начищенных хромовых сапогах. На животе кобура с пистолетом.

— И-их, сволочи! — Соколов сплюнул. — Весь город заклеили!

Он сорвал листовку вместе с приказом, украшенным изображением фашистского орла.

— Вы бы осторожнее, господин полицай! Разве можно срывать приказы с этой птичкой-невеличкой? Как бы не поцарапала она вас своими коготками... — насмешливо сказал однорукий.

Соколов в ярости обернулся и рванул кобуру.

— Заткнись, гад! — заорал он. — А то я без птички так царапну!..

— Это вы умеете!

Инвалид нырнул в толпу.

Катя заметила, что Соколов пьян. Лицо его обрюзгло, огрубело. Круглые мутные глаза с бессмысленной тупой злобой устремились на Катю.

— Значит, листовочки почитываем, — усмехнулся он. И вдруг шагнул к Кате, нагнулся к её лицу, прошипел, брызгая слюной: — А может, и не только почитываешь?

— Ну что ты, Виктор, цепляешься? Чего выдумываешь? — сказала Аня.

Он повернулся к ней:

— И ты тут, Аннушка, голубиная душа? Не думай, что Витька Соколов такая уж скотина, что своих одноклассников жрать будет. А зачем вы, девицы-красавицы, припёрлись на базар?

— Есть нечего. Кое-что поменять на продукты хотели, — пояснила Катя.

— И что бы вы хотели получить за своё барахло?

— Муки бы кукурузной... Сала... И рыбы солёной, — ответила ему Аня.

Витька захохотал.

— Да, теперь уж видно, что ты вроде как арбуз проглотила. Подождала бы немного, и я к тебе бы посватался. — Он взглянул на подрагивающие губы Ани и оборвал пьяный смех. — Ладно, не буду. Идите, меняйте своё барахлишко! А я посмотрю, чтобы вас не надули базарные жмоты.

— Не надо, мы сами, — возразила Катя.

— А ты всё такая же гордая. Нечего гордиться, время не то. — Соколов покрутил головой. — Как я сказал, так и будет! Меняйте.

Катя передёрнула плечами.

— Идём, Аня.

Они подошли к немолодой женщине. Она сидела на мешке. Перед нею стоял другой мешок с кукурузной мукой.

— Меняешь, что ли, платьишко? — выкрикнула торговка, бесцеремонно выхватывая из рук Кати платье. Пять стаканов!

— Что вы! — возразила Катя. — Кто же отдаст новое платье за пять стаканов муки?

— Не хочешь — не отдавай!

Соколов отодвинул Катю в сторону.

— Ты чего это над людьми издеваешься, гадюка жирная? — закричал он. — Пять стаканов за новое платье?

— Не хочет, пусть не берёт, господин полицай... Теперь свободная торговля, всякий свой товар как хочет ценит.

Глаза Соколова потемнели от бешенства.

— Ты мне не перечь! — прошипел он. — Цена этому платью — мешок. А не согласна — я с тобой по-другому поговорю! Я уже подметил: как ты на базаре появляешься, так и листовки большевистские на стенках оказываются!

— Да что вы, господин полицай! — задохнулась торговка. — Да как вам не совестно!

— У тебя совестливости учусь! Согласна на мою цену?

— Что ж делать... Ваша власть, берите!..

Катя взяла оклунок, в котором было килограммов шесть кукурузной муки. Соколов огляделся. И вдруг, вырвав у Ани из рук кофту, шагнул к старикашке, увешанному вязками мелкой тарани.

Соколов выхватил тарань.

— Получай, жмот! — Он бросил старику Анину кофту.

— Что вы делаете, господин полицай! Что вы делаете? — зачастил старикашка. — Не имеете прав. Я коменданту жаловаться буду!

— Иди, пожалуйста! Расскажи там, как на рыбке наживаешься, когда должен сдавать её для армии великой Германии! Там тебе разъяснят, что следует!

Старикашка испуганно устался на Соколова.

— Может, проводить тебя в комендатуру?

— Не надо, господин полицай, я согласный.

— Так-то лучше! — сказал Соколов. Он вытолкнул подруг из расступившейся толпы.

— Нехорошо получается, — проговорила Аня. — Вроде мы грабители.

— Не переживай! — усмехнулся Витька. — Я этих гадов знаю. Этот красномордый дедок в святителях баптистских значит, он за пару марок какую хочешь власть продаст. А жаба жирная — та колхозный амбар в Гостагае очистила. Вчера у голодной бабы с ребёнком шубу за десять стаканов муки выдурила.

«А ты лучше их? — подумала Катя. Но решила: — Нет! Спорить с ним нельзя. Муку я Владьке Каширину отнесу, себе немного оставлю, Ане... Ей сейчас нужна хорошая еда...»

Соколов шёл, размахивая таранью. Встречные ныряли во дворы, переходили на другую сторону улицы.

— Дальше мы сами пойдём, — сказала Аня.

— Нет уж, дорогие мои одноклассницы, — закрутил головой Витька. — Я сегодня добрый и грустный... Хочу вам покаяться в своих грехах. Так что шагайте за мной.

РАЗГОВОР

Пока Аня отпирала дверь, Соколов, прищурившись, разглядывал Катю.

— Ну и тощая ты стала, Соловьянова! — насмешливо проговорил он. — Одни только глаза огнём горят. Недаром Славик Бондаренко переметнулся к Клабочке Торсиной.

— Мне немцы пайков не дают! — сдвинула брови Катя.

Соколов захохотал:

— Ага, за живое задело! Видать, ловкач Славка всё же подобрал ключики к твоему сердцу...

Он вслед за Аней вошёл в комнатушку и плюхнулся на стул. Рывком сорвал фуражку с головы, швырнул на стол.

— Рассолу у тебя, Аннушка, нет?

— Есть как будто немного. Только зацвёл он уже...

— Ничего, принеси-ка черепушку.

Аня, захватив ковшик, вышла.

С лица Соколова исчезла усмешка. Сейчас было особенно заметно, как постарел и опустился этот ещё недавно смазливый парень. Морщины прорезались возле рта. Покрасневшие глаза смотрели дико...

— Вид у тебя, как у вытащенного на берег морского кота, — сказала Катя. — Пьёшь, видно, много.

— Пью, Соловьянова! — мотнул чубом Витька. — Думаешь, легко мне? — Он закрыл глаза и откинул голову. — Нет, не легко! Прямо можно сказать — тяжело. Так тяжело, что я

не раз проклинал своих матушку и батьку. Знаешь, почему я сегодня с утра набрался? Не знаешь. А я возьму и расскажу! Ночью всех нас хозяин посадил на машины...

— Какой хозяин?

Соколов приоткрыл глаза.

— У меня один хозяин — гауптман Герст. Его «гестапой» в городе зовут. А он не гестапо, он абвер, разведка. Так вот, высадили нас в горах, у речонки. Затаились мы в кустах. Уже светать стало, над речкой туман поплыл. Тут на тропе люди показались. Много людей... И ударили мы во все колокола. Автоматы, винтовки... Люди назад — а там у Герста четыре пулемёта наготове. Минут за пятнадцать всех уложили. А была их почти сотня.

— Кто они? — спросила Катя, с ужасом глядя на Соколова.

— Кто? — Соколов свинцовым взглядом окинул Катю. — Партизанские семьи... Женщины, ребята... Гауптман Герст вынул, что партизаны решили переправить их через линию фронта. По горным тропинкам, к Геленджику... Он умеет работать, гауптман Герст!

— И ты стрелял в женщин и детей?!

— Стрелял! И когда стрелял, мне не было страшно. А вот потом... Кровищи!.. Даже река покраснела. Крик, стоны. А гауптман и его подручные взяли свои железные дубинки и пошли добивать.

— Какие... дубинки? — Катя закусилась от ужаса губу.

— Это изобретение Герста. Он о нём даже начальству своему докладную послал: считаю, что на врагов Великой Германии не стоит тратить пули. Приказал нарезать куски труб, залили их свинцом. Вот и оружие.

— Звери! И ты так?! — Аня Владимировна стояла в дверях. Слёзы катились из глаз.

Соколов подхватил из её рук ковшик с рассолом.

— Я?.. А что я? — Он дунул на рассол, отгоняя сизые клочки плесени, жадно припал к ковшику. — Хорошо! — простонал он.

— И там... среди убитых... были наши, знакомые? — спросила Катя.

— Были! Трёх баб я опознал. Ну, ещё пацаны какие-то, девчонки, которые в нашу школу в младшие классы бегали.

Соколов посмотрел на плачущую Аню, перевёл взгляд на мертвенно-бледное лицо Кати, медленными глотками допил рассол.

— Так-то, Соловьянова. Не путайся в эти самые дела, а то...

— Что ты ещё выдумываешь? — с трудом проговорила Катя.

— А то. Кто-то отправил к чертям в пекло моего дорогого дружка Яринова. Кто-то Софью Ивановну и Рахиль Абрамовну предупредил. Кто-то листовки на украденной у немцев машинке выстукивает... Кто-то партизанам сообщил, что немцы скот собираются из Раевки в Новороссийск перегнать. И угодили фрицы и мои хлопцы в засаду. Четырёх немецких солдат и моего полицая Николаши как не бывало. И скотина исчезла в неизвестном направлении — может, в лесу заблудилась, а может, в партизанский котёл угодила. Опять же кто-то наступал партизанам о том, когда мои хлопцы в Варваровку поедут, тамошнего большевика арестовывать. Приехали хлопцы, большевичок — тю-тю. А на обратном пути обстреляли их машину...

— А я при чём? Что я могла сделать с Яриновым? Куда я могла спрятать человека из Варваровки?

— Верно. А всё же, хотел бы я повидать того, кто Яринова на тот свет спровадил! Я бы ему руку пожал. Сволочь был покойничек! — Соколов исподлобья взглянул на Катю. — Ведь он и на тебя, Соловьянова, гауптману Герсту накапал. Так, мол, и так: есть в Анапе некая Соловьянова, которая в партизанский отряд просилась.

— Так ведь не взяли меня! — прошептала Катя.

— Твоё счастье! — Соколов поднялся, пятернёй расчесал чуб, надел фуражку. — Отоплюсь немного, а в двадцать два ноль-ноль ехать с господином Герстом в Анапскую. До скорого, девицы-красавицы!

За Соколовым захлопнулась дверь. Катя уронила голову на стол, зарыдала.

«ЛОВЛЯ НА ЖИВЦА»

Гауптман Вилли Герст, сняв мундир и облачившись в охотничью куртку, писал письмо отцу и время от времени отпивал коньяк из маленькой хрустальной стопки.

«Мы теперь почти коллеги, отец, — писал Герст аккуратным почерком. — Оба хирурги и врачуем человечество. Только ты вырезаешь аппендиксы и опухоли у отдельных человеческих особей, а я — у всего человечества злокачественную опухоль коммунизма...» — Герст положил ручку и пригубил коньяк.

«К чему я всё это пишу? — подумал он. — Отец, конечно, не поймёт. Мои рассуждения только расстроят его. Упрямый старик!»

Гауптман вспоминал родной Бреслау, отца, известного в городе врача, могучего, краснолицего старика с торчащими седыми усами. Поскрипывая протезом, он ходит сейчас в своём просторном кабинете, обдумывая план очередной операции.

Протез — результат пребывания на русском фронте в 1915 году. Усы «а ля Вильгельм» — остатки упрямого преклонения перед императором. Старик считал Вильгельма великим человеком, а медицину — великой наукой. Как он мечтал, чтобы сын Вилли тоже стал хирургом! Но Вилли выбрал другой путь. Офицерская школа, потом школа военной разведки... В конце концов старик примирился. Что ж, абверовцы — не чёрные могильщики с черепами.

«Могильщиками» он называл выскочек из гестапо и службы СС. Впрочем, эту вольность он позволял себе наедине с сыном. Даже надменные гестаповцы отдавали честь старику со старым железным крестом. Многие важные особы города были обязаны жизнью профессору Герсту.

Как-то, во время отпуска, Вилли Герста навестил старый школьный товарищ, сын мясника Генрих Газе. Он явился к другу в чёрном мундире гестапо. Профессор учтиво поздравил Генриха со «столь почётной и столь соответствующей природным данным молодого человека службой». В глазах отца Вилли уловил ироническую искорку.

— Отец, почему ты решил, что служба в гестапо — призвание Генриха? — спросил Вилли, когда они остались одни.

Старик вытащил изо рта кривую, вычурную трубку.

— Он всегда выглядел кретином, твой Генрих! — невозмутимо проговорил он. — Я ещё в детстве подмечал у него симптомы физической и умственной неполноценности. Для таких людей профессия могильщика или живодёра — лучшее, чего они могут достичь. Сдирая кожу с животных или закапывая людей в землю, такие субъекты начинают верить в свою исключительность...

«Нет, отец не поймёт моего письма! — снова подумал Герст. — Чего доброго, он и меня назовёт могильщиком...»

Гауптман взял листок, щёлкнул зажигалкой и проследил, как огонь сделал бумагу горсткой серого пепла.

— А Генриха надо навестить! — проговорил Герст. — Ведь он рядом, в Новороссийске. Большой чёрный кот, дремавший в кресле, поднял голову и раскрыл янтарные глаза.

— Ты обленился, малыш, — сказал гауптман, любуясь котом. — Ты стал жирным и сонным. Ты перестаёшь быть хищником.

Он потянулся за сигаретами. Взгляд его упал на лежавшие на столе листовки.

«Смерть немецким оккупантам! От Советского информбюро».

Герст раздражённо сдвинул листовки на край стола.

«Это становится нетерпимым: как утро — так новая листовка. Наблюдение ничего не даёт. Подпольщики очень осторожны, а полицейские — пьяницы и лентяи. А что, если...»

Гауптман выкурил одну за другой три сигареты. Он убедился, что найдено верное решение.

Он поднял трубку полевого телефона.

— Курт? Через полчаса у меня должны быть начальник полиции Соколов и этот... редактор газеты. Никак не могу запомнить его фамилию!

Герст поднялся и сделал несколько приседаний. Чёрный кот следил за ним.

Гауптман подошёл к креслу и погладил отливающую бархатом шерсть.

— Ты красив, малыш, — приговаривал он. — Ты очень красив... Но красота сама по себе, малыш, хороша только у произведений искусств. Живые существа, кроме красоты, должны иметь и динамический характер. Иначе они не имеют права на жизнь...

Разговоры с котом для Вилли Герста являлись своеобразной нервной разрядкой. Иногда гауптман ощущал томящее чувство одиночества. Друзей у него не было. Офицеры, с которыми ему приходилось встречаться, старались держаться подальше от абверовца. И Герст изливал родники сентиментальности на кота.

— Так-то, малыш...

Кот вытянул шею, отдаваясь ласке, прищурил глаза, заурчал.

— Вчера ночью меня разбудил шорох. Мыши бродят по комнате, а ты не желаешь просыпаться.

За спиной гауптмана скрипнула дверь.

— Кто там? — не оборачиваясь, недовольно спросил гауптман. — Я не раз предупредил, прежде чем войти, надо стучать!

За спиной молчали. Но Герст чувствовал, что кто-то вошёл в комнату.

— Чёрт возьми! — раздражённо крикнул он, оборачиваясь. И замер.

У дверей, небрежно вскинув пальцы к козырьку чёрной, с серебряным шитьём фуражки, стоял улыбающийся офицер гестапо. Гауптман узнал щуплую, кривоногую фигуру, хитрый длинный нос, злые глазки.

— Генрих Газе?! Чёрт меня побери, если это не Генрих Газе! Как я рад тебя видеть, дружище! — Герст порывисто обнял школьного товарища.

— Ты что, подслушал мои мысли? — воскликнул он. — Несколько минут назад я вспоминал о тебе. И вдруг ты здесь!

Герст сбросил кота с кресла и усадил друга.

— Ну, как ты попал в эту богом забытую Анапу? Или тоже соскучился по старому другу?

— О да, конечно! — улыбаясь, ответил офицер. — Я хотел тебя повидать, Вилли. Ну, и дела... Но дела потом. Надеюсь, ты угостишь меня обедом, Вилли?

— Конечно, дружище! — гауптман взглянул на часы. — Обед будет через час. А пока я прикажу, чтобы подали закуску... Икра, коньяк с лимоном, если ты не возражаешь...

— О! Икра! Кто может возражать против русской икры и французского коньяка?

— Коньяк у меня тоже местный, но, клянусь богом, не уступит французскому. А на обед я угощу тебя кавказским кушаньем... — Герст многозначительно поднял указательный палец. — Шаш-лы-ком! Ты знаешь, что это такое?

— Если он не пахнет партизанами, я буду есть, — засмеялся гость, показывая неровные зубы.

— Это пахнет бараниной и луком, мой Генрих! — с энтузиазмом воскликнул Герст. — У меня среди пленных есть мастер по изготовлению шашлыков.

— Надеюсь, мастер нас не отравит?

— Что ты! — Герст поднял трубку телефона. — Курт? Пошли машину за поваром-азербайджанцем. Он приготовит нам шашлык. А пока пусть Карл принесёт икру, лимоны, коньяк. И виноград чтоб не забыл этот саксонский увалень. Ясно? — Гауптман выслушал ответ и нахмурился. — Что ж, давайте их сюда! — Он положил трубку. — Извини, Генрих, у меня маленькое дело. Ты пока займись коньяком. Рекомендую и виноград. Он здесь чудесен.

В комнату вошёл широкоплечий солдат с подносом в руках. Его огромные, похожие на лопаты руки ловко и быстро принялись сервировать столик около дивана.

Потом явился Виктор Соколов, подтянутый, с бронзовым крестом на груди. А за Соколовым, волоча ноги, плёлся человек с распухшим от пьянства лицом и испуганными глазами.

— По вашему приказанию, герр гауптман, — отрапортовал Соколов.

Герст нетерпеливо махнул рукой.

— Мне сейчас некогда, Соколов, поэтому слушайте, что я буду вам говорить... Вам и редактору.

Человечек вскинул голову и принял позу, удивительно напоминающую собачью. Казалось, что он вот-вот завилает хвостом и лизнёт руку хозяина.

Гауптман недовольно покосился на него и спросил Соколова:

— Советские агенты, выпускающие листовки, не обнаружены?

— Пока нет, господин гауптман. Но приняты меры. Усилено наблюдение. Выставляются секретные посты. Дано задание агентуре.

— Пока ваши посты и агентура что-нибудь обнаружат, агенты Советов прицепят свои гнусные листовки нам на спину, господин начальник полиции. — Герст бросил взгляд на гестаповца. Хотя Газе был его другом, но, увы, гестапо охотно подставляет ножку абверу.

Генрих потягивал коньяк.

— Мы проведём операцию «ловля на живца», — сказал Герст. — Вы знаете, что такое ловить рыбу на живца?

Человечек беспокойно хлопал глазами. Соколов ответил:

— Так точно, господин гауптман. Ловить на живца — это когда наживкой служит мелкая рыбёшка.

Герст кивнул.

— Мы используем этот рыбацкий приём. Ваша газета всё ещё печатается на одной стороне бумажного листа? — обратился он к человеку.

— Так точно, господин гауптман. — Редактор заикался от волнения. — Не хватает материала, герр гауптман... Ведь я один...

— Понятно! — Герст нетерпеливо махнул рукой. — С завтрашнего дня в каждом номере вы будете комментировать сводки, передаваемые Советским информбюро. Каждый вечер вы будете заходить сюда. Я или мой заместитель обер-лейтенант Раус будем давать вам комментарии к очередной русской военной сводке. Сто экземпляров газеты вы будете передавать Соколову. Ваша задача, Соколов, с помощью агентуры за ночь организовать на обратной стороне газетного листа переписку от руки очередной советской сводки. Сводку буду давать я. Пятьдесят — сто таких газет... Понятно?

— Понятно, герр гауптман. — Соколов усмехнулся. — Эту «советскую» сводку будете составлять вы.

— Ничего подобного. Текст сводки будет подлинным, тот самый, который печатается и в этих проклятых листовках...

— Тогда я ничего не понимаю, герр гауптман, — сказал Соколов.

— Советские сводки и без нас доходят до населения. Своими комментариями мы будем нейтрализовывать их действие. Всё, что происходит на фронтах, совершается в соот-

ветствии с планами нашего командования. А газеты с переписанными от руки советскими сводками ваши агенты, Соколов, будут тайком передавать тем, кого можно подозревать в участии в большевистском подполье. Передавать, намекая при этом, что существует советская подпольная организация, принимающая сводки Совинформбюро по радио, переписывающая их и распространяющая среди населения. Я уверен, что пройдёт немного времени, и настоящие подпольщики клюнут на живца. Они будут пытаться установить связь с нашей вымышленной группой. Так они сами откроют нам путь в подполье...

— Это поистине великолепный план, герр гауптман! — воскликнул Соколов. — И человек есть у меня подходящий — некий Пухов. Он организует нашу подпольную группу.

— Колоссально! — прохрипел редактор.

Гауптман бросил беглый взгляд на друга.

Газе, улыбаясь, по-прежнему ел ложечкой икру.

— Можете идти, господа, — сказал гауптман Герст. — Я не стану вам напоминать, Соколов, что к этому делу должны быть привлечены самые надёжные и самые умные из ваших агентов.

— Понимаю, герр гауптман, — кивнул Соколов.

Когда Герст и Газе остались вдвоём, гауптман подошёл к столику, налил себе в стопку коньяка и, любуясь золотистым напитком, спросил:

— Ну, что ты об этом думаешь, Генрих?

— Слишком усложнено. — Газе высасывал из виноградин сок, а косточки и кожуру выплёвывал на поднос. — У вас в абвере любят сложные пути к цели. Мы в гестапо действуем проще и результативнее.

— Как именно?

— В Новороссийске тоже появляются листовки. Мы проводим фильтрацию: каждую ночь забираем и ликвидируем подозрительных лиц одного из районов города.

— Листовки исчезли?

— Пока нет. Но я уверен, исчезнут. Кстати, я командирован в Анапу, чтобы в случае надобности помочь тебе.

— О делах — после обеда, Генрих?

— Но ты сам, Вилли, заговорил о делах, спросив, что я об этом думаю.

Газе налил коньяку.

Герст закинул голову и захохотал.

— Ты меня насмешил, Генрих! Ведь я спросил, что ты думаешь о коньяке, икре и винограде.

Теперь расхохотался и Газе. Они смеялись, бросая исподтишка друг на друга острые взгляды.

Дежурный по телефону доложил, что шашлык готов.

Герст приказал подавать.

ЗАДАНИЯ ПАРТИЗАН

Катя Соловьянова приоткрыла дверь.

— Можно к тебе, Анка?

Усталый голос ответил:

— Входи, Катюша.

Аня лежала на кровати. В комнате было душно и мрачно от закрытых окон и задвинутых занавесок. На столе грязная посуда.

— Ты что, заболела, Аннушка? — Катя раздвинула занавеску, распахнула окно.

— Я здорова... Просто жить не хочется, Катюша.

Катя всплеснула руками.

— Да что ты болтаешь, Анка! А Толик? А маленький, который у тебя родится?

— Толик... Может, и нет уже моего Толика, может, голову сложил... Не могу я больше так, Катюша! Не могу! И не хочу! Вчера опять Витька у меня был, рассказывал, как расстреливали трёх женщин из Благовещенки. За то, что мужа у них советские офицеры. Выдал их какой-то Дорошенко, выдал, чтобы барахлишком их пожить. И ещё рассказал, какой бой был возле Варваровки у немцев с советскими моряками-десантниками. Немцев немало полегло. А ведь у наших моряков, да и у немцев, матери, жёны, любимые... Не могу я так жить!

— Подожди, Анка! — Катя села рядом с подругой, обняла её худенькие плечи. — Ты подумай, кто виноват в том, что льётся кровь на нашей земле? Мы? Я? — Катя вскочила и захлопнула окно. — Мы не виноваты. Фашистские бандиты убивают, грабят, жгут на нашей земле. Разве можно покориться зверям, которые не щадят им женщин, ни детей. Они мечтают видеть нас покорёнными или такими, как Витька Соколов.

— Витька сказал мне: «Может, это ты и Катя-пролетарочка меня партизанам продаёте? Что ни расскажу вам — сразу им становится известным».

— А ты ему что?

— Не рассказывай, говорю, ничего о своих делах, если подозреваешь нас. А он признался: «Не могу не рассказывать. Страшно мне. Чужая кровь — она душу жжёт, как огонь. А как расскажу я тебе, вроде легчает мне».

— Ты ела что-нибудь? — спросила Катя.

— Нет, — призналась Аня. — Не хочется мне есть... Ничего не хочется. Вот так бы лежала с закрытыми глазами и ждала, когда смерть придёт.

— Опять глупости говоришь, — прикрикнула Катя. — У тебя есть какая-нибудь еда? Есть! И рыба есть, и мука. Я сейчас рыбную похлёбку сварю и лепёшек нажарю.

Катя выбежала в сени, схватила ведро и побежала в дальний угол двора к колодцу. Разожгла летнюю печурку, поставила чугунок.

Она хлопотала, а в мыслях было другое. Накануне Катя встретила на базаре с Розой Дегтярёвой. Худенькая, в штопаном платьишке, непричёсанная... Вроде бы девчушка-неряха. Она продавала несколько вязок сушёных яблок и жерделей. Катя проводила Розу до виноградников. По дороге партизанская связная передала просьбу командира — по возможности ускорить операцию в порту.

— Командир велел сообщить тебе, что, по полученным сведениям, фашисты решили создать в Анапе тыловую базу снабжения войск, действующих против наших, укрепившихся на Мысхако, — деловито хмуря рыжеватые бровки, говорила Роза. — Командир сказал, что этого никак нельзя допустить. Но он велел понапрасну не рисковать. Если у вас ничего не получится, он направит в город партизанскую опергруппу, хотя сейчас это сделать очень трудно: отряд блокирован фашистами в плавнях. Меня немцы не трогают потому, что считают внучкой маячного сторожа деда Степана...

Катя передала через Розу сообщения о том, что фашисты оборудуют в Анапе лагерь военнопленных. Отобранное у населения зерно собирают в помещениях военных казарм. Зерно гитлеровцы думают вывозить морем.

...Катя долго смотрела вслед Розе. С каким бы удовольствием пошла она вместе с нею. Но надо было возвращаться в Анапу и продолжать смертельно опасную игру...

Бурлил вкусно пахнущий рыбный суп в чугунке, на противне доспевали жёлтые кукурузные лепёшки.

«Значит, Соколов подозревает и меня, и Анку, — думала Катя. — Придётся попросить командира отряда временно прекратить использование полученных от Соколова сведений о боевых операциях партизан. А вот дело с портом следует ускорить. Во что бы то ни стало!»

Катя переставила чугунок и противень на хлипкий столик и крикнула:

— Анка! Иди обедать!

ПОДГОТОВКА

«Смерть немецким оккупантам!» — выстукивали на машинке ловкие пальцы Клавдии Торсиной. — «От Советского Информбюро...»

Катя Соловьянова нервно покусывала губы. Славка Бондаренко, примостившись на ящике возле рации, бросал на девушку сочувствующие взгляды. Тимофей Запашный широкими шагами мерил комнатку по диагонали. Его большая тень металась по серой стене и то гасила, то зажигала мельчайшие блёстки сырости.

— Не мотайся, Тимоша, мешаешь, — тихо попросила Клава.

— Хорошо, Клавочка, не буду, — Тимофей послушно присел в углу на топчан. — Где же они, Катя? Владик Каширин не подведёт?

— Не подведёт! — ответила Катя и взглянула на часы. — Он придёт с Азой через час.

— А это инструменты для нашей музыки? — Тимофей кивком указал на истёртый рюкзак Кати, лежавший на ящике.

— Да! Несла мешок и всё думала: вот сейчас ахнет — и поминай как звали. Вдруг бабахнут сами по себе!

— Откуда их Владик выкопал? — спросил Тимофей.

— Именно выкопал! Повёл нас с Азой к дороге на Раевскую и там выкопал из земли три железные кастрюльки. Говорит, сам их с моряками ставил... Смелый парень! Вытащил из них взрыватели и положил мины ко мне в «сидор».

— Ну, если взрыватели вытащены, мины не взорвутся.

— Он это сказал, да я всё равно трусила. Это же не шутка — смерть в мешке за плечами носить... — Катя вздохнула. — С Герстом точно установлено?

— Как часы! — подтвердил Славик. — Немецкая аккуратность. Мы с Тимошей три ночи дежурили в кустах возле детсадика. И каждый вечер, ровно в десять, он выезжает в Анапскую на своей машине. Из-за этого дежурства мы с Тимошей спим на ходу. — Славка потянулся.

— Мы с Азой тоже несколько ночей не спали, пока установили, когда часовые у склада боеприпасов меняются, и через сколько минут они к камням подходят, — сказала Катя.

— Маловато нас, Катюша. — Тимофей посмотрел на Катю. — А кругом столько ребят, готовых фашистам в глотку вгрызаться. Есть в порту у нас Фёдор, бывший моторист с фелюги. Появился недавно дядя Коля, машинист мотопомпы. Седой, молчаливый, слова не вытянешь. Только глаза его говорят, как фашистов ненавидит. Или наши ребята — Петька Звягинцев, Толька Иванов.

— Трепло этот Толька! — возразил Славка.

— Так это он, когда в школу ходил, дурака валял. Я за него могу поручиться. — Тимофей помолчал и закончил: — Надо нам в «Рассвет» побольше людей привлечь. Тогда и сил у нас прибавится.

Славка поднялся с ящика. Обычно он провожал Торсину.

— Нет, Слава. Сегодня Клаву проводит Тимофей.

Она заметила, как вспыхнули щёки Торсиной, как застенчиво улыбнулся Тимофей.

— Ты, Славик, нужен здесь.

Клава торопливо вышла из каморки. Тимофей последовал за нею.

— Тимоша, проверь сигнализацию! — сказала Катя.

— Есть проверить сигнализацию! — из-за двери ответил Тимофей.

Слава покачал головой:

— Кажется, у них любовь.

— Я рада. Это хорошо, когда любовь.

— Хорошо? — Слава посмотрел на Катю. — Знаешь... Я давно хотел сказать тебе, Катюша... — Он шагнул к креслу и провёл ладонью по волосам девушки. — Я хочу тебе сказать...

Катя взяла его руку и прижала к щеке.

— Не надо, Слава. Пожалуйста. Пока не надо, — прошептала она.

— Но почему, Катюша? Ты же сама говоришь, что хорошо, когда любовь!

— Ты хороший, Слава... Я всё понимаю. — Катя сдвинула брови. — Но сейчас я не способна ни на какие чувства, кроме ненависти...

За дверями, у входа в подвал, сработала сигнализация — отрывисто звякнули консервные банки.

Славик шагнул к двери.

— «Рассвет уже близок», — донёсся из коридорчика приглушённый голос Азы.

— «Она у порога, свобода родимой земли!» — отозвался Слава.

Аза вошла в каморку, стремительная, яркоглазая. За нею, споткнувшись о порог, шагнул Владик Каширин. Поверх рубашки на нём был пиджак, большой и широкий. Он огляделся, и его глаза загорелись.

— Вот это да! — сказал он и шагнул к рации. — Радиостанция? Немецкая? А как она работает?

Слава стал объяснять мальчишке устройство рации.

— Дмитрий вернулся? — спросила Катя.

Две ночи назад Дмитрий, захватив рацию, поплыл на лодке к партизанам. Он должен был сообщить им о том, что неподалёку от Анапы, в районе Бимлюка, фашисты устроили дом отдыха для отличившихся на фронте офицеров.

— Не вернулся, — ответила Аза.

Катя взглянула на часы.

— Пора! — голос её дрогнул. — Ну как, минёр, всё будет в порядке?

— Спрашиваешь! — вскинул голову Владик. — Морской порядок! Склад подорвём пороховой дорожкой... Вот я у зенитчиков сколько пороха подзаял! — он распахнул пиджак. Худое тело опоясывали похожие на колбасы мешочки с порохом.

— А может, лучше заложить под ящики мину, подвязать верёвку и дёрнуть? — предложил Слава. — Вернее будет.

— Конечно, вернее! — усмехнулся Владик. — Вернее, если ты хочешь и сам подорваться с фрицами. Так грохнет, что в Витязево слышно будет. Нет, с фитилём и пороховой дорожкой вернее и безопаснее.

— Тебе виднее, — согласилась Катя. — Пошли, ребята!

Славка осторожно взял тяжёлый рюкзак.

Аза прикрутила фитиль и дунула на лампу.
В темноте загудел Славкин фонарик. Узкий луч света скользнул по шершавым стенам коридора...

МЕСТЬ ЗА ПОГИБШИХ

— Дальше нельзя! — шёпотом предупредил Слава. — Запретная зона.

Он осторожно выглянул из-за каменного заборчика, окружавшего разрушенный дом. Когда-то в этом уютном домике жила семья агронома. В начале войны он ушёл на фронт. В одну из бомбёжек фашистская бомба угодила в домик. Жена агронома и трое его ребят погибли. Теперь здесь высились почерневшие руины, по земле стлались сорванные с опор засохшие побеги виноградных лоз.

— Всё в порядке. Герст, как обычно, уехал, — сказал Слава.

— Почему ты так решил? — спросила Катя.

— Машины нет. Когда Герст у себя, возле ворот стоит его чёрный БМВ...

Несколько минут все смотрели через улицу, на контуры одноэтажного здания. Оно выглядело мирно спящим, как и окружающие его домики.

Но вот раздался короткий металлический лязг. Возле ворот вспыхнул огонёк зажигалки, на мгновение осветивший лицо немецкого солдата, автомат и часть проволочных ограждений.

Этот просторный дом был построен незадолго до войны для анапских ребяташек. Тогда весь двор утопал в цветах. Под деревьями высились аккуратные беседки, обвитые виноградом, и смешные фанерные навесы-грибы, раскрашенные под красно-белые мухоморы. С утра до вечера звучали здесь детские голоса, звенел смех.

А сейчас люди старались держаться подальше от дома, где творили свои чёрные дела абверовские палачи.

— Пора! — чуть слышно проговорила Катя, обняв Владика за плечи. — Действуй!

Вдруг откуда-то из недр чёрного дома донесся крик, полный боли и страдания. Этот крик полоснул по сердцам прячущихся за каменной стеной. Катя вздрогнула и почувствовала, как передёрнулись под её рукой угловатые мальчишеские плечи.

— Мучают кого-то фашистские гады! — прошептал Владик. — Эх, морских бы пехотинцев сюда! Они бы устроили фашистам морской порядок!

— Пора, Владик! — повторила Катя.

— Где ставить? — отрывисто спросил Каширин.

— Дорога здесь одна, мимо развалин, — ответил Слава. — С другой стороны улица перегорожена колючей проволокой.

С минуту Владик молчал. Он стоял, чуть наклонив голову, раздумывая. Потом решительно шагнул вперёд.

— Вот здесь надо выкопать ямку, — сказал он, указывая на пыльную колею. — Небольшую, чтобы мину уложить. Другую, с той стороны, я сам выкопаю. Ножик есть?

— Есть! — ответил Слава, роясь в карманах.

— Копайте, а мы с Азой покараулим, — сказала Катя. — Аза! Отойди шагов на двадцать. Если увидишь кого-нибудь, дай знать.

Катя следила за тёмным, зловещим домом, иногда бросая взгляды на дорогу, где возились две фигуры.

«Успеть бы! Поздно уже, скоро Герст должен возвращаться...»

Она поднесла к глазам руку с часами, но ничего не могла разглядеть.

— Готово! Пошли на пристань, — вдруг сказал за её спиной Владик.

— Пошли! — Катя облегчённо вздохнула. — А если машина не заденет мину?

— Не беспокойся. Я проволочку протянул. Где бы они ни ехали, мины всё равно трахнут!

— «Рассвет!» — тихо, точно порыв ветра, донеслось из-за кустов, и Аза подхватила Катю под руку. — Всё в порядке? — шёпотом спросила она.

Слава вёл их одному ему известными тропами через заросли бурьяна и колючих кустарников, мимо тёмных молчаливых домиков, через дворы и виноградники. Когда нужно было переходить улицу, они останавливались, вслушивались в темноту.

Там, где тропинка спускалась к морю, Слава предупредил:

— Осторожно, проволока! — Он пошарил возле вкопанного в землю кола и приподнял проволоку. — Лезьте!

Дальше дорога девушкам была хорошо знакома. Недаром они потратили несколько ночей на разведку.

Осторожно добравшись до развалин дзота, присели на камни, ещё хранящие дневное тепло.

— Вот будет фейерверк! — прошептал Слава, вытирая вспотевшее лицо рукавом.

Жёсткая ладонь Кати легла на его губы. Рядом послышались тяжёлые, неторопливые шаги. Из-за каменных обломков появилась фигура часового. Солдат остановился возле штабеля ящиков, покопался в кармане, поднёс руку к губам. Чуть слышные звуки гармошки вплелись в шум моря.

«Ах, майн либер Августин!» — пропела гармошка.

Владик Каширин приподнялся и чуть слышно прошептал на ухо Кате:

— А фриц-то, видать, тот самый!

Катя думала о том, что всё пока идёт, как надо. Они с Азой установили, что часов до десяти часовые у склада боеприпасов строго выполняли инструкцию. Два парных дозора с автоматами наизготовку безостановочно обходили склад боеприпасов — один со стороны моря и набережной, другой — от пристани до ворот, к колючей проволоке. Но после десяти, когда проверка была уже маловероятной, у штабелей оставались только двое. Остальные из караульного наряда шли спать в домик весовщика.

Часовой неторопливо прошёл мимо и повернул за штабеля.

Катя вплотную придвинулась к Владiku:

— Назад он пойдёт через три-четыре минуты. За это время надо добраться до ящиков и установить мину.

— Ясно.

Кате хотелось знать, не боится ли мальчик, но в темноте увидеть его лицо было невозможно. Голос Владика звучал ровно.

— Что в ящиках? — спросил он.

— Снаряды, мины.

Владик неторопливо вытащил из рюкзака оставшуюся мину.

— Мешок-то свой заberi. — Он сунул рюкзак в руки Кати. — Незачем здесь оставлять улику.

— Владька! Давай я пойду к штабелям! — зашептал Слава. — Всё сделаю, как надо!

— Ну да! Что ты понимаешь в минировании?

Донеслись ленивые звуки губной гармошки.

— Чёртов фашист! Он, видать, одну песню знает, — сказал Владик.

«Крепкий паренёк!» — подумала Катя.

Владик возился с чем-то между камней.

Часовой прошёл мимо развалин шагом человека, делающего надоевшее дело.

Не успел он дойти до поворота, как Владик выскользнул из развалин и пополз к отброшенной взрывом крупной глыбе.

— Владька! Куда? — отчаянным шёпотом окликнула Катя.
Мальчишка полз навстречу возвращающемуся часовому.
Славка выдохнул воздух и рванул из кармана пистолет.
Но расчёт Владика оказался точным. Когда часовой был рядом, он юркнул за взорванную стену.

Ритмично топая тяжёлыми сапогами, солдат прошёл мимо развалин и скрылся за штабелем.

Владик вынырнул из-за глыбы и пополз. Он двигался медленно.

— Чего он копается! — не выдержала Аза.

— Не видишь? — Слава показал рукой. — Дорожку пороховую прокладывает...

Владик проскользнул через протоптанную часовым тропку и скрылся за ящиками.

Аза стиснула Катино плечо.

Послышались шаги часового. Всё громче скрежетал гравий под его ногами.

— А если он заметит порох? — голос Азы подрагивал от волнения.

— Не заметит! — выдохнул Слава. — На тропке порохового фитиля нет.

Солдат показался у развалин, дошёл до склада и повернул обратно. Он ещё не дошёл до поворота, когда из-за ящиков вынырнула тёмная фигура. На мгновение задержавшись около тропинки, Владик шмыгнул в развалины.

— Спички есть? Давай! — с трудом переводя дыхание, сказал он Славе.

— Фитиль подожжёт Слава! — твёрдо сказала Катя.

— А я? — с обидой спросил Владик.

— Отставить разговоры! Ты ждёшь Славу в кустах, за проволочным ограждением. Идёшь к нему ночевать. Ясно?

— Ясно, — недовольно ответил Владик и скрылся за бетонными глыбами.

— Ну, Славик...

Катя обхватила голову Славы и поцеловала его в дрогнувшие губы.

— Пошли, Аза! — позвала она подругу.

Они побежали намеченным путём — по узкой прибрежной полоске песка под нависшим береговым обрывом. За бойницей заброшенного дзота девушки поднялись на набережную. Рядом был заросший кустарником глубокий ров, когда-то огораживавший турецкие укрепления.

— Подожди, Катя, давай посмотрим... — сказала Аза, хватая подругу за руку.

— Нет! Надо бежать... — Катя вздохнула. — Ладно, давай. В крайнем случае переночуем в развалинах, в нашей каморке.

Притаившись в кустах, девушки вглядывались в темноту, и им казалось, что стук их сердец может услышать каждый.

Во мраке глухо шумело море. Белёдые, светящиеся гребешки волн накатывались на берег и гасли...

— Там что-то случилось! Что-то произошло со Славиком! — в голосе Кати звучало отчаяние.

— Смотри! — негромко вскрикнула Аза.

В темноте возле пристани скользнула извилистая огненная змейка. И тотчас ослепительный огненный конус метнулся в тёмное небо. На мгновение мелькнули разваливающиеся стены складов и домика весовщика, летящие вверх каменные глыбы. Тугая воздушная волна швырнула девушек в старый крепостной ров, оглушила неистовым грохотом...

Они лежали в сухом бурьяне оглохшие, почти потерявшие сознание.

Первой опомнилась Катя. Она села, потёрла ладошкой голову. Потом приподнялась Аза.

— Всё, Катенька! Вот и получили фашисты то, что им причитается! — крикнула она.

От склада донеслось ещё несколько взрывов послабее. Зарево не гасло. Багровое, злое, оно прорезало ночное небо.

— Пошли, Аза! — Катя поднялась и пошатнулась. Кружилась голова...

По тропе, проложенной в кустах тёрна и бурьяна, они добрались до старых крепостных ворот — остатков турецкой крепости.

Катя выглянула из-за древней каменной стены... В глаза ей ударили снопы голубоватого света. Она упала на землю и потянула за собой Азу.

Мимо на бешеной скорости мчались к порту мотоциклы. На них виднелись тёмные силуэты в тускло поблёскивающих касках. Эта железная лавина уже не напоминала отрегулированную смертоносную машину. Мотоциклы виляли из стороны в сторону, метались снопы от фар, солдаты встревоженно крутили головами, тёмные стволы пулемётов ощупывали улицы. За мотоциклами промчалось несколько военных грузовиков с солдатами...

«Как ошпаренные тараканы запрыгали!» — подумала Катя.

Когда подруги подходили к школе, Аза сказала:

— А второго взрыва не было слышно. Видно, не получилось.

— Ничего! И одного хватит!

Катя провела Азу через потайной лаз, сделанный в штaketном заборчике. Девушки слышали, как встревоженно галдели солдаты возле школы.

Взяв подругу за руку, Катя нащупала дверь комнаты и открыла её.

За столом, освещённым светильником-каганцом, пригорюнившись, сидела мать. Она всплеснула руками и бросилась к дверям.

— Где же это вы в такую ночь бродите, непутёвые? Жить вам надоело!

Катя зачерпнула ковшиком из ведра воды.

— А чем эта ночь особенная, мама? — Она с жадностью припала к ковшику.

— Как чем?! Сначала здесь, на Высоком берегу, так трахнуло, что стёкла зазвенели, потом у пристани. Земля ходуном пошла! Бомбят, видать, наши немцев-то!

Катя зачерпнула воды, подала Азе. И вдруг её взгляд встретился со взглядом матери.

— Царица небесная! — перекрестилась мать. — Неужели это вы?!

Аза неторопливо поставила ковшик, вытерла рот рукой и сказала:

— Враг-то сильный! Всею Европой двинул на нас. И воевать нужно всем народом...

Катя дёрнула подругу за кофточку.

— Что вы, мама, — возразила она. — Выдумаете не знаю что!

— Та-ак, значит. — Мать смахнула маленькой, иссохшей рукой слезу с глаз. — Только не девичье это дело.

Она повернулась к столу, зазвенела тарелками.

— Покушайте, ластоньки мои! Вот тут мамалыги я наварила. Арбуз сосед принёс...

— Будешь есть, Аза? — спросила Катя. — Мне что-то не хочется...

— Я спать хочу, Катюша.

Девушки разделись, легли на узкую Катину кровать. И сразу уснули.

Они не видели, как мать, подняв каганец, при его трепетном свете долго всматривалась в их лица — молодые, успокоенные сном. Всматривалась и что-то шептала — не то молитву, не то материнские благословения.

ТРЕВОЖНЫЙ ДЕНЬ

Проснулись они от громкого стука в дверь. Катя открыла глаза и вздрогнула: в дверях стоял хмурый немолодой человек с винтовкой за плечами и повязкой полицаю на рукаве.

«Вот и всё! Конец!» — мелькнула мысль. Проснувшаяся Аза натягивала на грудь простыню. Полицай достал из пиджака смятую бумажку.

— Кто здесь Соловьянова Катерина? — спросил он.

Из кухоньки выбежала мать.

— Что тебе? — напустилась она на полицаю. — Чего спозаранок девчат пугаешь? Выйди! Оденутся — тогда зайдёшь!

— Я Соловьянова! — решительно сказала Катя.

— А это что за краля? — полицай ткнул пальцем в Азу.

— Подруга.

— Откуда она, эта самая подруга? Анапская?

— Анапская! На том краю живу, возле Алексеевки, — ответила Аза.

— Так! — полицай зашелестел бумагами. — Сейчас же собирайтесь и топайте в военную казарму. По приказу германского коменданта вы мобилизуетесь на переборку зерна. Знаете казарму, где артиллеристы советские стояли?

Катя вдруг ощутила мгновенную расслабляющую вялость.

«Значит, не арестовывать меня пришли! Значит, ничего не узнали».

Она сказала:

— Хорошо! Выйдите, мы оденемся.

— А может, я хочу, чтобы эта краля при мне одевалась! — усмехнулся полицай, кивнув на Азу.

— Иди вон, охальник! — мать Кати налетела на полицаю, но тот оттолкнул её к столу.

— Подумаешь, цацы! А ну, одевайтесь! Быстро! Чтоб через час были в казармах! Лично проверю!

Повернувшись, он вышел из комнаты.

— Собака нечистая! — выругалась ему вслед мать, закрывая дверь.

Аза вскочила, натянула старенькое платье.

— Что ж, Катюша, собирайся! Очень просят нас господа оккупанты. Говорят, что никак без нас обойтись не могут.

— Поможем, чтоб им издохнуть поскорее! — рассмеялась Катя. Мать засуетилась около стола.

— Покушайте быстренько и бегите. При вашем деле надо покорность этим иродам выказывать.

У ворот казарм, высящихся на окраине города, их встретил знакомый полицай. Он стоял рядом с часовым и кричал на входящих:

— Пошевеливайтесь! Господин германский комендант не станет с вами цацкаться!

Полицай хмурил брови, морщил лоб, но глаза его светились удовольствием. Он упивался своей властью над толпой безответных женщин.

— А, пришли... — увидел он девушек. — И хорошо сделали, что поторопились. Иначе узнали бы, как нарушать приказ господина коменданта!

Аза молча прошла с Катей во двор.

Здесь уже работало не менее сотни женщин. Под надзором полицаев и немецких солдат одни выносили из помещения ящики-носилки влажного зерна и рассыпали его на расстеленные по двору брезентовые полотнища. Другие перелопачивали зерно, насыпали его деревянными лопатами и вёдрами на носилки.

Пожилой немецкий солдат окинул Катю и Азу внимательным взглядом, сунул им два

старых ведра и сделал знак идти за собой. Он отвёл девушек на второй этаж, просторные комнаты которого по самые оконные проёмы были засыпаны пшеницей. В воздухе стоял душный запах прели.

— Вот гады фашистские, сколько хлеба перепортили! — сказала Аза.

— Тише ты! — одёрнула её Катя, указав на сутулую спину идущего впереди немца.

— Да он, этот сверхчеловечек, ни черта по-русски не понимает.

На втором этаже тоже работали женщины. Вёдрами они подносили зерно к одному из выходящих во двор окон и высыпали в грубо сколоченный жёлоб. По жёлобу зерно сыпалось на разостланный на земле брезент.

— Арбайтен! — проговорил солдат, не вытаскивая из зубов трубки.

Озорные огоньки метнулись в тёмных глазах Азы. Она приветливо улыбнулась немцу и голосом послушной девочки проговорила:

— Чтоб ты сдох, жаба зелёная!

Кате показалось, что в глазах немца блеснули искорки смеха.

— Арбайтен! — повторил немец и выпустил из трубки клуб дыма. Он отвернулся и усталым шагом стал спускаться по лестнице.

— Надрывать не будем! — сказала рослая широколицая девушка. — Абы зерно вниз текло. Сыпь помаленьку.

Она не торопясь опрокинула ведро в жёлоб и, отвернувшись от окна, обратилась к худенькой девушке:

— А ты, Зойка, сядь и отдохай! Расскажи лучше, что там, возле вас, случилось?

— Ой, девочки, что было! — слабым голосом заговорила Зоя. Глаза её вспыхнули. — Не спалось мне, душно было в хате. Вот я и вышла в виноградник. А тут как грохнуло! Стёкла в хате повывлетали. И забор обвалился! Я перепугалась и на землю упала. А потом к заборчику подобралась. Гляжу, сбоку дороги лежит перевернутая машина и огнём полыхает! Та самая, чёрная, в которой главный фашист разъезжает. А вокруг солдаты, тушить пытаются. Да разве потушишь, если бензин? Солдат-постоялец, который у нас, утром рассказал, что машину партизаны взорвали. А с нею офицера и трёх солдат. Сгорели они в машине.

— Так, говоришь, главного фрица партизаны укокошили? — не выдержала Аза.

— Нет, — покачала головой Зоя. — Главный этот, тонкогубый, с усиками, живой. Его в машине не было. А вот от подручного его, рыжего, длиннорукого, который, говорят, арестованных душил, от него и косточек не осталось...

— Молодцы партизаны! — широколицая девушка кивнула головой и рывком опрокинула ведро зерна в жёлоб. — Было бы у меня оружие, я бы тоже с гадами посчиталась! Попомнили бы Ленку Морозову!

— Девчонка вроде бы подходящая! — прошептала на ухо Кате Аза. — Боевая, видать, девчонка!

Катя зачерпнула ведром зерно.

— Надо присмотреться к ней получше.

— А в порту что было! — возбуждённо сказала Лена Морозова. — Всю ночь грохотало! Все склады в воздух взлетели, катер военный об камни так стукнулся, что к рыбам на дно пошёл. Я когда утром шла сюда, в порту ещё горело. И машины раненых и убитых вывозили.

— Молодцы партизаны! — воскликнула Зоя. На её впалых щеках вспыхнули пятна румянца. — Была бы я здоровой, ушла бы к партизанам.

— Много болтаешь, дохлая кошка! — раздался с лестницы грубый голос. — Языком только работаешь! А ну, встать!

Всё тот же полицаи шагнул к девушке, ткнул её тяжёлым сапогом.

— Встать! Я тебя отучу трепаться! Бери ведро и бегом! Станешь саботировать — искалечу, как бог черепаху!

Полицай плюхнулся в зерно и принялся сворачивать самокрутку.

Зоя отнесла несколько вёдер к жёлобу. Вдруг она остановилась, закашлялась. Ведро выпало из рук. Девушка сжалась в комочек.

— Эт-то что? Симуляция? — Полицай медленно поднимался на ноги.

— Не трожь её! — сказала Лена. — Она ж больная, туберкулёз у неё.

— А вот я её сейчас подлечу!

Полицай шагнул к девушке, корчащейся в припадке сухого кашля.

Лена вышла вперёд.

— Оставьте её! По-хорошему просим!

— А ты чего лезешь не в своё дело? — в бешенстве заревел полицай. Коротким ударом он сбил Лену с ног. Я вам покажу, как саботаж устраивать!

Он снова размахнулся. Катя перехватила его руку.

— Ты человек или зверь! — выкрикнула она. — Как тебе не совестно истязать больного!

Выругавшись, полицай взмахнул кулаком. Катя стояла перед ним побледневшая, с горящими глазами. Резкий окрик заставил всех вздрогнуть.

— Штильштеген! Стоять!

Полицай медленно опустил руку. На лестнице стоял немецкий солдат, сутулый, в мешковато сидящем мундире, с трубкой в руке.

— Что здесь происходит? — спросил он по-русски.

— Эта сволочь-полицай ударил девушку!

— Он издевается над больной! Над туберкулёзной! — закричали девушки.

Лена медленно поднялась с пола. Из носа у неё текла кровь.

— Ты есть швайн, грязный свинья! — крикнул солдат полицаяу.

Солдат отвернулся от огорошенного этими словами полицая и окинул девушек внимательным взглядом:

— Кто из вас есть больной?

— Я, — с трудом проговорила Зоя, показывая косынку, на которой рдели яркие пятна. — Туберкулёз у меня... А он заставил бегать с ведром.

— Зверь! — Солдат повернулся к полицаяу: — Пошёл вон! Чтоб я тебя больше не видель на склад!

— А я вам не подчиняюсь, господин солдат! У меня своё начальство. И герр комендант меня знает, ценит. Я ведь тоже могу доложить, как вы меня оскорбили за мою старательность. А этих поддержали. За это не похвалят! — полицай нагло смотрел на солдата.

Немец с интересом, чуть склонив голову, слушал его, невозмутимо попыхивая трубкой.

— Ты ещё больший дурак, чем я думал! — сказал он. — Иди докладывай на свой голова! Я тоже доложу герр коменданту, что ты хотел заразить немецкий народ страшной болезнью, дер туберкулёз. Для этой цель ты посылал сюда больной девушка. — Солдат качал головой. — Тебя будут вешать.

— Что вы, господин солдат! — растерялся полицай. — Как вы могли подумать только! Я, как преданный слуга великого рейха...

— Преданный слуга великий рейх не стал бы приводить сюда больной девочка, который работать не может, но может распространять болезнь! — произнёс солдат и пустил в лицо полицаяу клуб дыма.

— Виноват, господин солдат. — Теперь полицай стоял, вытянувшись в струнку.

— Если ты понимал, что есть виноват, — это хорошо, — кивнул головой немец. — Пока я не спросил твой фамилий, можешь уйти. Но уходи скорее, шнель! Если я буду спрашивать твой фамилий, то буду подавать рапорт.

Сапоги полицая дробью протопали по лестнице.

Брезгливая гримаса пробежала по лицу солдата. Он повернулся к Зое.

— Ты пойдёшь домой, — сказал он. — Тебе нельзя работать.

— Спасибо! — прошептала Зоя и взяла кошёлку.

— Вартен! Подождать! — вдруг сказал солдат. — Я сейчас буду говорить с твоей подругой и ничего не видеть. Ты сделай так, чтобы твой сумка не оставался пустой. Тебе надо кушать, хорошо кушать... Я буду провожать тебя за ворота, никто не посмотрит твой сумка...

Солдат подошёл к Азе и Кате.

— Ты есть очень смелый девушка! — сказал он Кате. — Повернулся к Азе и подмигнул ей: — А ты есть очень красивый, но не очень умный девушка. Ты думал, что каждый немец есть унтерман, сверхчеловек, СС. Но Маркс — немец! И Гёте — немец. Фашизм — одно, германский народ — другое...

— Простите, — прошептала Аза и, оглянувшись, чуть слышно спросила: — Вы коммунист?

Белёные брови солдата взметнулись, в глазах снова блеснули огоньки.

— Найн! Я рабочий, металлист. В прошлый войну был у вас в плену, в Сибирь. Он подошёл к Зое и взял из её рук сумку, в которую девушки успели насыпать пшеницы. Зоя растерянно смотрела на него.

— Ком! Идём!

Столпившись у окна, девушки видели, как немец провёл Зою мимо часового и, попыхая трубкой, вернулся во двор.

— Немцы — они тоже разные, — задумчиво проговорила Лена Морозова.

— Арбайтен! Шнель! — покрикивал во дворе солдат с трубкой.

Работу закончили в пять. Немец с трубкой стоял в воротах, строгий и замкнутый, бдительно осматривая сумки и мешочки, в которых девушки приносили себе обед...

Распровавшись с Азой, Катя побрела к школе.

Её наметанный взгляд отметил на улицах необычное оживление. В сторону Высокого берега прошла колонна грузовиков с солдатами в касках. На бортах машин Катя заметила новый опознавательный знак воинской части: голову дикого кабана с длинными клыками. Чуть ли не на каждом углу дежурили патрули с автоматами.

В комнате заплаканная мать возилась с узлами.

— Что вы делаете, мама? — удивилась Катя.

— Выселяют нас, Катюша. Всех выселяют с Высокого берега. — Мать всхлинула. — Куда мы с тобой?..

Сначала Катя решила вместе с матерью переселиться к Азе, но передумала. «Пойдём к тётушке Шушаник. Она не откажет в приюте. А место у неё тихое, удобное...»

Катя вдруг рассмеялась.

— Чего ты, глупая? — удивилась мать.

— Не сердись, мамочка, — ответила Катя. — Это я так...

Катя радовалась тому, что враги напуганы ночными событиями. Напуганы и всерьёз озабочены.

ВЕРИТЬ — НЕ ВЕРИТЬ

Катя шла по ещё пустынным улицам. Утро было тихое и тёплое, но уже налитое хрустальной ноябрьской свежестью.

Окраинная улочка выглядела мирной: маленькие домики с кровлями из полукруглой черепицы, с закрытыми ставнями казались старичками, дремлющими под осенним тёплым солнцем. Неподвижно висели рыжие, тронутые заморозками, виноградные листья.

Впереди, на Краснодарской улице, Катя увидела патруль. Два солдата с автоматами,

расставив локти, неторопливо топая по неровным каменным плитам тротуара, пересекли ей дорогу и скрылись за углом.

— Катюша! — окликнул её из-за каменного заборчика знакомый голос. — Мы тебя ждем. Зайди на пяток минут!

«Славка Бондаренко! Он здесь живёт», — подумала Катя, оглядываясь.

Слава открыл калитку. У столика, вкопанного в землю возле летней кухни, Катя увидела сидящего Тимофея.

— И Тимоша здесь? — удивилась она. — Что случилось, ребята?

— Случилось одно хорошее дело! — многозначительно сказал Тимофей.

— Давай без загадок, Тимоша... — Катя присела рядом на скамейку. — Я не хочу опаздывать на работу... Нам не следует обращать на себя внимание.

— И нам тоже скоро на работу, — сказал Слава. — Давай, Тимофей, покороче!

Тимофей пошарил в карманах и достал смятую газету.

— Что это, как ты думаешь, Катюша? — спросил он, разглаживая газету ладонью.

— «Анапчанин», — прочла Катя заголовок газетки, выпускаемой в городе фашистами.

Девушка пожала плечами:

— Зачем ты таскаешь такую гадость?

— Подожди! — усмехнулся Тимофей. — Ты посмотри на другую сторону.

Катя перевернула помятый лист. На обратной стороне его торопливыми, неровными печатными буквами было написано: «Прочти и передай товарищу. От Советского Информбюро».

— Вот так-то, Катюша! — с торжествующей улыбкой сказал Тимофей. — Как видишь, не мы одни сыплем перцу в нос фашистам. Есть и другие. И они ищут с нами связи, ищут надёжных хлопцев.

— Где ты взял это, Тимоша? — с тревогой спросила Катя.

— Тут чудное дело, Катюша. — Тимофей оглянулся. — Живёт неподалёку от нас, на Гребенской, Сеня Стёпкин, бывший морячок. Прозвали его не Стёпкиным, а Стопкиным: больше любит он закладывать за воротник. Был на фронте, ранен, вернулся из госпиталя...

— Когда вернулся?

— Эх, и недоверчивая ты, Катерина! — покачал головой Тимоша. — Ну, при немцах вернулся. Лежал он в Новороссийском морском госпитале. Пришли немцы — он на костылях домой прикандыбал... Пил здорово. А тут вдруг вчера вечером отзывает он меня в тёмный уголок. Я думал, насчёт выпить-закусить. А он суёт мне листок и говорит: «Ты парень надёжный. Прочти сам и передай товарищу. А если и у тебя сердце горит, скажи мне. Я тебя сведу с верными людьми».

— Ну, и что ты ответил Стопкину?

— Ничего я не ответил. Сказал, что читаю, подумаю.

— Правильно! — сказала Катя.

— То-то и оно! Я дисциплину понимаю. Только считаю, что нельзя отмахиваться от людей, которые готовы фашистам глотки грызть.

— Надо подумать, Тимоша. Всё это выглядит подозрительно...

— Что здесь подозрительного? Человек хочет бить фашистских гадов.

— Как к нему попала газетёнка? Не на одной же газетке, наверное, сводка Совинформбюро?

— Говорит, что в типографии есть верные люди.

— А кто сводки принимает?

— Он обещал, если захочу, познакомить меня с радистом.

— Кто переписывает сводки?

— Это я сам установил. Есть у меня соседка, в седьмом классе училась, пионерка. Зовут

Верочкой. Забежал я к ним в хату, а Верочка как раз перепиской занимается, не успела спрятать газету. Я попытался узнать, кто ей поручение дал. Но девчушка-то оказалась кремневой. Побелела вся, губы дрожат: «Ничего не скажу! Можешь идти в полицию, если ты подлец!»

Катя, нахмурившись, смотрела на неровные печатные буквы.

— А если бы в хату вошёл не ты, Тимоша, а, скажем, Витька Соколов? — спросила она.

— Не нравится мне эта подпольная организация: пьяница-морячок, девчушка-переписчица... Липовое подполье!

Тимофей вскочил со скамейки и стукнул кулаком по столу...

— Перестраховываешься! Так мы и будем мелкими группками. Нужно подпольное движение. А если мы только заговорщики... Ну, вроде итальянских карбонариев... То грош нам цена!

— Не кипятись, Тимоша, — осадил друга Слава.

— Да поймите: чем больше нас будет, тем сильнее насолить фашистам сумеем...

— Вот что! — Катя встала, властно посмотрела на рослого Тимофея. И тот опустил глаза.

— Никаких разговоров со Стопкиным не веди. Скажи, что подумаешь. А мне придётся в отряд сходить, посоветоваться. — Ката вздохнула. — Не нравятся мне эти подпольщики.

— А доказательства? Мало ли что не нравится! — вспыхнул Тимофей.

— Тимоша! Катя права, — сказал Слава. — Наше дело — как у минёров: ошибка равносильна смерти. Семь раз проверь...

— Значит, в детскую игру веришь — не веришь играть будем?

— Нет, Тимофей! Это не игра! — Голос Кати звучал твёрдо. — Это — борьба. Борьба с опасным и опытным врагом. Кто такой Герст? Матёрый зверь. А мы кто? Вчерашние школьники. Я настаиваю: пока не посоветуюсь с опытными людьми — никаких разговоров со Стёпкиным! Ясно?

— Ясно, — неохотно согласился Тимофей.

ПОСЛАНЕЦ ПАРТИИ

Взрыв склада боеприпасов сделал невыполнимым план немецкого командования по восстановлению Анапского порта. Взрывная волна не только разрушила все сооружения, которые были приведены до этого в относительный порядок, но причинила новые разрушения. Огромные бетонные глыбы были сброшены в воду, и крупные морские суда уже не могли причаливать к пристани. Одна из таких глыб обрушилась на палубу бронекатера и, как спичечную коробку, утопила его. Другой катер разбило о пирс. Рухнули каменные здания складов. Под развалинами погребены тюки с обмундированием, продукты, различное военное имущество. Территория порта превратилась в нагромождение камней, бетона, полюбгоревших досок, дымящихся тюков и контейнеров.

Рабочие, явившиеся утром на работу в порт, были брошены на разборку этого хаоса и спасение уцелевшего военного снаряжения.

Люди работали без отдыха до темноты под присмотром автоматчиков. Из-под развалин весовой были извлечены трупы десяти солдат и двух офицеров.

В это утро Слава Бондаренко и Тимофей Запашный работали особенно старательно. Растаскивая бетонные глыбы, отгребая лопатами изогнутую арматуру, они докопались до дымящихся тюков с солдатскими шинелями и принялись вытаскивать их.

Молодой обер-лейтенант, руководивший работами, отметил трудолюбивых парней. Он улыбнулся им и закивал головой.

— Выслуживаетесь перед фашистами? — недобрым голосом сказал хлопцам дюжий

парень. — Вкалывайте, вкалывайте, холуи немецкие! Авось заработаете деревянные кресты... Не от них, так от нас!

— Дурной ты, Федька! — огрызнулся Тимоша. — Понять не можешь, что к чему.

Помахивая тяжёлым ломом, Федя подошёл ближе к Тимофею и Славе и вдруг на закопчённой, полуразвалившейся стене бывшего склада заметил бумажный листок. Он был наклеен в глубине развалин, куда фашистские солдаты до сих пор не заглядывали.

Для вида постукивая ломом, Фёдор пробежал глазами текст листовки, отпечатанной на машинке.

«Смерть немецким оккупантам! — было напечатано крупным шрифтом. — По решению группы советских патриотов уничтожен вместе с вооружённой охраной склад фашистских боеприпасов и взорвана машина с палачами-абверовцами. Эти удары — суровая месть палачам за наших братьев и сестёр, расстрелянных у реки Неберджай, за замученных в застенках абверкоманды.

Кровь за кровь!

Смерть за смерть!

Да здравствует наша Советская Родина!

Группа “Рассвет”».

Федя глянул в ту сторону, где постукивали ломом Слава и Тимофей, и направился к пожилому механику дяде Коле, возившемуся с покалеченной помпой.

Два механика что-то разглядывали в разобранном моторе. Федя отбросил окурки и вновь принялся работать ломом. А дядя Коля на неплохом немецком языке попросил у обер-лейтенанта разрешения пойти покопаться в развалинах одного из складов, в котором хранились запасные части к моторам. Пожилой механик то ли за старательность, то ли за знание немецкого языка пользовался доверием обер-лейтенанта. Получив разрешение, механик неторопливо углубился в лабиринт полуобвалившихся стен и бетонных нагромождений.

Слава и Тимофей в это время расчищали угол склада.

— Давай! — негромко сказал Слава, ожесточённо звякая ломом.

Тимофей отложил лопату, оглянулся по сторонам, вытащил из кармана маленький пузырёк с разведённым клеем и помазал стену.

— Есть! — сказал он, снова берясь за лопату.

Слава отбросил лом и ловко прилепил к стене листовку.

— Так вот чем занимаются лучшие помощники великой Германии! — раздался у него за спиной насмешливым голос.

Славка вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял механик дядя Коля, кряжистый, седоволосый. Внимательные глаза строго смотрели сквозь очки в металлической оправе.

— Да вот... Листочек какой-то привешен... — пояснил Слава.

— Видел я, кто привешивает эти листочки! — улыбнулся механик. И, круто вывернувшись, с трудом перехватил занесённую над его головой лопату.

— Подожди ты, дуралей! Так и убить можно! Стойте, сумасшедшие! Привет Кате Соловьёвой от Зиновия и Розы!

Лопата выпала из рук Тимофея.

— Так вы оттуда? — радостно воскликнул он.

— Тише! — предупредил дядя Коля. — Чуть не пришёл меня, медведь! Поговорить нам надо. После работы подождите меня на Набережной... А сейчас берите вон тот ящик, несите за мной!

Часов в пять вечера Слава и Тимофей подошли к дяде Коле. Механик стоял в конце Набережной, дымил козьею ножкой и любовался морем.

— Мне нужна Соловьянова. Как с ней встретиться?

Тимофей и Слава переглянулись.

— Это можно! — сказал Слава. — Вы идите к Тимоше, а я найду Катюшу и приведу к вам.

Тимофей и дядя Коля пошли в одну сторону, а Слава в другую. Патрули равнодушно смотрели на усталых, перемазанных в копоты рабочих, бредущих по улицам...

Катю Соловьянову Слава встретил на Крымской улице.

— Что-нибудь опять случилось? — спросила она. — Тимошка дров наломал?

— Нет! Случилось, Катя, одно замечательное событие! Есть связь с партизанским отрядом!

— Где? Кто пришёл?

— Один человек. Ждёт тебя у Тимоши.

Они ускорили шаги.

— Славка! А ты уверен, что он действительно от партизан? — спросила вдруг Катя.

— Уверен! Вернее, почти уверен.

— А надо, чтобы не было этого «почти»!

— Что ты боишься, Катюша? Если что не так, мы его живым не выпустим, — нахмурился Слава.

— Этот незнакомец один пришёл?

— Один, кажется...

Катя с минуту раздумывала, потом, заложив руки в карманы жакетки, сказала:

— Ладно! Пошли!

Тимофей и дядя Коля сидели в беседке, увитой пожухлыми лозами. Перед ними стояли стаканы и бутылка с домашним вином.

Катя поздоровалась, настороженно разглядывая незнакомца.

— Так вот ты какая, Катя Соловьянова! Привет тебе от Розы Дегтярёвой, от Зиновия Солтановского. Вы его, кажется, Зинкой звали?

Катя по-прежнему стояла у входа в беседку. Глаза её украдкой ощупывали незнакомца.

— Не веришь, значит? — весело спросил дядя Коля. — Молодец, если не веришь. Я тебе скажу: твой связной, Дмитрий, в партизанский отряд прибыл. Только рацию доставить не смог. По дороге за ним погнался немецкий катер. Дмитрий рацию утопил, а сам выбрался на берег и еле добрался на своей деревяшке. Сейчас он в партизанском госпитале — культю залечивает, натёр её сильно. Можешь сообщить его сестре Азе, чтоб не тревожилась... Теперь веришь? — усмехнулся механик.

— Верю! И очень рада!

— Ты молодец, Катя! — сказал механик. — Все вы здесь молодцы. И мне поручено передать вашей подпольной группе «Рассвет» большую благодарность от партизанского командования и подпольного партийного руководства. — Дядя Коля встал и шагнул к Кате. — Дай я тебя поцелую, дочка!

Катя порывисто припала к плечу механика, ткнулась в его колючую, давно не бритую щеку, всхлипнула.

— А вот слёзы подпольщице ни к чему! — Механик усадил Катю на скамейку и сам сел рядом. — Реветь тебе нечего!

— Так ведь трудно, очень трудно! Какая из меня подпольщица? Ни опыта, ни знаний...

— Ничего, дочка! Опыт — дело наживное. — Механик обнял Катю. — Сказать по правде, я сам в двадцатые годы не опытнее тебя был. Мальчишка! А довелось руководить подпольем в белом тылу...

Катя рассказала ему о своих сомнениях. Надо ли вовлекать в группу людей или лучше действовать небольшой, но тщательно законспирированной организацией? Как наладить

постоянную связь с командованием партизанского отряда?

— Вопросы твои правильные, Катюша! — сказал дядя Коля. — Эти вопросы, наверное, задают все подпольщики, действующие в фашистском тылу. И ответ на них может быть только один: действовать в зависимости от обстановки. Иначе нас раскроют и ликвидируют в два счёта. Есть абсолютно надёжные люди? Вовлекай их в группу!

— И ещё есть у нас одно дело, — снова заговорила Катя. — Сегодня утром вышел у нас спор. Чтобы решить, кто прав, я собиралась пойти в плавни к партизанам...

— Что за спор?

— Расскажи, Тимоша!

Пока Тимофей рассказывал о попытках Семёна Стёпкина вовлечь его в подпольную группу, лицо дяди Коли оставалось спокойным. Он неторопливо свернул самокрутку, внимательно прочитал первую страницу фашистской газетёнки, затем перевернул листок и начал читать рукописный текст.

— Да! — наконец задумчиво произнёс старый подпольщик. — Вся эта история сильно попахивает провокацией.

— Но почему, почему? — выкрикнул Тимофей.

— Не шуми, хлопец! — Дядя Коля нахмурился. — Прежде всего потому, что все ранние советские моряки, захваченные в Новороссийске фашистами, были расстреляны. Фашисты боятся и ненавидят моряков...

— Но Стёпкин успел уйти из города ещё до того, как он был захвачен немцами.

— Допустим! — Дядя Коля строго взглянул на Тимофея. — А скажи, хлопец, немцы не знают о том, что здесь, в Анапе, живёт бывший военный моряк Стёпкин?

— Может, и не знают... — Голос Тимофея звучал растерянно.

— Чепуха! Не считай гитлеровцев дураками. Их гестапо и абвер в таких делах большой опыт имеют. И, значит, если не трогают они моряка Стёпкина, то, в лучшем случае, он им не мешает, а в худшем — помогает.

— Но, дядя Коля! Разве не может быть так: скверный человек, пьяница, когда увидел, что творят немцы на нашей земле, переменялся, стал бороться с ними?

— Может! — согласился подпольщик. — Может! Но против твоего Стёпкина работает и вот эта листовка...

Дядя Коля похлопал ладонью по газете.

— Почему? — удивился Тимофей.

— А ты присмотришься. Здесь так хитро подзакручено, словно сводки Совинформбюро пишутся под немецкую диктовку. Вон в сводке написано, что немцев наши войска шарахнули возле Беслана. А на первой странице напечатано: «По приказу командования, немецкие войска отошли...» То же самое и насчёт Туапсинского направления. Вроде наши советские войска не бьют фашистскую нечисть, а только берут то, что им добровольно отдаёт немецкое командование.

Тимофей сжал кулаки.

— Пошлю я этого Стёпкина-Стопкина куда следует!

— А вот этого делать не надо.

— А что же надо?

— Будет он тебе совать второй листок — не бери. Скажи, что не интересуешься такими делами. И ещё: нужно осторожно переписчиков предупредить. Ребята, наверное, думают, что с гитлеровцами борются.

Механик поднялся.

— Взгляни-ка, Тимоша, не бродит ли кто чужой возле двора? Как говорили в старину: бережёного и бог бережёт.

Тимофей поспешно вышел из беседки.

— Я даже имени вашего настоящего не знаю, — скачала Катя механику. — Знаю только — дядя Коля.

— Имени? — дядя Коля вздохнул, и суровые морщинки прорезались у него возле рта. — Имени моего, дочка, пока тебе знать, думаю, незачем. Когда после победы позовёшь меня на свадьбу, тогда скажу тебе и имя своё настоящее и фамилию. А пока я — просто дядя Коля.

ИЗГНАНИЕ

Вечером с севера, от Тамани, потянулись низкие, тяжёлые тучи. Казалось, свинцовой тяжестью они раздавят город. Ночью шёл дождь, и ветки окоченевших деревьев стучались в ставни. К утру мороз покрыл землю сверкающей бронёй гололедицы, звенящей ледяной коркой затянул деревья, заборы, крыши.

— Ну, что ж! Пошли, Катюша, пора! — Мать смахнула с глаз слезинки и подняла с пола узлы.

Катя подхватила старенькие чемоданы с посудой и одеждой.

В это утро истекал срок, назначенный немецким командованием, для выселения всех жителей Высокого берега Анапы. Накануне пригнанные военнопленные азербайджанцы начали окружать жилые кварталы Высокого берега заграждениями из колючей проволоки. На нескольких улицах были сооружены караульные будки и шлагбаумы, перегораживающие проезжую часть.

К будкам потянулись вереницы женщин, детей, стариков, тачки, нагруженные домашним скарбом. Грохотали по мёрзлой земле колёса. Плакали дети и женщины.

«Неужели это из-за нас, из-за взрывов на складах?» — подумала Катя.

У шлагбаума глухо волновалась толпа. Солдаты и полицаи перетряхивали узлы, чемоданы, отбирали лучшие вещи. Тёплую обувь, одежду они откидывали в сторону.

Рослый полицай копался в развёрнутом узле.

— А вот этот костюмчик подойдёт! — Он рванул из груди вещей синий мужской костюм.

— Не трожь, ирод! — женщина в телогрейке попыталась подхватить отброшенный в сторону костюм. — Не трожь!

Полицай отшвырнул её.

— Не лезь на рожон, баба!

— Один костюм и остался! — заплакала женщина. — Муж вернётся, надеть будет нечего!

— Небось не потребуется ему костюмчик. Одели уже твоего мужичка в земляной бушлат! Забирай остальное барахло, пока я добрый. А то вовсе ни с чем уйдёшь... Следующий!

Женщина нагнулась, увязывая вещи. Катя видела, как вздрагивали от рыданий её плечи.

Жадные лапы полицаи уже шарили в других узлах и чемоданах. Катя узнала его. Это был тот самый, что приходил выгонять её и Азу на работу.

«Откуда он, этот зверь?» — подумала она, с ненавистью глядя, как красные ручищи ощупывают чьи-то сапоги.

Она вспомнила Витьку Соколова, аккуратного, прилизанного, улыбающегося, такого, каким он приходил в их класс, отвечал по литературе, по физике...

«Как же мы не распознали его?!»

Закусив до боли губу, вздрагивая не то от ледяного ветра, не то от волнения, Катя стояла в толпе.

«Соколова надо уничтожить, — твёрдо решила она. — Пусть не удастся нам больше узнавать то, что выбалтывает Витька в пьяном виде. Такие гады, как Соколов, как этот мордастый полицаи, не должны осквернять нашу землю!»

— На меня загляделась, красавица? — окликнул её полицаи. — Открывай чемоданы! Долго я тебя ждать буду?

Он небрежно, двумя пальцами покопался в чемодане. Вытащил шерстяное одеяло.

— Да что ты делаешь? Креста на тебе нет! — запричитала Катина мать.

— Нам крест ни к чему, — ухмыльнулся полицаи. Он обернулся к молодому художавому военнопленному азербайджанцу. — Убирай барахло!

Когда Катя и её мать, миновав шлагбаум, шли вдоль каменного забора, кто-то негромко крикнул:

— Девушка!

Из-за колючей проволоки, оплетающей гребень ограды, выглянул юноша азербайджанец. Его лицо посинело от холода, выгоревшая пилотка была надвинута на уши, но в карих глазах теплилась улыбка.

— Девушка! Возьми!

Он перебросил через забор Катино одеяло.

— Спасибо! — поблагодарила Катя.

— Девушка! Скажи, девушка, правда, что немцы заняли Баку? — На его лице отразилась такая боль и тревога, что Катя, отбросив осторожность, сказала:

— Далеко им до Баку! Не ближе, чем до Луны! Драпают уже немцы.

— Катюша! — встревожилась мать.

— Можно, мать, можно! — засмеялся азербайджанец. — Мамеду можно! Мамед не выдаст. Мамеду и его товарищам немцы говорят: иди в горский полк воевать с большевиками, иди или ваших родных там, в Азербайджане, резать будем! — Он сжал кулаки. — И-э-эх! Не выйдет резать! Руки не достанут!

— Так вас фашисты хотят натравить на своих? — спросила Катя.

— Очень хотят! — азербайджанец закивал. — Сюда собрали всех пленных кавказцев — азербайджанцев, карачаевцев, дагестанцев. Говорят — иди к генералу Султан-Гирею воевать против Советской власти.

— А вы?

— Мы? Мы говорим: по-русски не понимаем! По-немецки не понимаем! — Мамед лукаво усмехнулся. Он оглянулся и торопливо зашептал: — Приходи, девушка, приходи туда, где винный завод был. Мы там живём. Приходи, не бойся! Нас охраняют полицаи, а они всегда пьяные. Спроси Мамеда Абдуллаева. Это я. Только полицаи Сёмку берегись, того, что одеяло у тебя отнимал. Полицаи Сёмка — собака!

Катя с матерью поспешно отошли от стены, влились в поток людей, идущих через базарную площадь.

— Напрасно ты с ним так, Катюша! — сказала мать. — Кто его знает, что он за человек.

Люди растекались по улочкам и переулкам. Казалось, над Анапой стояли стон и плач...

ДЯДЯ КОЛЯ

Держа в руках дырявую кастрюлю, зябко кутаясь в старенький полушубок, Катя бежала вдоль домов. На пустынной улице разбойничал холодный ветер. Отовсюду раздавался сухой, отрывистый треск, словно кто-то рывками рвал полотно. Это лопалась ледяная корка на деревьях, раскачиваемых ветром.

Пусто и уныло было и на душе у Соловьяновой. Перед ребятами — Тимошей, Славкой, Азой, Клавдией — она не показывала своей усталости. Но ей было очень тяжело. Фашисты добрались до Волги, рвались к грозненской и бакинской нефти...

На дверях пристройки к неказистому домику была вывешена фанерная табличка с кривыми буквами: «Ремонт посуды и керосинок».

Катя толкнула скрипучую дверь. В лицо пахнуло теплом. Посреди комнатёнки малиново рдела печка. Умелые руки приспособили под печь старый чугун, установленный на кирпичном фундаменте. Сбоку, к перевернутому вверх дном котлу, была прилажена железная труба, выведенная в окошко. На печурке уютно посвистывал старый жестяной чайник. У стены стояли нары, застланные серым одеялом. Под окном высился грубо сколоченный стол-верстак, заваленный инструментами и металлическим хламом, возле верстака пристроился на табуретке дядя Коля. Он пил чай.

Кряжистый, с лицом, заросшим седой щетиной, с лысиной, окаймлённой белёсым пушком, дядя Коля выглядел безобидным стариком. Только глаза его взглянули на Катю из-за стёкол очков зорко.

— Прикрой-ка дверь, девонька! — попросил дядя Коля. — Садись на мою постель... Давай кастрюльку.

Дядя Коля ритмично застучал молотком по прогоревшему дну.

— Да не нужна мне эта кастрюлька, дядя Коля! — сказала Катя. — Что мне в ней варить?

— Это как сказать — нужна или не нужна, — покачал он головой. — А вдруг кто чужой заглянет в мои хоромы? И подумает: зачем к старому филину молодая пташка залетела? Тут-то кастрюлька и пригодится... Ты что такая всполошённая?

Катя рассказала о выселении жителей с Высокого берега, о грабеже, который учинили фашисты. И о том, что чувствует себя виноватой перед людьми.

Дядя Коля постукивал молоточком. Кате казалось, что он совсем не слушает её. Но когда она кончила рассказ, старик отложил кастрюлю в сторону и взглянул на девушку.

— Напрасно распускаешь нервы, дочка! — сказал он. — Нам нервами баловаться не полагается. Мы боремся, чтобы женщины и дети не плакали на фашистской каторге. И ещё скажу: ты видела, куда все люди, которых выгнали из хат, подевались?

— Нет! — призналась Катя.

— Плохо. А вот я посмотрел — уже через час ни одной семьи на улице не было. Всех наши, советские люди приютили. Может, в тесноте, да не в обиде, проживут тяжёлые дни... Не много их, тяжёлых дней, осталось! Барахлишко, говоришь, господа-арийцы забрали? Ничего, Катюша, барахло — дело наживное. Мы хотим свободу, гордую душу нашего народа, радость детям нашим сохранить. Вот за что и бойцы на фронте, и мы с тобой здесь жизнями рискуем... Понятно?

— Понятно, дядя Коля! — ответила Катя. Она рассказала, что в ответ на выселение жителей Высокого берега группа «Рассвет» решила сжечь склад хлеба в бывших казармах и выпустить листовку.

— Листовку выпустить надо. А хлеб жечь я вам запрещаю.

— Почему? — удивилась Катя. — Зачем же фашистов кормить нашим хлебом?

— Ближе смотришь, Катерина! — упрекнул дядя Коля. — Смогут сейчас фашисты вывезти из Анапы тысячи пудов хлеба? Не смогут. Машинами не вывезут, слишком много

транспорта потребуется. Морем? Так ведь вы в порту такой морской порядок навели, что ни парохода, ни баржи не погрузишь. Значит, хлеб не уничтожать, а беречь надо. Беречь до прихода наших. Тогда он очень пригодится — им можно будет весь город прокормить.

Катя рассказала о встрече с Мамедом Абдуллаевым. Это сообщение особенно заинтересовало старого подпольщика. Он даже перестал постукивать молоточком.

— Умница, доченька! — воскликнул он. — Честное слово, умница! Если ты уверена, что Мамед парень надёжный, надо с ним увидеться, поговорить по душам, рассказать о нашем наступлении на фронтах, ободрить ребят, укрепить в них решимость сопротивляться фашистам. Плохи, видать, дела у Гитлера, если он так подкрепление пытается добывать! — Старик снова застучал молотком по кастрюле. — Хорошо бы пробраться за колючую проволоку и там фашистов потревожить. Чтобы почувствовали, что и проволока их не спасёт. — Дядя Коля метнул быстрый взгляд на дверь и продолжал, неожиданно повысив голос: — Ты, конечно, понимать должна, если к алюминиевой кастрюльке жестяное дно приспособить, то она непременно течь будет. Потому — разный металл, не соответствует друг другу.

Катя почувствовала, как потянуло холодом, и обернулась. В дверях, покачиваясь, стоял Витька Соколов. Лицо его ещё больше распухло от пьянства, шинель была застёгнута криво, через пуговицу.

— Ну, здравствуй, ры-монтный мастер! — хрипло выкрикнул Витька.

— Здравствуйте, господин хороший, — отозвался дядя Коля. — Проходите. Да дверку за собой извольте закрыть.

— Катюша! — Витька широко расставил руки, пьяно ухмыляясь, шагнул к нарам. — Пламенный привет, дорогая моя одноклассница! — Он тяжело плюхнулся на нары. — Это тебе кастрюлю налаживает рымонтный мастер?

— Мне, — ответила Катя, отодвигаясь.

— Брезгуешь? — скривился Витька.

— Чем могу служить, господин хороший? — спросил дядя Коля.

— Служить? Ишь ты какой! Прямо как из старого романа вылез. Ремонт мне надо произвести! — Витька стал шарить неверной рукой в кармане шинели. — Пистолетишко у меня, понимаешь, отказал. Хреновый оказался немецкий пистолетишко...

— Ничем не могу помочь, господин хороший, — с грустным видом сказал дядя Коля. — Потому, как в оружии не разбираюсь. Одну трёхлинейку помню с 1914 года, ещё тогда мне её господин унтер-офицер накрепко в голову вбил...

— Да нет, у меня пистолет особенный! — Витька протянул на ладони маленькую никелированную зажигалку в форме пистолета. — Перестала загораться, немецкое барахло.

Дядя Коля осторожно взял зажигалку.

— С этим оружием я, пожалуй, управлюсь. Много их, зажигалок-то, в гражданскую войну сработал, ими и кормился... — Он кивнул Кате. — Извиняюсь, барышня, прошу немного обождать. Господ немецких офицеров и других господ обслуживаем вне очереди.

— Обслуживай, обслуживай! — Соколов пьяно качнулся. — Хоть зажигалку мне сам господин гауптман Герст подарил, а дешёвка...

Ловкие пальцы дяди Коли орудовали маленькой отвёрткой.

Витька Соколов обернулся к Кате.

— Давно... у Аннушки... была? — глухо спросил он.

— Недавно, позавчера, — ответила Катя.

— Как она там живёт, Аннушка, наша голубиная душа?

Витька понурился. Его руки бессильно свисали с колен. Вдруг он рассмеялся хриплым, невесёлым смехом.

— Вот она какая подлючная штука, эта самая жизнь! Даже к Аннушке зайти стыдно. Только в пьяном виде к ней заявляюсь. И все теперь от меня отворачиваются, как от чум-

ного. Немецкий прихвостень, полицейай... — Он вскинул голову и уставился на Катю. — А что — кем лучше быть: живым полицаем или мёртвым дураком? Не-ет, всего лучше по морде бить, чем битым быть.

— Готова ваша зажигалочка, — сказал дядя Коля. — Извольте проверить.

Он щёлкнул гашеткой, и из ствола выскользнул голубоватый огонёк.

— И вправду починил!

— Пружинка лопнула... Другую поставил, — объяснил дядя Коля.

— Спасибо тебе, рымонтик! — Соколов встал, сдвинул кобурку набок. — Пошёл я! Дел — уйма. Сегодня ночью в Сукко надо ехать, говорят, там морячки советские объявились... Ну, об этом — ша! А вернусь — обязательно к Аннушке наведаюсь, душу отведу...

Пошатываясь, он добрался до двери, ударом ноги распахнул её и вышел.

Дядя Коля несколько минут смотрел на улицу, прикрыл дверь и вернулся к верстаку. Рука его снова ловко застучала молотком. Но лицо старого подпольщика было задумчивым.

Катя молча глядела на остывающий чугунок. Сейчас только самый верх печурки красновато светился...

«Неужели у Витьки нет ни одного светлого пятнышка?» — думала Катя.

— Подпольщиков выдал он? Учился с тобой? — спросил дядя Коля.

Катя рассказала всё, что знала о Соколове.

— Мы хотим его убрать, — закончила она.

— Убрать? — переспросил дядя Коля. — Он этого заслуживает...

— Он ещё жив только потому, что в пьяном виде многое выбалтывает.

Дядя Коля отбросил молоток и, подняв кастрюлю, посмотрел в неё против света.

— Тут вопрос сложный... — дядя Коля вздохнул. — По нашим данным, в одном из партизанских отрядов таится замаскировавшийся предатель. Важно установить, кто. Если бы ты или твоя подружка смогли выведать у Соколова об этом. Он, наверное, знает. Недаром же ему Герст дарит зажигалки.

— Попробуем.

— Найти и обезвредить предателя нужно в ближайшее время: отряд не может понастоящему вести боевых действий. А ему предстоят важные операции. Когда наши войска подойдут, партизаны примут участие в штурме города...

— Мы сделаем всё!

— Нет, подожди. Уж очень рискованно... Испробуем пока другие пути. Если ничего не выйдет, придётся рискнуть. — Крепкая рука пригладила Катины волосы. — А пока всё. Беги, доченька, беги, родная!

Он подал Кате кастрюлю.

МАМЕД АБДУЛЛАЕВ

Территория винного завода была обнесена высоким каменным забором, по гребню которого на металлических штырях тянулась колючая проволока. Во многих местах штыри были отогнуты, проволока оборвана и ржавой паутиной свисала вниз.

Катя медленно шла вдоль забора. Нервы её были напряжены до предела. Она настоженно ловила каждый звук из-за стены.

Раздался гортанный говор. Зазвенел металл. Тоскливый, высокий голос запел на незнакомом языке протяжную песню.

Катя поравнялась с воротами. Они были открыты, возле них переминался с ноги на ногу часовой, худенький паренёк с винтовкой в руках. Его глаза с интересом уставились на девушку.

Катя направилась дальше, бросив взгляд внутрь двора. У низких строений сновали люди в зелёных шинелях. Девушка прошла мимо, поравнялась с забором, потом медленно повернула назад.

Полицаев и солдат во дворе не было. Но Катя понимала, что всё же рискует многим.

Вновь увидев её, часовой насторожился, шагнул навстречу.

— Позовите, пожалуйста, Мамеда Абдуллаева! — попросила Катя, сдерживая дрожь.
— Мамеда Абдуллаева, понимаете?

— Понимаешь! — рассмеялся часовой. И, подмигнув Кате, крикнул: — Мамед Абдуллаев!

Катя неторопливо зашагала дальше.

Через минуту она услышала быстрые шаги. Оглянулась.

Её догонял Мамед, одетый в серо-зелёную шинель и немецкую пилотку.

— Здравствуй, девушка! Очень рад, что ты пришёл! — Мамед приветливо улыбнулся и крепко сжал её руку. Очень рад!

— Пойдём отсюда, — предложила Катя.

— Нельзя! Сейчас командир Сёмка придёт, учить воевать будет... Злой Сёмка, очень злой!.. Давай здесь постоим.

Они остановились около забора.

— Говори, девушка, очень прошу, говори! Как на фронте?

— Бьют наши фашистов, — сказала Катя. — Бьют, Мамед.

Она коротко передала содержание сводки Совинформбюро. Мамед слушал её, радостно поблёскивая тёмными глазами, и прицокивал языком:

— Ой, якши! Чох якши! Очень хорошо!

— Скажи, зачем вас в немецкие шинели вырядили? — спросила Катя.

— На фронт идём, девушка! Завтра выступаем. Уже винтовки получили, — проговорил Мамед.

— На фронт?! — глаза Кати стали колючими. — Значит, наших бить идёте?

— Почему так говоришь, девушка? — Мамед огорчённо покачал головой. — Когда немец говорил: Баку взяли, тогда мы не знали, что делать. Сердце болело, голова совсем пустой был, как казан. Ты рассказал Мамеду, что наши бьют Гитлера, что Баку советский, Мамед всем товарищам говорил. Теперь знаем, что делать.

— Что же вы хотите делать?

— Пойдём на фронт! Там Сёмку-командира кончать будем, через фронт ходить будем, немцев бить будем!

Чёрные брови Мамеда вдруг метнулись вверх. Он шагнул к Кате, обнял её и прижал к груди.

— Ты что?! — рванулась Катя.

— Не кричи, девушка, — прошептал Мамед. — Сёмка командир идёт.

Возле них остановился знакомый полицай. Он был одет в новую немецкую шинель, туго подпоясанную ремнём. Слева, на боку, висела тяжёлая кобура.

— Тю! — удивился полицай. — Да это ты, девка? Русских тебе не хватает, что ты на дикушей кидаешься?

— Не ваше дело! — бросила Катя.

— Точно! — согласился полицай. — Это я так, к слову. — Он заложил большие пальцы за пояс и отставил ногу. — Даю вам на прощанку-гулянку пятнадцать минут. Чтобы через четверть часа ты, Абдуллаев, был в казарме!

— Есть, господин Сёмка!

— Какой я тебе Сёмка? — взъярился полицай. — Я скоро чин офицерский получу, а ты, черномазый, меня Сёмкой кличешь! Ладно, я ещё разъясню тебе, что к чему! Дикун!

Полицай покрутил кулаком перед носом Абдуллаева и прошествовал к воротам.

— Кёпай оглы! — выругался вслед ему Мамед и сжал кулаки. — Сукин сын! Подожди, собака! На фронте первая пуля — тебе! — Он плюнул вслед полицая.

— Нет! — сурово сказала Катя.

— Почему? — удивился Мамед.

— Не будет ни фронта, ни возможности послать пулю этому предателю...

— Думаешь, Мамед только говорить умеет? — Тёмные глаза Мамеда горели яростью, голос сорвался на крик.

— Подожди, не кипятись! — Катя положила руку на вздрагивающее плечо парня. — Я верю тебе, верю! Иначе бы не пришла сюда.

— Зачем тогда говоришь? Зачем горькие слова?

Катя почувствовала, как под её рукой расслабились мускулы напряжённого плеча парня.

— Затем, чтобы ты понял: никто вас на фронт отправлять не собирается. Взгляд Мамеда был недоумевающим.

— Да. Вас хотят использовать в тылу для расправы с теми, кто не покорился фашистам. Для расстрелов советских людей.

Мамед вздрогнул.

— Почему так думаешь?

— А ты сам подумай. Если бы вас собирались отправить на фронт, кого бы назначили командиром? Офицера! А если командовать вами прислали полицая, куда вас хотят направить?

Мамед хлопнул ладонью по лбу.

— Ахмак я! Дурак! Правильно! Собака Сёмка к нам командиром, чтобы и нас собаками сделать!

Катя наблюдала, как молниеносно меняется выражение его смуглого лица.

«Какой совет нужно дать сейчас этим парням? — думала она. — И ничегошеньки я не знаю! Дядю Колю бы сюда! Угонят ведь хлопцев! И — конец!»

Мамед вдруг расхохотался. Лицо его стало мальчишески задорным. Катя удивлённо взглянула на него.

— Я не очень грамотный, — заговорил Мамед. — Простой пастух. Чабан с Талышских гор. Но я умею убивать волка, который ходит в отару. Пастухи так делают: бросают кусок мяса с ядом. Волк ест — издыхает... Мы тоже будем сыпать яд!

— Ты что! — рассердилась Катя. — Вас всех перестреляют из-за этого подонка!

— Нет, девушка, нет! Стрелять фашисты будут не нас, а полицая Сёмку. Такой наш яд будет, особый яд! Хочешь посмотреть, как наш яд действует, — приходи завтра в пять к комендатуре. Своими глазами смотреть будешь: чабан Мамед не дурак, он умеет травить фашистский волк... А сейчас — пора!

Пожав Кате руку, Мамед кинулся к воротам. Катя, недоумевающая, смотрела ему вслед.

ПЕСНЯ НАД ГОРОДОМ

Вечером, после встречи с Мамедом Абдуллаевым, Катя забежала в мастерскую к дяде Коле. Старый подпольщик внимательно выслушал её.

— Действовала правильно, — сказал он. — Мамед, судя по твоим словам, парень с головой и глупостей делать не станет. А его рассказ о яде и волках — восточная аллегория... Сделаешь так: с утра, как всегда, выйдешь на работу в склад. А в половине пятого, когда кончишь работать, вместе с Азой, словно ненароком, пройдёте мимо комендатуры.

В эту ночь Катя никак не могла заснуть. Перед нею вставало лицо молодого азербайджанца с большими карими глазами, которые быстро меняли своё выражение: то были злыми, колючими, то грустными, то весёлыми. Её тревожила ответственность за судьбу Ма-меда и его товарищей.

«Надо было всё же узнать, что он хочет сделать!» — думала Катя утром, идя на работу.

Уже несколько дней девушки работали на складе возле пристани. Сюда привозили тюки с солдатским обмундированием, обгоревшим в пакгаузах. Девушки под присмотром немецких солдат распаковывали тюки шинелей, мундиров, отбирали годные вещи. На склад Катя и Аза пошли работать по приказу того же дяди Коли — ходили слухи, что молодёжь, не имеющую постоянной работы, немцы отправят в Германию.

Распаковывая тюки, пахнущие горелой тряпкой и прелью, Катя волновалась, часто вздыхала.

— Успокойся, Катерина, успеем, — успокаивала её Аза. — Чего ты нервничаешь, точно перед свиданием? Или понравился Мамед?

— Не болтай глупости, Азка! Разве тут дело в одном Мамеде? Его горячность всех хлопцев-азербайджанцев может погубить.

На пристани загрохали удары в подвешенный рельс. Конец рабочего дня. Девушки перенесли унижительную процедуру обыска, когда руки солдата грубо ощупывали их. Обычно Аза вырывалась и протестовала, но сегодня промолчала.

— Побежали! — крикнула она Кате.

— Бежать нельзя. Пойдём медленно. Как всегда.

Девушки устало брели по улице.

Аза посмотрела на Катю. Она вспомнила, как выглядела Катя при их первой встрече — смешливая, задорная. А сейчас она шла со сдвинутыми бровями, с горькой складкой в уголках сжатых губ. Над переносицей прорезалась глубокая морщина. Осунувшееся лицо было серым.

«Нелегко ей! — думала Аза. — На ней двойной груз».

Девушки сворачивали на улицу, ведущую к комендатуре, когда послышался топот колонны.

Катя схватила Азу за руку, крепко сжала.

Из-за угла первым вышел Сёмка-полицай, туго затянутый ремнями, в немецкой пилотке. Задрав голову, выкатив глаза, он старательно чеканил шаг. Его оплывшие щёки и подбородок тряслись, как студень. За ним вразнобой шли неровные шеренги азербайджанцев.

— Айн, цвай, драй! — командовал полицай. Вдруг он обернулся и рявкнул:

— Стой! Приставить ногу! Как идёте, дикуши? Что вам здесь — баранье стадо или воинская часть? Я вас выучу! Давай песню!

Колонна свернула на боковую улицу.

— Запевай! — скомандовал полицай. — А ну! Айн, цвай, драй!

Колонна молчала.

Донеслась ругань полицая:

— Пока не запоёте, в казарму не поведу! Хоть сдохните с голодухи!

Ругань и топот шагов удалялись.

— Видишь, ничего с азербайджанцами не случилось, — сказала Аза.

Девушки стояли на углу до тех пор, пока колонна, обойдя квартал, вышла к комендатуре. Теперь она шагала в ногу, держа равнение в рядах.

Сёмка-полицай, самодовольно улыбаясь, вышагивал впереди и косился на комендатуру.

— А ну, песню! Запевай! Айн, цвай, драй!

И вдруг сотня голосов грянула песню:

Гремя огнём,
Сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход...

Это было грозно и удивительно. Вьющийся над зданием комендатуры чужой флаг со зловещей паучьей свастикой, низкое, хмурое небо — и песня, боевая советская песня, которую пели молодые, сильные голоса!

Катя до боли стиснула руку подруги. Захлопали двери домов. Люди выбегали на улицу, удивлённо и радостно вглядываясь в серо-зелёные шеренги.

Сёмка-полицай ошалело отскочил к забору и застыл с раскрытым ртом. Рванув из кобуры пистолет, заорал:

— Молчать! Молчать, гады!

Он ринулся на поющих, неистово рассыпая тяжёлые удары. Шеренги смешались. Песня оборвалась.

Из комендатуры выскочили разъярённые офицеры. Впереди, отдуваясь, семенил рыжий, заплывший жиром, комендант. За ним бежал поджарый обер-лейтенант.

— Хальт! Молтшать! — хрипел комендант. — Смирно!

Сёмка-полицай вытянулся, вскинул голову и застыл с пистолетом в руке.

Обер-лейтенант шагнул вперёд и рванул за ворот шинели рослого азербайджанца с окровавленным лицом, что-то спросил у него. Тот вытер кровь рукавом и ответил, кивнув в сторону полицая.

Офицер отпустил его и заговорил с другими военнопленными. Они замахали руками, указывая на полицая.

— Кто есть зачинщик? — выкрикнул комендант.

— Герр комендант! Солдаты говорят, что петь их заставил вот этот мерзавец, — доложил обер-лейтенант, указывая на полицая. — Он грозил им, что не поведёт в казарму и не даст есть, пока они не запоют.

Красная, раскормленная рожа полицая посерела от ужаса:

— Герр комендант!.. Да разве я!..

— Швайн! Русский свинья! — яростно выкрикнул комендант и, выдернув из кобуры пистолет, несколько раз выстрелил в него. Полицай выронил оружие, нагнулся вперёд и, словно переломившись, тяжело рухнул на землю. Комендант в бешенстве выпустил в лежащего ещё несколько пуль, отрывисто сказал что-то по-немецки.

Обер-лейтенант козырнул, обернулся к толпе военнопленных и подал команду:

— В казарму... марш!

Держа равнение, чётко отбивая шаг, колонна промаршировала мимо офицеров.

Комендант зашагал к зданию комендатуры.

Улица опустела. Только возле каменного забора в тёмной луже осталось лежать то, что недавно было злобным, наглым зверем — полицаем Сёмкой.

— Вот какой яд приготовил на бешеного волка Мамед Абдуллаев! — сказала Катя.

Аза взглянула на подругу и поразила её суровости.

ЛИСЬЯ МОРДА

Ночью по городу снова были расклеены листовки, отпечатанные на машинке. В них сообщалось о наступательных действиях Красной Армии, рассказывалось о грабежах, учинённых фашистами. Звучал призыв подниматься на борьбу с захватчиками. Листовки были подписаны «Группа “Рассвет”».

Когда Катя и Аза шли на работу, угрюмые солдаты и полицаи сдирали листки со стен. Но подружки знали, что их уже прочитали, что из дома в дом, с улицы на улицу передавалось их содержание.

После бессонной ночи работать было трудно. Но в сердце пела радость.

Как всегда, в половине пятого работа была закончена.

— Сегодня будем спать, Азочка, — устало проговорила Катя. — Так спать хочется, что пошатывает.

— Отоспимся, — ответила Аза. И вдруг, нагнувшись к Кате, прошептала: — Смотри! Что-то неладно!

Возле забора из нескольких рядов колючей проволоки, у проходной, вместо обычной солдатской охраны, толпились вооружённые гестаповцы в чёрных фуражках и длинных чёрных плащах.

Обыск на этот раз был особенно тщательным. Мужчин заводили в караулку, раздевали, заглядывали в ботинки, ощупывали каждую складку одежды. Женщин обыскивали у ворот. Гестаповец заставил Катю снять полушалок и телогрейку, ощупал косы, грубо шарил по одежде. Он делал своё дело с механическим проворством автомата, будто прикасался к неодушевлённому предмету.

За обыском наблюдал тонконогий офицер гестапо. Его землистое лицо с хрящеватым носом и бегаящими глазами напоминало морду старого хитрого лиса.

Увидев Азу, офицер насторожился и быстро подошёл к девушке.

— Иуд?! Еврейка? — резко спросил он.

— Нет, гречанка! — чуть прищурив глаза, спокойно ответила Аза.

— Имя? Фамилия?

— Аза Григориади.

Гестаповец заулыбался.

— А, значит, вы та самая греческая Афродита, о которой мне рассказывал мой друг гауптман Герст! О, Греция, прекрасная Греция! — нараспев сказал гестаповец. — Какое вино, какие женщины! Страна древних традиций и юных страстей!..

Аза надевала телогрейку, снятую при обыске. Гестаповец скользнул глазами по её лицу.

— Я был бы счастлив, фрейлейн Аза, встретиться с вами, поговорить о чудесной Греции, где я провёл столько солнечных дней. Надеюсь, вы не откажете старому солдату?

Голос гестаповца стал вкрадчивым. Казалось, он мурлыкал, как разнеженный сытый кот.

— Пропустить её, можно не обыскивать! — приказал он, словно не замечая, что обыск уже закончен.

И вдруг выражение лица его изменилось. Улыбка исчезла, губы сжались. Он вытянул голову вперёд, словно приносясь к чему-то.

— Кто это? — спросил он.

Девушки обернулись. Дядя Коля, надвинув на лоб кепчонку, торопливо заворачивал за угол.

— Николай Пи-ли-пенко, механик порта, герр гауптштурмфюрер, — ответил офицер, стоящий у караулки.

— Старательный и преданный работник, — пояснил обер-лейтенант, ведающий восстановлением портовых сооружений.

— Пи-ли-пенко! — повторил гестаповец и медленно отошёл в сторону.

Девушки с тревогой наблюдали за ним. Он стоял, прикрыв ладонью глаза. Тонкие губы беззвучно шевелились.

— Пошли! — сказала Катя.

Охваченные неясной тревогой, девушки зашагали по Набережной к старым турецким воротам.

Дошли до угла. И вдруг сзади, словно удар бича, хлестнул окрик:

— Взять! Шнель!

Аза рванулась вперёд. Катя, схватив за руку подругу, удержала её, заставила идти прежним шагом.

Они свернули за угол. Улица была пустынной.

Через несколько минут мимо девушек, стуча подкованными сапогами, пробежало несколько солдат с автоматами.

— Дело плохо, — прошептала Катя. — За дядей Колей!

— Надо его предупредить! Пошли к Тимохе!

Тимофей Запашный, встревоженный, стоял возле дома и курил. Увидев девушек, он бросил самокрутку и пошёл навстречу.

— Дядя Коля уверен, что гестаповская сволочь опознала его. Этот офицер допрашивал его в Новороссийске. Дяде Коле удалось тогда бежать.

— За ним послали ищеек! — не отдышавшись от быстрой ходьбы, сказала Катя. — Ему надо скрыться!

— Пусть идёт к нам, — предложила Аза. — Я такое место найду! Он там до ночи в безопасности будет.

— Где он сейчас? — спросила Катя.

— Пошёл к себе. Сказал, что надо уничтожить бумаги, — ответил Запашный.

Катя ухватила Тимофея за рукав телогрейки.

— Побежали к нему, Тимоша!

Тимофей взглянул в её побледневшее лицо.

— Завалиться можем...

— Говорю тебе, идём! — выкрикнула Катя. — Нельзя допустить, чтобы такой человек попал в их лапы.

— Не пори горячку, Катюша! — Тимофей потёр ладонью подбородок. — Сделаем так: добежим до Крымской, а там махнём через виноградник деда Сидоренко. Прямо против слесарной мастерской выйдем.

Они побежали через дворы, скользя по размокшей земле, задыхаясь.

— Больше... не могу! — проговорила Аза.

— Уже близко! — ответил, тоже хватая ртом воздух, Тимофей. — За тем забором...

Забор был сложен из плит известняка. Тимофей первым добежал до него, ухватился за гребень, собираясь прыгнуть. И, взглянув на улицу, поспешно пригнулся.

— Опоздали! — выдохнул он.

Девушки осторожно глянули по-над забором.

Возле домика стоял военный грузовик. Из него выпрыгивали солдаты и полицаи. Витька Соколов указывал двум гестаповцам на дверь пристройки.

— Холуй! Мерзавец! — Тимофей сжал кулаки.

Солдаты били прикладами в дверь.

— Там уже никого нет! — прошептала Аза. — Стучите, стучите, проклятые!

Высокий гестаповец в чёрном плаще, висевшем на нём, как на вешалке, подбежал к

окошку пристройки, ударом автомата высадил раму.

Глухо ударил выстрел. Гестаповец всплеснул руками. И медленно, цепляясь за стену, осел на землю.

Несколько автоматов застрочили по двери, захлёбываясь злыми очередями.

Когда они смолкли, из окна опять щёлкнул негромкий выстрел. Один из полицаев уронил винтовку, схватился за плечо.

Автоматы ударили с удвоенной яростью. Рухнула выбитая дверь. Гестаповцы и солдаты ворвались в пристройку. Полицаи трусливо толпились около двери. Опять донеслись автоматные очереди, хлопки pistolетных выстрелов.

Всё смолкло. Немцы вынесли из пристройки и положили в кузов грузовика три неподвижных тела в военной форме лягушечьего цвета. Туда же поместили убитого гестаповца и раненого полицая.

Двое солдат вынесли ещё одно тело. Старые серые брюки, фуфайка... Когда убитого бросили в кузов машины, Катя на какое-то мгновение увидела знакомую голову, окаймлённую венчиком седых волос.

Аза зарыдала. Тимофей смахивал слёзы с глаз.

Катя не плакала, словно все накопившие в ней слёзы высушил огонь ненависти.

— Дядя Коля погиб как герой, как коммунист! — сказала Катя. — Мы должны отомстить за эту смерть. Аза! Тем гестаповцем придётся заняться тебе.

— Хорошо, — ответила Аза.

Она взглянула на Катю. И отвела взгляд, потому что в глазах подруги было столько ненависти, что в них было страшно смотреть.

СКАЗКА О ПЛЕНЁННОМ СОЛНЦЕ

Оцепенение охватило Катю, когда она, простившись с друзьями, направилась домой. Она ощущала и ненависть, и скорбь, и смутное предчувствие надвигающейся опасности, и страшную усталость во всём теле. Окружающее воспринималось как через мутное стекло. Улица... Вырвавшееся из-за туч, по-весеннему яркое солнце... Лужа, отливающая голубизной... Два немецких солдата, идущие размеренным шагом... Щупленькая девчушка, с бледным восковым личиком, кутающаяся в большую порыжелую куртку...

«Что со мной? Не заболеть бы!» — подумала Катя, тщетно пытаясь преодолеть сковывающую ум и тело усталость.

В домике тётушки Шушаник, где теперь жили Соловьяновы, было тихо и грустно. Хозяйка сидела, закутавшись в чёрный платок, потухшим взглядом смотрела в окно. Мать штопала у окна Катин свитер.

— Пришла, доченька? — она подняла любящие, внимательные глаза. — Садись, поешь.

— Не хочу, мама. — Катя сняла платок и стёганку. — Я лягу...

— Да разве ж можно не евши? — забеспокоилась мать и спросила встревоженно: — Случилось что-нибудь?

— Нет, мама, ничего не случилось. Устала я. Очень...

Катя прошла в крошечную комнатку-боковушку, где когда-то спал Самсон. Тётушка Шушаник настояла, чтобы Катя жила здесь.

Раздевшись, ощущая, как тело содрогается в ознобе, Катя сжалась в комочек и укрылась с головой.

Темнота успокаивала. Дрожь проходила. И Катя заснула глубоким сном, похожим на беспамятство. В тёмной пучине сна мелькали смутные видения.

Вот появилось строгое и доброе лицо дяди Коли. Глаза дружелюбно смотрят сквозь стёкла стареньких очков в металлической оправе. Чуть шевелятся губы. Катя знает, что говорит он о чём-то важном. Но слов она не слышит, как ни напрягает слух...

Лицо дяди Коли расплывается в неясном тумане. Появляются кузов немецкого грузовика, бессильно свесившаяся голова, обрамлённая венчиком седых волос, глухой стук тела, брошенного в грузовик. И смеющаяся, длинноносая физиономия гауптштурмфюрера.

Нет, не дядю Колю бросили в кузов лапы солдат! Катя на себе ощущает их безжалостные руки. И летит она в бездонную пропасть...

Катя просыпается. В комнате темно. Наверное, уже глубокая ночь. За окном тишина. Мёртвая, могильная тишина — без шорохов, без собачьего лая. Где-то далеко раздаётся автоматная очередь...

Дядя Коля! Катя остро ощутила, как ей будет одиноко и страшно без этого человека, который советовал, приказывал, иногда отчитывал по-отцовски. Теперь надо всё решать самой!

Правда, дядя Коля как-то сказал ей: «Запомни, Катюша, если со мной что случится, есть в порту человек, моторист Федя».

Но разве может кто-нибудь заменить дядю Колю, с которым Катя чувствовала себя, как с родным человеком? «Как с отцом», — подумала Катя.

Отца она почти не помнила: он оставил семью, когда Катя была маленькой. Но она всегда мечтала о теплоте отцовских рук.

Катя чувствовала, что не может сдержать слёз. Она уткнулась в подушку, чтобы рыдания не услышали мать и тётушка Шушаник.

«Слабая, слезливая девчонка! — упрекала себя Катя. — Размазня, а не подпольщица!»

Она вновь вспомнила, как умер дядя Коля. Уверенно посылал он пули врагам. Он знал: спасения нет. И вёл свой последний бой. Он понимал, что идти домой в мастерскую опасно, смертельно опасно, что надо сразу, как только удалось выйти из-за колючей проволоки, уходить из города. Но в мастерской были спрятаны документы, которые не должны попасть в руки фашистам. И он пошёл в мастерскую.

А Самсон? Горячий, вспыльчивый мальчишка, которого часто ругали в школе за несдержанность. Витька Соколов рассказывал, что и Самсон, и его товарищи подходили к гауптману Герсту и не плакали, не падали на колени, когда дуло пистолета глядело им в глаза.

В школе Катя и её подруги поражались мужеству революционера Николая Кибальчица. Накануне казни он обдумывал принцип реактивного двигателя. Девчонки тогда не совсем верили, что можно победить страх смерти. Теперь Катя увидела людей, победивших этот страх.

Она подумала, что и сама за эти месяцы стала другой, не такой, какой была в школе. Сможет ли она после всего пережитого ходить на танцы, веселиться, улыбаться? Сможет ли она, когда закончится война, жить как прежде?

Скрипнула дверь. Материнская рука погладила мокрую Катину щёку.

— Что с тобой, доченька? Не таись. Ведь я мать. Я пойму! И тебе легче станет...

Катя порывисто обняла мать, прижалась к её груди.

— Мамочка! Сегодня погиб один человек... Фашисты убили его...

Мать гладила Катини волосы.

— Что делать, доченька? Жизнь в него не вдохнёшь. Больно, а жить-то надо. Придёт на фашистов за все их зверства погибель. — Мать помолчала. — Пришла мне на ум одна старая сказка, — снова заговорила она. — Мне ещё бабка-покойница её рассказывала... Хочешь, расскажу?

Кате рядом с матерью стало хорошо и покойно. Она подвинулась к стенке и сказала:

— Ложись со мной, мамочка.

— Ну, слушай! — Мать прилегла на край кровати. — Захватил раз дьявол в полон красное солнышко. Захватил и запер в железный сундук, чтобы оно своим светом не мешало ему творить чёрные дела. Чёрные дела — они всегда темноты требуют и солнца живого боятся... А сундук тот дьявол приковал железными цепями к вершине высокой горы. Льды кругом, снега глубокие, а красное солнышко в железном сундуке томится.

И спустилась на землю вечная темь-хмара. Всю землю затопила. Стали чахнуть без солнца сады и поля. Дети малые тосковали по солнышку... Дьявол да его приспешники радовались темноте и безнаказанно творили свои злодеяния...

И нашёлся богатырь бесстрашный. Иван — крестьянский сын, который не испугался дьявола. Решил он освободить красное солнышко.

...Катя прижалась к матери, притихла, снова почувствовала себя маленькой девочкой. Тихий голос продолжал:

— Пошёл Иван к той горе, на которой томилось в сундуке красное солнышко. Бредёт по тропе узкой в темноте, о коряги да камни спотыкается. Загородило ему дорогу что-то большое, лохматое. Горой высится, зелёными глазами сверкает. И гулким, грозным голосом спрашивает:

— Куда бредёшь, Иван — крестьянский сын?

— В горы, — отвечает Иван. — Хочу людям солнышко вернуть!

Захотало тут чудище:

— Глупый ты, Иван! На погибель идёшь! Как выпустишь солнце из сундука — жить тебе останется всего полчаса. Выйдет солнце, растают льды-снега, захлестнут тебя буйные воды и погубят, не спустишься ты с горы!

— Пускай погибну, зато людей спасу! — отвечает Иван. — Прочь с дороги!

Бросился на врага Иван, и началась промеж них схватка. Иван изловчился, одним ударом глаз дьяволу выбил, другим — второй притушил. Завыл дьявол, отпрянул с тропы. Иван — крестьянский сын мимо него пробежал.

Пробирался он через завалы каменные, шёл сквозь льды-снега к вершине горы, к сундуку заветному.

Добрался — и что было сил рванул крышку с сундука кованого.

Слетела крышка. Вышло солнышко, поднялось на небо, засияло, землю лучами обогрело.

Растопились льды-снега, ринулись потоки неудержимые. Подхватили Ивана, стали бить его о камни острые, швырять в пропасти бездонные...

Так и погиб Иван — крестьянский сын. Сам погиб, а вернул людям красное солнышко, обогрел землю его лучами.

И там, где капли крови Ивана на камни падали, где било его о скалы острые, запылали синим цветом первые весенние цветы. И назвали люди те цветы иванов цвет...

Мать крепче прижала к себе Катю.

— Спишь, доченька?

— Нет, мама, слушаю...

— А слушать больше нечего, доченька, кончилась сказка. Спи, родная! Скоро утро, а тебе рано вставать. И помни: не потушить никому солнца! Всегда найдутся на нашей земле Иваны-богатыри!

Заснула мать. За стенкой спала и тётушка Шушаник. Катя думала о том, что есть в старой сказке мудрая правда жизни, могучая вера в силу и мужество народа.

РАСПЛАТА

Вечер, прохладный и тихий, зажигал над городом мирные звёзды.

Катя и Аза стояли на Набережной, всматривались в тёмное море, по которому к берегу бежали белёсые змейки волн.

Аза прильнула к Кате, и та ощутила лихорадочную дрожь её тела.

— Замёрзла? — чуть слышно спросила Катя.

— Боязно мне, Катюша, — шёпотом ответила Аза.

— Если бы гестапо подозревало нас, этот лис не назначил бы нам здесь свидание. Нет, тут что-то другое.

— Всё равно боюсь... Где хлопцы?

— Караулят поблизости.

— А если нас посадят в машину?

— Будем сопротивляться. Тимоша и Славка подспеют.

В этот вечер всех девушек задержали на складе. Нужно было загрузить тюками с обмундированием несколько машин.

К проходной подошли в сумерки. К Азе и Кате шагнул улыбающийся Генрих Газе.

— О, милые девушки! У меня есть к вам интересный разговор. Прошу подождать на Набережной.

Светящиеся змейки волн всё бежали и бежали к берегу.

— А если нам уйти? — спросила Аза.

— Притащат под конвоем...

Под откосом затрещали кусты. Послышался приглушённый голос:

— Не бойтесь! Это я, Славка!

— Что случилось? — отозвалась Катя.

— Меня Тимоша прислал. За углом стоит машина. Возле неё трое фрицев и Стёпкин. Тимоша разузнал, что вас к нему домой повезут.

— Никуда я не поеду! — сказала Аза.

По Набережной скользнул луч фонарика. Славка бросился в кусты. Голос гестаповца проговорил:

— Вот вы где!

Катя крепко сжала трепещущую руку Азы.

Фонарик погас.

— Пройдёте к машине! — Гауптштурмфюрер взял Азу под руку. — Зигфрид! Прошу тебя, будь галантным кавалером.

Катя почувствовала, как второй гестаповец подхватил её под руку.

— Зачем машина? Куда вы?.. — Аза пыталась вырвать руку.

— О, не надо сопротивляться! — Газе рассмеялся. — Мы просто хотим побеседовать с прекрасными русскими девушками в интимной обстановке.

— Тогда другое дело! — игриво сказала Катя. — Моя подруга решила, что вы хотите арестовать нас.

— Мы подвергаем аресту только виновных. Вы, я надеюсь, ни в чём не виноваты перед великой Германией?

— В чём же мы, девчонки, можем провиниться? — спросила Аза.

— О, вы виноваты в том, что ваши чёрные глазки поражают сильнее русских пуль. Прошу в машину!

Газе распахнул дверцы автомобиля и что-то отрывисто сказал автоматчиком. На мгновение внутри зажглась электролампочка. Девушки рассмотрели, что рядом с пустующим местом шофёра, надвинув кепку на глаза, сидит человек.

— Всё в порядке, Стёпкин? — спросил Газе, усаживаясь за руль.

— Так точно, господин гауптштурмфюрер.

Машина мягко тронулась с места.

Обернувшись, Катя заметила очертания мотоцикла с коляской.

Гестаповец, сидящий рядом с Катей, сказал:

— Катюша — хорошее имя. И песня «Катюша» хорошая...

— У нас всё хорошее, — ответила Катя, сдерживая нервную дрожь.

— О, нет! — воскликнул гестаповец. — Русский партизан — очень плохо! Русский мороз — тоже плохо...

Машина остановилась. Первым из неё выскочил Стёпкин и услужливо распахнул дверцу.

«А мотоцикла нет!» — с радостью отметила Катя.

По дорожке, вымощенной кирпичом, направились в глубь двора, к тёмному и молчаливому дому.

— Прощу! — сказал Стёпкин, открывая дверь.

Через веранду девушки прошли внутрь дома. Гестаповцы следовали за ними.

В большой комнате, возле старого дивана, был накрыт стол, ярко освещённый висячей керосиновой лампой.

Катя огляделась. Большие глаза Азы с надеждой смотрели на неё.

«Надо ободрить Азу!» — подумала Катя. И воскликнула:

— И консервы, и колбаса! Мы так давно этого не видели!

— Если пожелаете, всегда будете иметь такие продукты, — ответил Газе, усаживая Азу на диван. Сам он сел рядом. — Здесь, на этом столе, виден путь непобедимой германской армии. Коньяк из Франции, датский окорок, норвежская рыба, голландский сыр. Выпьем за нашу победу!

Зигфрид разлил вино в рюмки.

— За нашу победу, — повторила Катя. Она выпила и закашлялась. Зигфрид подал ей бутерброд.

— Давайте прежде займёмся делом! — поставив на стол пустую рюмку, сказал Газе. — Как говорится по-русски, делу время, а... развлечениям час... — Он недовольно взглянул на торчащего у двери хозяина дома. — Стёпкин, вы обещали угостить нас экзотическим блюдом?

— Так точно, господин гауптштурмфюрер!

Стёпкин исчез за дверью.

— Закусывайте! — Газе вновь наполнял рюмки. — И прошу ответить мне на вопрос. Вы знаете такую — Клавдия Торсина?

Аза бросила испуганный взгляд на подругу.

Катя положила бутерброд и, словно припоминая, переспросила:

— Торсина? А, Клава Торсина! Знаю.

— Как вы считаете, может она быть причастной к печатанию листовок? — спросил Газе, любуясь золотистыми отсветами коньяка.

— Куда ей! Она слишком легкомысленная. — Катя рассмеялась. — Ей бы только танцевать.

— Может быть... — Газе наклонил голову. — Теперь вопрос о вас, Катя Соловьянова...

— Пожалуйста.

— Есть такие сведения, что вы перед приходом германских войск просились в партизанский отряд.

— Правильные сведения, — Катя улыбнулась. — Просилась. Да мне сказали — соплячек не берём.

Газе тяжёлым взглядом ощупывал лицо девушки. Зигфрид молча глушил коньяк рюмку за рюмкой.

— Так! — проговорил Газе. — Ваш ответ совпадает с нашими сведениями. Но этот поступок плохо характеризует вас, Катя Соловьянова. Я хочу, чтобы вы доказали свою лояльность.

Катя спросила не сразу:

— Как?

— Вам придётся снова уйти в горы. К партизанам. И опять попроситься в отряд.

— А потом?

— А потом к вам придёт наш человек.

«Что мне делать? — думала Катя. — Что делать? Согласиться? Может быть, удастся узнать имя предателя в отряде... А мама? Маме нужно заранее уйти».

— Разрешите подумать, господин гауптштурмфюрер, — сказала она.

— Думайте! — Гестаповец кивнул. — Думайте. Два дня. — Он поднял рюмку. — За русских девушек!

Выпив коньяк, он обнял Азу.

— Немного ласки, прекрасная фрейлейн!

— Нет, не нужно! — сопротивлялась Аза.

Газе отпустил девушку.

— Куда девался Стёпкин? Где его осетрина? Узнайте, Зигфрид!

Зигфрид поднялся и, пошатываясь, вышел.

— Нам пора домой, господин офицер! — сказала Аза. — Нас ждут.

— Я думаю, сегодня вас не дождутся! — рассмеялся Газе.

«Что делать?» — лихорадочно думала Катя.

Она взяла за горлышко бутылку коньяка и сделала вид, что разглядывает этикетку.

В сенях послышался шум.

— Вот и осетрина! — воскликнул Газе.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Тимофей с парабеллумом.

— Руки вверх! — крикнул он.

Гауптштурмфюрер рывком притянул к себе Азу, загоразиваясь ею. Его рука рванула из кобуры пистолет.

И тогда Катя изо всех сил ударила фашиста по голове бутылкой. Бутылка разлетелась.

Газе взмахнул руками и откинулся на спинку дивана.

Тимофей метнулся к столу и три раза выстрелил в гестаповца.

— Бежим, девчата! — скомандовал он.

— А другой? А Стёпкин? — спросила Катя.

— С ними управились без шума. Бежим! — Тимофей пистолетом сбил лампу на стол.

По скатерти метнулись огненные змейки.

ЦЕНА «ДОВЕРИЯ»

Виктор Соколов, чисто выбритый, в отутюженном мундире без погон, в начищенных сапогах, взглянул на часы. Оставалось девять минут. Гауптман Герст во всём требовал абсолютной точности. Впрочем, сам Герст тоже был точен, как машина, и гордился этим.

Сотрудники абверкоманды отлично знали распорядок дня своего начальника. Ровно в восемь утра Герст начинал рабочий день.

Сейчас в распорядке дня было то время, которое абверовцы между собой называли «кошачьими минутками». Задребезжал школьный колокольчик, и со всех сторон — с крыш, через высокий глухой забор из подворотни — к окну гауптмана Герста ринулись бродячие кошки. Рыжие, чёрные, дымчатые, белые... Повар абвер-команды каждое утро лично доставлял начальнику говяжью или свиную печень, разрезанную на одинаковые куски.

Соколов знал, что разговор будет не из приятных. Всё ещё не раскрыто дело со взрывом склада в порту. В городе по-прежнему появляются листовки, призывающие к борьбе против фашизма, распространяются сообщения Совинформбюро. А позавчера ночью неизвестные уколошили гестаповцев. Господин гауптман, очевидно, не очень опечален гибелью своего друга — он подозревал, что Генриха Газе гестапо направило в Анапу, чтобы натянуть нос абверу.

«Чёрт с ним! Если будет нажимать, выложу ему козырь с Клавкой Торсиной», — решил Соколов.

Он всегда так действовал: не лез с сообщениями, но, когда на него нажимали, выставлял очередную жертву.

«Долго он ещё будет тешиться своей кошачьей блажью?» — подумал Соколов.

У открытого окна гауптмана крутилась стая кошек.

— Я вас вижу, Соколов, не прячьтесь! — негромкий голос Герста хлестнул бичом. — Идите сюда!

«Чёрт меня дёрнул выглянуть!» — подумал Витька.

Гауптман стоял у окна без мундира, в белой рубашке, заправленной в офицерские брюки.

— Подойдите! — не оборачиваясь, сказал Герст.

Кошки мяукали, задрав разномастные хвосты. Гауптман рукой, обтянутой тонкой резиновой перчаткой, брал с блюда куски печёнки и бросал им.

— Их уже двадцать три, Соколов!

Витька с удивлением заметил улыбку на лице гауптмана.

— А было семь! Скажите, Соколов, откуда эти бессловесные создания узнают, что звон моего колокольчика зовёт их на завтрак? Сколько первобытного огня пылает в их глазах! Они в своей звериной естественности прекрасны. Правда, Соколов?

— Так точно, герр гауптман! — ответил Витька.

Герст взглянул на часы, сбросил с блюда оставшуюся печёнку в кошачью стаю и закрыл окно.

— Пора! — сказал он, стягивая перчатки. — Заходите, Соколов.

Надев и застегнув на все пуговицы мундир, он подошёл к столу, уселся в кресло и махнул рукой:

— Садитесь, Соколов!

Витька сел в мягкое кресло, стоящее сбоку стола, но под ледяным взглядом Герста чувствовал себя неудобно.

С соседнего кресла на него пялил янтарные бесстыжие глаза огромный рыжий кот.

«А недавно кот был чёрный!» — подумал Соколов.

И, словно отгадав его мысли, Герст сказал:

— Как видите, у меня новый друг. Его зовут Фанер, огонь... Он похож на тигра. Вчера он изловил пять мышей.

— Да, удивительно красивый кот, господин гауптман! — сказал Соколов.

— А вас не интересует, куда девался его предшественник? — прищурив глаза, спросил Герст. — Я его убил. Он очень избаловался... Очень. Перестал выполнять свои обязанности. Я не мог допустить такого бесполезного существования. У меня принцип: вредный и бесполезный должен быть уничтожен!

— Я понимаю, герр гауптман!

— Нет. Вы не понимаете, Соколов! — Герст поднялся с кресла.

Соколов вскочил и замер.

— В последнее время вы очень плохо работаете... Очень! — холодно сказал гауптман. — Я недоволен вами. Пьянствуете. Бездельничаете. Ни один из советских диверсантов не пойман. Они наглеют с каждым днём. Убийство гауптштурмфюрера — верх наглости. Что скажете, Соколов?

— Я... Я согласен с вами, герр гауптман! — обливаясь потом, пробормотал Витька.

Каждый раз при разговоре с Герстом он чувствовал себя кроликом перед безжалостной змеей.

— Мне мало вашего согласия. Мне нужны ваши конкретные дела. Я сделал вас руководителем русской полиции. Ваша задача — нащупать ниточку, ведущую в советское подполье. Доверие надо оправдывать, Соколов. Вы понимаете?

— Так точно... герр гауптман... — Соколов пытался, но не мог сдержать в голосе трусливую дрожь.

— Нащупать кончик этой нити, ведущей к подполью, обязаны вы, Соколов, именно вы и ваша агентура. Вы — русский, вы знаете местные условия...

Герст умолк, не отводя взгляда от лица Соколова.

— Я не бездействую, герр гауптман! — воскликнул Витька. — Честное слово, не бездействую! Мне кажется, я нащупал кончик нити, ведущей к убийству нашего агента Яринова...

— Интересно! — оживился Герст.

— Мне стало известно, что Яринов ухаживал за Клавдией Торсиной, машинисткой из «трудовой организации». Мой человек слышал, как Яринов угрожал Торсиной — если она не придёт к нему, он выдаст её нам. На следующее утро Яринова нашли повешенным.

— Доказательства слабые! — Герст перелистал алфавитную книжку. — Так! Тор-сина Клав-дия. Она интересовала не одного Яринова. И как будто она не так уж недоступна... Впрочем, такой экземпляр, как Яринов, вряд ли мог заинтересовать настоящую женщину. Нет, версия ваша не выдерживает дуновения ветерка.

— Это ещё не всё, герр гауптман! — Соколов обогнул письменный стол. — Взгляните, — он протянул Гауптману помятую бумажку.

— Вижу. — Герст пожал плечами. — Одна из листовок...

— А это? — Соколов положил на стол ещё одну бумажку с машинописным текстом.

— Это? Инструкция «трудовой организации».

Герст несколько минут сличал бумаги.

— Вы хотите сказать... Оба текста напечатаны на машинке «Грома»? Да, нам известно, что подпольщики печатают свои листовки на машинке, похищенной из «трудовой организации». За это несколько солдат и два чиновника организации были отправлены на фронт.

— И это не всё, господин гауптман, — уже смелее заговорил Соколов. Герст с интересом рассматривал оба листа. — Взгляните. В тексте листовки допущены две ошибки: вместо «развивается» написано «развиваестя», вместо «продолжается» — «продолжаестя». Аналогичные опечатки повторяются и в инструкции «трудовой организации». Здесь тоже сочетание букв «тс» напечатано наоборот. Мною установлено, что документ печатала Клавдия

Торсина. Подобные опечатки она допускала и в других документах...

Герст одобрительно кивнул головой.

— Вы умнее, чем кажется. Но... Почему вы молчали?

— Копался в документах, господин гауптман, искал доказательства.

— Так. — Герст кивнул головой. — Установите, где живёт Торсина.

— Установлено. Она живёт со стариком отцом и двухлетней дочкой.

Подобие улыбки скользнуло по губам Герста.

— Похвально, Соколов! В вас есть чисто немецкая обстоятельность. Прикажите, чтобы Клавдию Торсину доставили сюда.

— Слушаюсь! — Соколов шагнул к двери.

— Подождите. Пусть доставят и её дочку...

КЛАВДИЯ ТОРСИНА

Гауптман Герст прошёл по асфальтированной дорожке к левому крылу здания. За ним, чеканя шаг, следовали два солдата.

Гауптман взбежал по деревянным ступеням. И в этот момент из помещения донёсся протяжный женский крик. Герст открыл дверь, обогнул коридорчик и вошёл в комнату.

Эту комнату абверовцы называли «детской», потому что её стены были расписаны фигурами персонажей из детских сказок. По полю шла Красная Шапочка, а за нею крался зубастый волк, Иван-царевич искал пропавшую стрелу, Алёнушка бежала за гусями, уносящими Иванушку... Теперь в этой комнате учинял допросы обер-лейтенант Раусс, бывший чиновник криминал-полиции. Внизу стены были заляпаны бурыми пятнами. В окно вделана решётка. Раусс утверждал, что забавные рисунки на стенах расслабляюще действуют на психику допрашиваемых.

Сейчас обер-лейтенант стоял спиной к двери, широко расставив ноги и чуть нагнув круглую, коротко стриженную голову. Руки, большие, с засученными по локоть рукавами, были за спиной. В одной — проволочная плеть. Перед ним, прикрываясь перевёрнутой табуреткой, скорчилась на полу женщина. У окна, за столиком с бумагами, сидел Витька Соколов.

Увидев гауптмана Герста, он вскочил. Раусс обернулся и, щёлкнув каблуками, застыл по стойке «смирно», вскинув тяжёлый подбородок.

Герст неторопливо прошёл к столу и сел.

— Как наши дела? — спросил он.

— Арестованная Клавдия Торсина заявляет, что по делу ничего сообщить не может. Ссылается на то, что подобные ошибки допускают и другие машинистки.

Герст остановил его движением руки:

— Поднимите её! Посадите! Ближе к свету.

Один из пришедших с ним верзил-абверовцев быстро выполнил приказание.

Глаза гауптмана уставились на женщину.

— Должно быть, фрейлейн не понимает, где она находится, — голос его звучал спокойно. — Должно быть, она не догадывается, что нам всё известно. Вы говорили ей, Раусс, что утверждают её сообщники? Вы не только печатали листовки, но и являлись руководителем подпольной группы. Вы слышали об этом, Торсина?

Лицо Клавдии казалось мёртвым.

— Я... ничего... не знаю...

— Вы ведёте глупую игру, Торсина, — продолжал Герст. — Вы погибнете. И погубите своего ребёнка.

Обезумевшие от ужаса и боли глаза Торсиной налились слезами. Она повторила:

— Я... ничего... не знаю...

— Где её дочь? — спросил гауптман у Раусса.

Обер-лейтенант вышел из комнаты.

— Ещё раз советую вам рассказать правду, — продолжал Герст. Голос его звучал ровно. Раусс внёс голубоглазую русоволосую девочку. Она беззвучно всхлипывала, озираясь по сторонам.

— Алёнка! Алёнушка! — вскрикнула Торсина и хотела броситься к девочке. Но один из абверовцев перехватил её.

— Славная девочка! Мне жаль её. Очень жаль. — Герст взял со стола кусачки и поднёс их к лицу Торсиной.

— Вы знаете, что это такое?

Торсина смотрела на них безумным взглядом.

— Если в щипцы взять пальчик, маленький детский пальчик, и чуть надавить... Когда ваша дочь вырастет, она, у которой не будет на руках пальчиков, станет проклинать упрямство своей неразумной матери.

— Нет! Вы не сделаете этого! Вы ведь человек! — крикнула Торсина.

Улыбка скользнула по лицу гауптмана.

— Нет! Нет! — Торсина забилась в цепких руках.

Девочка сморщилась, собираясь заплакать.

Герст пожал плечами.

— Успокойте её, Раусс, — приказал он.

Обер-лейтенант наотмашь ударил Торсину ладонью по щеке и рявкнул:

— Молчать!

Второй абверовец, повинувшись кивку Герста, взял щипцы и подошёл к девочке.

— Так что?.. — спросил гауптман.

— Я не знаю! Ничего не знаю! — выкрикнула женщина.

Девочка дёрнулась на руках абверовца и громко заплакала.

— Я скажу! Я всё скажу! Я больше не могу! Только умоляю вас — не надо!

Витька Соколов побледнел и потянулся к графину с водой.

— Ну! — повысил голос Герст. — Кто организатор взрыва? Как фамилия диверсанта?

— Я его не знаю... Какой-то Каширский. Кажется, Вадим Каширский.

Абверовец вынес ребёнка из комнаты.

— Кто руководит группой «Рассвет»?

— Соловьянова... Катя...

От взгляда гауптмана не ускользнуло, как вздрогнул Соколов.

— Что с вами, Виктор? Вам знакомо это имя? — спросил Герст.

— Так точно, господин гауптман! — Соколов вскочил с табуретки. — Соловьянова училась со мной в школе.

— Плохо вы знаете одноклассников, Соколов! — сказал Герст. И повернулся к Клавдии: — Продолжайте!

Допрос заканчивался, когда в комнату вернулся абверовец, унесший ребёнка. Герст бросил на него беглый взгляд. Абверовец кивнул.

— Где моя девочка? Почему он не принёс её? — Торсина бросилась к двери.

— Сейчас вы пойдёте к вашей дочери, — сказал гауптман Герст. — Подпишите вот здесь и здесь!

Пошатываясь, с полузакрытыми глазами, Клавдия Торсина подошла к столу.

Виктор Соколов посмотрел на неё и поразился: у стола стояла старуха с угасшими глазами...

— А теперь... теперь мне можно к ней? Где она? — спросила Торсина.

— Да! — гауптман обернулся к абверовцу. — Курт! Где девочка?

Курт вздохнул:

— Герр гауптман! Девочка умерла от шока. Доктор ничего не мог сделать.

— О-ох! — простонала Торсина, вскидывая руки. — Вы убили её! Убили!

Она стремительно перегнулась через стол и впиалась ногтями в лицо Герста.

Ударил выстрел. Торсина схватилась за грудь. Ноги её подломились, и она рухнула на пол.

— Доннер веттер! — выругался гауптман. — Проклятая страна! Проклятые люди! Их всех нужно уничтожить, как взбесившихся зверей!

Белоснежным платочком он стал вытирать кровь со щёк.

АРЕСТ

В подземной камерке было сыро и холодно. Пахло гарью. Красноватый свет керосиновой лампы падал на стены, и они поблёскивали выступившими из пор мельчайшими водяными каплями.

— Ну и холодуха у нас, прямо как в леднике! — сказала Аза.

Славка и Тимоша, склонившись над столом, возились с немецкой миной, ввинчивая и вывинчивая поставленный на предохранитель взрыватель.

— Да, паровое отопление у нас пока не оборудовано, — отозвался Тимоша и спросил: — Ну, как?

— Теперь, когда тавотом смазал, пошли как по маслу, — ответил Славка.

— Хватит, хлопцы! — сказала Катя, сидевшая возле приёмника. — Оставьте мину в покое, а то отправите всех в поднебесье.

— Не отправим! — пробасил Тимоша. — Теперь мы с минами, как с бутылкой газировки управляемся. Владька — учитель мировой.

— Почему его до сих пор нет? — встревожилась Катя. — И Клавдия запропала...

— Ну, Владька часами пока не обзавёлся. А у Клавдии, сама знаешь, ребёнок.

— Придут, — сказала Аза.

Катя взглянула на часы.

— До сводки Совинформбюро десять минут. Аза! Запишешь сводку. Придёт Клава — перепечатаете. А мы с ребятами и Владькой попытаемся сегодня заминировать въезд в порт. Завтра машины за обмундированием должны прийти, надо обеспечить им достойную встречу!

Аза кивнула.

— Ну, а ты? Ходила сегодня к азербайджанцам? Мамеда видела? — спросила она.

Катя вздохнула.

— Не попадёшь сейчас к ним, кругом завода часовые понаставлены, у забора караульные вышки выстроили. Настоящий концлагерь!.. Жалко Мамеда!

— Осторожней! — Тимоша подхватил взрыватель, чуть не выпавший из рук Славки. — Тебе, дружок, быкам хвосты крутить, а не с взрывателем управляться.

— Не ворчи, часовых дел мастер! — рассмеялся Славка. Он схватил обеими руками Тимошину руку и потрянул ею. — Посмотрите, девчата, на этот ювелирный инструмент!

Рука Тимофея была могучая, с широкой ладонью и крепкими пальцами.

Тимофей добродушно проворчал, выдёргивая руку:

— Хватит чудить, конферансье-любитель!

— А что, друзья! — воскликнул Славка, и на лице его появилась мечтательная улыбка.

— Теперь уже недолго ждать осталось. Скоро зададут фашисты дёру. Придут наши. И мы для бойцов мировой концерт организуем! Я буду конферансье — красивый, нарядный...

— Красивый из тебя не получится, — буркнул Тимофей.

— Подожди, Тимоша! Мы с тобой, как придут наши, наденем новые костюмы — солдатские. И вот я выйду на сцену и объявлю: «Следующим номером нашей программы выступает тяжеловес Тимофей Запашный! Соло на фашистской мине!»

— Трепач-одиночка, — проворчал Тимофей.

— А ты что будешь исполнять, Аза? А, знаю. Ты будешь петь «Цыганочку Азу». Катюша, как тогда, в школе, будет читать «Песню о Буревестнике».

Катя улыбнулась. Но осталась морщинка у бровей, и в глазах не исчезло выражение тревоги.

«Как она изменилась!» — подумал Славка.

— Не знаю, смогу ли читать стихи, — с грустью сказала Катя и, точно обрывая тяжёлые мысли, тряхнула головой. — Но где же ребята?.. Делаем так: Аза принимает сводку. Тимоша идёт к Клавдии. Узнаешь, почему она запаздывает. Будь осторожен, Тимофей... Мы со Славой идём за Владькой.

— Всё ясно, Катюша! — Аза кивнула головой.

Катя и Слава вышли в коридорчик. Тимофей замешкался, укладывая взрыватель от мины.

— Бывай, Азочка! — он кивнул курчавой головой. — Смотри, сводку не проспи.

— Проспишь в такой холодине!

Поёживаясь от пронизывающей сырости, Аза приготовила карандаш и бумагу.

Подмигивал, переливался зелёный глазок. Из приёмника неслись шумы многоголосого мира. Аза взялась за ручку настройки. Светящаяся шкала цифр поползла вниз. Кто-то торопливо бубнил по-немецки, где-то вкрадчиво пели гавайские гитары.

Аза совместила красную карандашную чёрточку на шкале со стрелкой указателя. Москва пока молчала. Только слышался неясный шум большого города.

И в это мгновение где-то рядом бухнул выстрел. Второй!.. Разноголосо ударили автоматы.

Аза вскочила и заметалась по каморке. Схватила автомат и сейчас же отбросила его. Выхода не было. Ей стало страшно от мысли, что ещё несколько минут и — конец.

Аза усилием воли преодолела страх. Движения её стали чёткими и осмысленными. Она взяла трубочку взрывателя, ввернула её в гнездо. Приподняла тяжёлую мину и положила её на стол. Вырвала из взрывателя предохранительную чеку...

Автоматы загрохотали совсем рядом. Слышно было, как звенели и визжали пули, отскакивая от котельного железа.

Распахнулась дверь. В тёмном проёме мелькнули стволы автоматов, напряжённые лица, чёрный, зловещий крест на чьей-то груди...

Немцы столпились в дверях.

Комнатка, освещённая керосиновой лампой... Старый радиоприёмник со светящимся зелёным глазком... Пишущие машинки... За столом бледная девушка, смотревшая на них большими тёмными глазами...

Тишину нарушил уверенный голос:

— Говорит Москва! От Советского Информбюро...

— Взять! — крикнул офицер.

Солдаты ринулись в каморку.

Девушка шевельнулась.

Гулкий взрыв взметнул над развалинами санатория огромный чёрный столб.

«А СОЛНЫШКО БУДЕТ СВЕТИТЬ!»

Над городом, над морем, над горами сияло солнце. Оно было по-весеннему ярким и щедрым. Высокое небо отливало густой синевой. Первые робкие травинки тянули к солнцу ростки. И хотя календарь ещё показывал зиму, в город, как это часто бывает в южных черноморских краях, уже заглядывала весна.

Катя Соловьянова, пошатываясь, брела по залитой солнцем улице. Её избитое, истерзанное тело словно наливалось силой от порывов морского ветерка. Прояснилось затуманенное болью сознание. Каждый шаг давался с трудом. Казалось, каждая клеточка тела была полна боли. Но особенно мучительно и остро болела голова...

Абверовские палачи накидывали на голову девушки ременную петлю, вставляли под неё палку и закручивали. От пытки мозг сжигало пламя, кровавые зарницы полыхали в глазах. Временами Катя погружалась во тьму. Её обливали водой, и она снова видела гауптмана Герста и слышала его голос:

— Скажите, с кем вы связаны? Назовите ваши связи в городе, в казармах военнопленных. И мы отпустим вас.

За время допросов Герст ни разу не крикнул. Холодная его жестокость была страшнее бешеных ругательств и побоев палача Курта.

Утром её ввели в сарай.

Подтянутые за вывернутые руки, уронив головы, около стены висели два человека.

Только по седине поникшей головы Катя узнала мать. Она бросилась к ней, но Курт ударом отшвырнул её в угол. Второго мученика Катя сначала не узнала...

— Вот, фрейлейн, я хочу вам показать ваше близкое будущее, — сказал гауптман Герст. — Впрочем, вы можете спастись сами и спасти этих людей. Вы будете говорить?

Катя молчала, до крови закусив губу.

— Курт, — отрывисто проговорил гауптман.

Курт прошёл в угол сарая, поднял метровую железную трубу и потряс ею, словно испытывая прочность.

— Минуту, Курт! — Герст взял из рук палача дубинку. — Наше изобретение служит для умерщвления врагов рейха. — Гауптман приблизился к подвешенному человеку. — Может быть, вы всё же изменили решение? — Голос гауптмана звучал по-прежнему ровно.

Человек с трудом поднял голову. С чёрного, залитого запёкшейся кровью лица блеснули знакомые глаза. Славкин голос проговорил:

— Чтоб ты сдох, фашист проклятый! — И голова бессильно упала.

Герст передал трубу Курту и отошёл в сторону. Палач отступил назад, размахнулся...

Катя потеряла сознание. Когда она вновь открыла глаза, Славки не было. Курт стоял около сухонькой фигурки, бессильно обвисшей на верёвке.

— Ну! — сказал Герст, подойдя к девушке.

Боль, терзавшая тело, исчезла. Осталась только невыносимая, мучительная тоска. Катя беззвучно плакала. По мокрому полу она поползла к матери, приговаривая, словно в бреду:

— Мапочка! Что мне делать? Мапочка!

Седая голова шевельнулась, и Катя услышала:

— Терпи, Катюша.

Палач взмахнул дубинкой...

Очнулась Катя возле караулки, установленной неподалёку от древних ворот крепости. Возле неё никого не было. Солнце, большое, горячее, заглядывало ей в лицо. Хотелось пить.

С трудом поднявшись с земли, Катя побрела по улице. Сознание мутилось от боли, глаза застилало красное пламя.

«Неужели я жива? Почему они выпустили меня? — подумала Катя. — Почему не убили?» Мысли путались, действительность сменялась бредом.

...Вот она идёт с ребятами по горной тропинке с рюкзаком. Но почему так тяжёл рюкзак? Почему так нестерпимо болят плечи? Дорогу затягивает пламя. Его палящие языки лижут ноги, ударяют в глаза. Но Катя продолжает идти и идти...

И снова пустая улица, залитая солнечным светом. И дворы пусты, словно во всём городе не осталось ни одного живого человека.

«Их всех убили! — мелькнуло в пылающем мозгу. — Их убили железной дубинкой, залитой свинцом...»

И вдруг Катя догадывается, почему её выпустили. Фашисты задумали сделать её приманкой, червячком, на которого клюнет крупная рыба. Фашисты бросили её на улице, чтобы она, оглушённая пытками, пошла к самым близким людям, навела на след, на явки, указала дорогу к мотористу Феде... Нет, ей нельзя терять сознание, нельзя!

Катя припадает к забору. Камни влажны от ночного тумана и приятно холодят пылающее тело.

Как хочется пить! Если она напьётся, погасит пламя, пылающее в больной голове!..

— Пи-и-ить...

— Сейчас, Катюша, сейчас, милая! — раздаётся из-за каменного забора. — Что они сделали с тобой, изверги!..

«Кто это?.. Аня Владимировна... Это она с кружкой бежит к калитке...»

Катя вскидывает голову, отгоняя беспамятство. И тихо говорит Ане:

— Не подходи, Аня! За мной следят... Иди в дом скорее...

Сделав невероятное усилие, Катя отрывается от забора и, пошатываясь, идёт дальше. На углу улиц она падает.

— Пи-ить, пи-ить! — в беспамятстве просит девушка.

Со скрипом раскрывается калитка, на улицу выходит старуха. В руках у неё кружка. Прихрамывая, старуха подбегает к Кате, склоняется над ней, приподнимает ей голову и даёт напиток. Катя пьёт, захлёбываясь. Прижимается к костлявому плечу старухи, шепчет:

— Мама! Мамочка!

Старуха ставит на землю кружку, гладит Катю по волосам и тоже нашёптывает ей ласковые слова...

— Нельзя, бабка! Пошла отсюда, старая ведьма! — кричат набежавшие полицейские.

Дюжий немец толкает старуху сапогом, и она падает рядом с Катей.

Из-за угла показывается крытый грузовик. Переваливаясь на ухабах, машина подходит ближе.

— Фертиг? Готова? — спрашивает офицер, сидящий в кабине рядом с шофёром.

— Жива, господин лейтенант!

— В кузов!

Полицейские поднимают Катю с земли.

И предатель Соколов, который топчется около несущих Катю полицейских, с ужасом видит, что девушка улыбается. Замечает эту улыбку и старуха. Она семенит за полицейскими, несущими Катю к машине, и слышит слова, которые шепчет девушка:

— А солнышко-то светит... И будет светить.

ГРУППА «РАССВЕТ» ДЕЙСТВУЕТ

Был один, не замеченный фашистами, свидетель ночной операции в развалинах взорванного санатория. Белобрысый мальчишка в старых матросских ботинках, стёганом бушлате и шапке-ушанке подошёл к разбитому зданию санатория в тот момент, когда из фыркающих грузовиков стали выскакивать немецкие солдаты. Мальчишка, именно потому, что он мальчишка, не ушёл из опасного места, затаился в развалинах бывшего санаторного пищеблока.

Владика Каширина спасло то, что он опоздал на явку. Тётка Меланья не пустила его «шататься по ночам». Она заперла дверь и вытащила ключ. Пришлось ждать, пока тётка заснёт, выбираться через окно.

Как жалел Владик в эти минуты, что не захватил с собой парочку «лимонок» или хотя бы тяжёлый пистолет из своего потайного арсенала, устроенного в старом дзоте! Когда Катя обнаружила у него одну такую гранату, она решительно заявила, что отчислит его из боевой группы, если он будет ходить с оружием.

У входа в подвал раздались приглушённый крик, возня. Грохнул пистолетный выстрел, застучали автоматы. И вдруг в недрах развалин ударил взрыв. Столб красноватого пламени метнулся в небо.

Владика чуть не придавило каменной плитой, отброшенной взрывом. Градом забарабанили осколки.

«Это мины! Те самые, противотанковые, которые мы должны были заложить на дороге!» — догадался Владик.

Он знал, что после такого взрыва в подвале не может быть живых. И заплакал от горя, боли, ненависти.

Ловкая мальчишеская фигурка тенью проскользнула мимо патрулей, через огороды и виноградники к домику на окраине Анапы.

В своей крошечной комнатухе Владик засветил плошку с вонючим жиром, достал из тумбочки склянку с чернилами, тетрадку, ручку.

Чернила пересохли. Владик зачерпнул в сенях кружку воды из макитры. Заглянул на кухню. Тётя Меланья и Лара спали на кровати возле печки.

Вернувшись в комнатуху, Владик развёл чернила водой, вырвал из общей тетради десяток листов в клеточку и перочинным ножом аккуратно разрезал их пополам.

Что писать? Листовки должны быть короткими. Иначе он не успеет приготовить их к утру. Владик попробовал перо и начал работу.

«Товарищи! — написал он печатными буквами. — Наши уже близко! Бейте фашистских гадов! Группа “Рассвет”».

Склонив белобрысую голову, Владик перечитал листовку и принялся за другую.

Мальчик не знал, сколько времени просидел за столом. Глаза у него стали слипаться, буквы расплываться, словно в тумане.

Владик пересчитал листовки. Их было шестнадцать. «Хватит пока», — решил он.

Достал баночку резинового клея, «позаимствованного» у оккупантов для ремонта старых ботинок тётушки Меланьи.

Через полчаса тёмная фигурка скользнула мимо часовых. Первую листовку Владик наклеил возле порта.

Домой он добрался перед рассветом и, обессиленный, свалился на кровать.

Разбудила его тётка Меланья. Было уже около одиннадцати. Через окошко в комнату заглядывало солнце.

— Вставай, Владик, вставай, милый! Хорошо, что я тебя вчера никуда не пустила. Ночью фашисты, говорят, подпольщиков ловили. Подпольщики опять что-то взорвали. И листовки

снова по городу расклеены.

После скудного завтрака Владик прежде всего забежал в свой «арсенал» в винограднике. Дзот был разбит взрывом. Вокруг него находилось минное поле, и никто, кроме него, не ходил сюда. Проверив своё хозяйство, Владик побежал в центр города.

Заложив руки в карманы старых штанов, Владик лениво брёл по базару. На дощатой стене одного из ларьков оставался след листовки. Тут же была наклеена голубоватая бумага с печатным текстом и изображением орла, державшего в когтях свастику. Рядом стоял полицейский.

Владик с независимым видом стал читать немецкую листовку.

Комендатура разыскивала «советского диверсанта Вадима Каширского, высаженного в Анапу большевистской разведкой», и обещала за выдачу диверсанта деньги и продукты.

«Интересно, фамилия подпольщика так похожа на мою! — подумал Владик. — Вот бы найти этого человека! Мы бы с ним дали фашистам прикурить!»

Стоявший возле листовки полицейский не мог и думать, что неуловимый диверсант находится перед ним собственной персоной. Да и Владик не догадался, что объявление, сделанное на основании слов Торсиной, относится к нему.

До вечера мальчик старательно ремонтировал тёткины боты. А когда сгустились сумерки, улёгся спать.

— Совсем обессилел парнишка! — причитала тётка Меланья, укутывая племянника поверх одеяла своим пальто. И долго ещё, вздыхая, смотрела на худое его лицо.

В полночь, когда город забылся в тревожном сне, когда по улицам затопали сапоги патрулей, лёгкая тень бесшумно передвигалась к центру города.

Тень замерла у забора из колючей проволоки, окружавшего казарму полицейских. Взмах руки. Тень припала к земле.

Зазвенело разбитое стекло, и тотчас внутри здания грохнул взрыв. В окнах казармы затрепетало пламя. Раздались крики, ругань...

Часовой сдёргнул с плеча винтовку и принялся палить в темноту.

Выскочили из караулки солдаты, охраняющие въезд в зону Высокого берега. Они столпились возле шлагбаума, возбуждённо перебрасываясь отрывистыми фразами. И никто не заметил, откуда прилетел маленький чёрный предмет, шлёпнувшийся о землю возле них.

— Ахтунг! — крикнул кто-то из караульных.

Но крик был заглушён взрывом.

Тётка Меланья разбудила Владика очень рано.

Поёживаясь, Владик вышел из хаты. Утро было тихим и свежим. И в этой тишине особенно ощутимым был несмолкаемый гул, доносившийся с востока.

— Что это? Неужели гроза? — удивился Владик.

Казалось, за горами ворочался кто-то огромный, могучий, и от каждого его движения содрогалась земля.

— Тётя! — Владик схватил тётку за руку. — Неужели, тётя, это пушки гремят?! Наши пушки!

Меланья кивнула головой.

Из-за гребня гор поднимался край солнечного диска. Лучи скользили по голым веткам деревьев, по крышам, по зелёной щетинке первой травы...

— Как ярко светит солнце! Наше солнце! — улыбаясь, сказал Владик.

Он не знал, что повторяет последние слова Кати Соловьёвой. Слова из старой русской сказки.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта повесть родилась из гневных и горестных воспоминаний анапчан о чёрных днях фашистской оккупации. В работе над ней мною использованы акты расследований фашистских зверств, а также документы абверовских и гестаповских архивов, захваченных нашими войсками.

Как ясно из повести, из всей подпольной группы «Рассвет» не попал в лапы абверовских палачей только Владик Каширин. Он дождался прихода советских воинов-освободителей, упрямил командование одной из воинских частей зачислить его воспитанником, вместе с морскими пехотинцами дошёл до Будапешта. Уже в конце войны Владик вернулся в Анапу и поступил учиться в Анапский сельскохозяйственный техникум. Но закончить учёбу ему не довелось — он погиб при попытке обезвредить невзорвавшийся немецкий снаряд, обнаруженный в развалинах.

Катя Соловьянова, Аза Григориади, Владик Каширин и их боевые друзья должны вечно жить в памяти народной и учить новые поколения стойкости, мужеству, преданности Родине.

О ПОВЕСТИ «ОНИ ПРИБЛИЖАЛИ РАССВЕТ» И ЕЁ АВТОРЕ

Пятнадцать лет назад повесть «Они приближали рассвет» обрела первых своих читателей. Она была напечатана в 1968 году в 11—12 номерах альманаха «Кубань», и читательские письма, полученные автором буквально через несколько дней после публикации, были, конечно, в основном от анапчан.

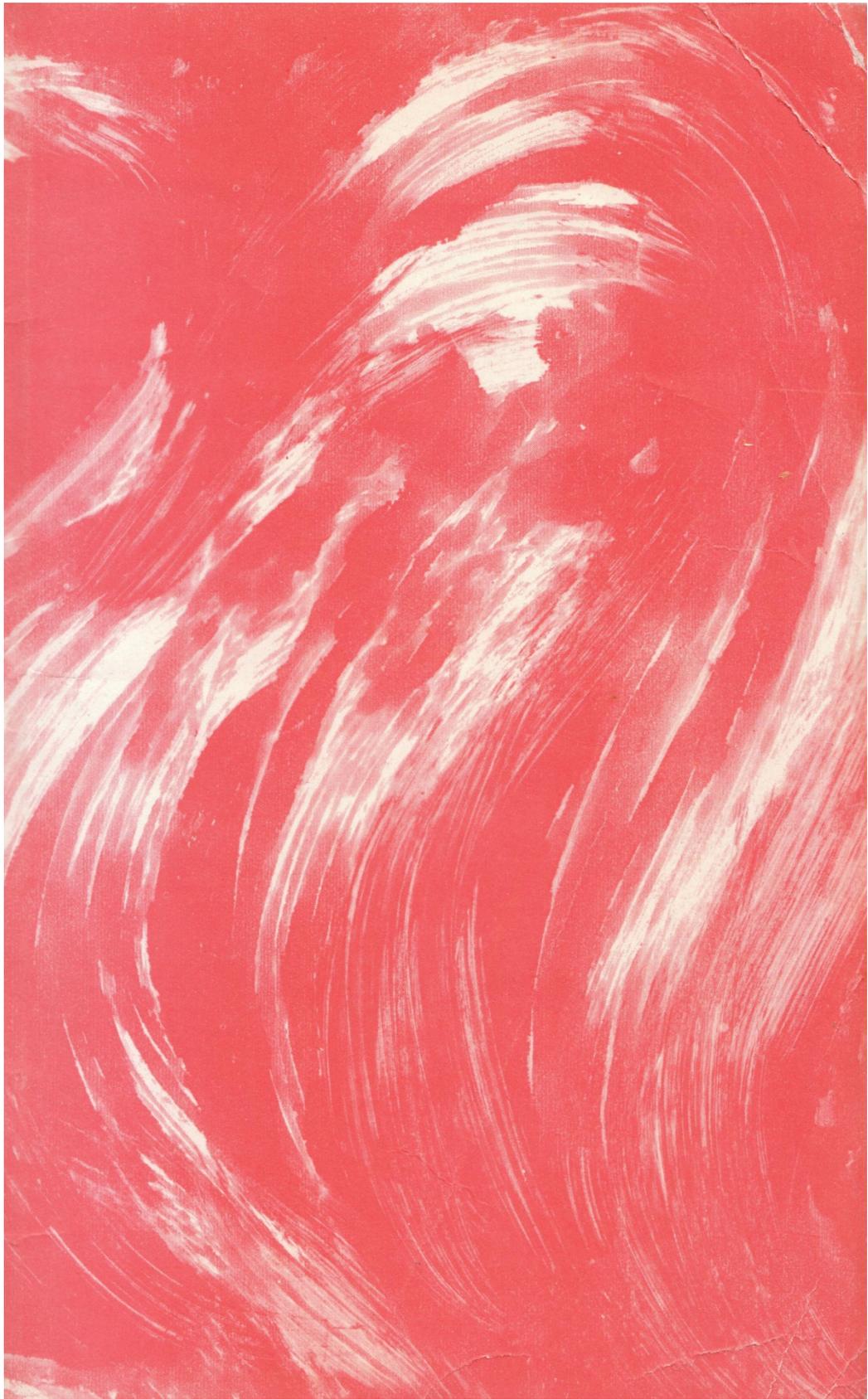
Жители небольшого причерноморского курортного города, которым выпало вынести все неизмеримые тяготы, все ужасы фашистской оккупации, старались разглядеть в художественных образах повести черты реальных героев. И документальная основа произведения позволяла им это сделать. Дорогие всем имена юных комсомольцев-подпольщиков, выступивших по велению сердца и гражданского долга на борьбу с оккупантами, их подвиги остались сбережёнными не только памятью старшего поколения, но и переданы как высокое нравственное наследие детям и внукам, вступающим в жизнь.

Автор повести «Они приближали рассвет» — один из старейших кубанских писателей. Жизнь Василия Алексеевича Попова богата событиями. Родился он в 1910 году в Тамани, в семье ветеринарного врача. В Баку, куда переехала семья, окончил школу второй ступени. Работал на нефтепромыслах. По комсомольской путёвке был направлен в школу ВВС имени ВЦИК.

В сорок третьем году Василий Попов становится членом Коммунистической партии.

В послевоенные годы работал в газетах «Пионерская правда» — заместителем редактора выездной редакции и собкором, в редакциях газет «Комсомолец Кубани», «Советская Кубань», «Черноморская здравница», был корреспондентом ТАСС, редактором и главным редактором книжного издательства.

В.А. Попов — автор трёх десятков книг. Читатели нескольких поколений помнят его повесть «Замок железного рыцаря», романы «Зрелость», «Простор», «Ты за всё в ответе», «Сыновья идут дальше»... Они стали своеобразной летописью кубанской колхозной жизни в 40—70-е годы. Особое место в его творчестве занимают «Кубанские сказы», раскрывающие поэтическую душу нашего края.

30 коп.

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983